

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

42
2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 42 (593) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Яков Карлович Грот (1812–1893), российский филолог.

Яков Карлович Грот родился в Петербурге в дворянской семье немецкого происхождения.

Семья Гротов переехала в Россию в 1760 году. Получив хорошее домашнее воспитание, Яков был определен на казенный счет в Царскосельский лицейский пансион, а через три года стал первокурсником лицея. Во время обучения он первый раз попробовал себя на литературном поприще, а также серьезно изучал иностранные языки — латынь, английский и итальянский. По окончании Царскосельского лицея Грот поступил на службу в канцелярию Комитета министров под начало Модеста Андреевича Корфа, при этом не оставил литературного творчества. В 1832 году в журнале «Современник» был опубликован его перевод поэмы Байрона «Мазепа», получивший высокую оценку общественности и литератороведов.

Со второй половины 1830-х и до начала 1850-х годов научные интересы Грота были связаны со Скандинавией. В совершенстве владея шведским и финским языками, Яков Карлович опубликовал большое количество переводов, а также собственных статей об истории, культуре, географии и литературе скандинавских стран. Эта деятельность Грота привлекла широкое внимание читающей публики, в результате чего его назначили чиновником особых поручений при статс-секретаре Великого княжества Финляндского. В 1847 году Яков Карлович оставил государственную службу и стал профессором русского языка и словесности в Гельсингфорском университете, где читал лекции на шведском и русском языках.

Грот совершил ряд этнографических экспедиций по Финляндии для сбора фольклора.

Еще одна грань научных интересов Грота — сравнительное языкознание, грамматика и история русского языка. В течение 1850-х годов ученый опубликовал ряд статей по этим вопросам на страницах отечественных журналов; впоследствии эти труды были изданы отдельной книгой под названием «Филологические изыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка». Она выдержала несколько изданий и стала значительным вкладом в разработку вопросов этимологии, лексикографии и грамматики русского языка.

В 1852 году Яков Карлович вновь переехал в Петербург и стал наставником детей великого князя Александра Николаевича — будущего императора Александра II. Он преподавал Николаю и Александру (будущему императору Александр III) русский язык, всеобщую и русскую историю, географию и немецкий язык. Год спустя Грот стал совмещать эти занятия с должностью профессора русского языка и словесности Императорского Александровского лицея.

За научные заслуги и близость к императорскому дому Грот получил звание академика. В 1857 году он выпустил

книгу «Об элементарном преподавании русского языка. Анализ теорий Ф. Буслаева и Я. Гримма», в которой изложил свои мысли о специфике русского языка и особенностях обучения ему. Педагогическая концепция Якова Карловича строилась на учете детской психологии и имела целью пробудить мысль и инициативу учащихся.

Исследования Грота в области орфографии внесли заметный вклад в развитие этой отрасли науки о языке. Его пособие «Русское правописание», изданное впервые в 1885 году, считалось нормативным вплоть до языковой реформы 1918 года.

Еще одно направление научного творчества Грота было связано с изучением отечественной литературы XVIII–XIX веков. Ему принадлежат очерки о М. В. Ломоносове, Н. М. Карамзине, И. И. Дмитриеве, И. А. Крылове, Г. Р. Державине, А. С. Пушкине, Екатерине II как писательнице. Помимо биографического и литературоведческого описания, Яков Карлович вводил в научный оборот подлинные, выверенные тексты произведений, эпистолярное наследие и другие архивные материалы, связанные с жизнью и творчеством писателей.

В 1860 году он начал подготовку девятитомного издания «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями», выходившего с 1864 по 1883 год. Этот монументальный труд заложил основы создания академических, научных изданий. Он представлял собой наиболее полное собрание сочинений Державина, включавшее не только ранние, неопубликованные произведения, но и все возможные, выверенные по источникам варианты. Также девятитомник содержал огромное количество научных историко-литературных комментариев, а отдельный том был целиком посвящен биографии Гавриила Романовича Державина. Кроме того, в последнем томе была представлена библиография опубликованных произведений как самого Державина, так и о нем.

Последние два года своей жизни Яков Карлович работал над изданием академического «Словаря русского языка», а также над очерками о своей учебе в Императорском Царскосельском лицее и его самом знаменитом выпускнике. Результатом архивных и историко-литературных изысканий Грота стал цикл статей под общим названием «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», а также книга «Пушкинский лицей (1811–1817)», изданная уже после смерти ученого.

Яков Карлович Грот скончался 24 мая (5 июня) 1893 года в Петербурге в возрасте 80 лет. Узнав о кончине Грота, Александр III написал: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 25 лет и привык любить и уважать эту достойную личность».

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Куприянов М. В.

Юридический анализ различий в наказании за покушение и оконченное убийство двух и более лиц 215

Куприянов М. В.

Анализ изменений сумм материального ущерба в уголовном законодательстве РФ по статье 158 УК РФ («Кражा») 218

Кутейникова Е. Ю.

Классификация юридических фактов в гражданском праве: доктринальные подходы и судебная практика 223

Кушников Ф. О.

Неосторожное соучастие в преступлениях: общая характеристика 226

Мавренков А. С.

Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам: актуальные проблемы 227

Маношкина О. А.

Процессуальное участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в судах: анализ и перспективы 232

Медведева А. В.

Типичные следственные ситуации при расследовании взяточничества 234

Муравьева А. А.

Общие проблемы квалификации ятогенных преступлений 236

Назипов Б. И.

«Разумный срок» в российском гражданском процессуальном праве 238

Пензина М. С.

Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, механизмы их введения в уголовно-процессуальную деятельность 240

Пермякова О. А.

Проблемы теории и практики исполнения приговора 243

Плетнева Т. А.

Основы международного гуманитарного права 245

Подлепина А. О.

Правовые основы контроля в оперативно-розыскной деятельности 247

Подрезов Т. А.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации в части применения принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости 249

Полынкевич З. В.

Специфика привлечения юридических лиц к административной ответственности 253

Розыева З. Б.

Основания оспаривания сделок по специальным основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» 255

Салтанов И. Е.

Особенности дореволюционного этапа правовой регламентации института реабилитации в уголовном процессе 258

Салчак У. А.

Налоговые преступления: виды и ответственность 259

Санджи-Гаряев В. Р.

Актуальные проблемы при осуществлении государственных закупок в условиях национального режима 263

Саркисов Г. А.

Актуальные правовые проблемы адвокатской деятельности при защите прав потерпевших ... 266

Сидорова М. Ф.

К вопросу о понимании сущности и содержания санкций в гражданском праве ... 268

Сирица А. С.

Коррупция в системе государственных закупок: криминологические аспекты и методы противодействия 270

Соколова А.А.

Недействительность сделок в контексте
защиты прав потребителей: правовые
механизмы и их эффективность 272

Соколовская Е.Ф.

К вопросу об учёте некоторых смягчающих
обстоятельств при назначении уголовного
наказания 275

Солодовникова С. В.

Институт подсудности в цивилистическом
процессе: современные вызовы и тенденции
развития 276

Стародубцев Е.Э., Генин В.Н.

К вопросу о новых правовых механизмах
охраны и обеспечения рационального
использования земельных участков
из состава земель населенных пунктов 279

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Юридический анализ различий в наказании за покушение и оконченное убийство двух и более лиц

Куприянов Максим Владимирович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье анализируется уголовно-правовая коллизия, возникающая при сравнении наказаний за оконченное убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и за покушение на такое же преступление, квалифицированное по совокупности ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Автор показывает, что, несмотря на общий принцип смягчения ответственности за неоконченные преступления, в случае частичного доведения умысла до конца (когда погибают не все намеченные жертвы) суд вынужден квалифицировать деяние по совокупности преступлений. Это приводит к формальному ужесточению окончательного наказания по сравнению с ситуацией, когда все жертвы погибли. На основе анализа норм УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ делается вывод, что указанное различие обусловлено не нарушением принципа справедливости, а особенностями правил квалификации и назначения наказания по совокупности преступлений.

Ключевые слова: убийство двух и более лиц, покушение на преступление, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30 УК РФ, совокупность преступлений, назначение наказания, Пленум Верховного Суда РФ, ст. 66 УК РФ, ст. 69 УК РФ, квалификация преступления.

Введение

Проблема сопоставления наказаний за оконченное убийство двух или более лиц и за покушение на такое же преступление является актуальной для уголовно-правовой теории и практики. Формально санкции закона могут создать парадокс: в некоторых ситуациях наказание за оконченное преступление (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) выглядит менее строгим, чем наказание за покушение на то же деяние, квалифицированное по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данное несоответствие требует анализа норм УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, чтобы понять, как правила назначения наказания по совокупности преступлений влияют на справедливость ответственности. В этой статье последовательно рассмотрены содержание соответствующих норм и объяснены причины указанного различия.

Убийство двух или более лиц как квалифицированный состав преступления

Убийство двух или более лиц относится к квалифицированным видам убийства и является особо тяжким преступлением. Пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ устанавливает ответственность за умышленное причинение смерти двум или более лицам. Обязательным признаком

данного состава является наступление смерти как минимум двух потерпевших [1]. Если это условие выполнено, содеянное квалифицируется как единое преступление — убийство двух или более лиц.

Санкция п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ весьма строга. Закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет (с последующим ограничением свободы от 1 до 2 лет), либо более чрезвычайные меры — пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Таким образом, совершение оконченного убийства двух или более лиц может повлечь вплоть до высшей меры наказания по российскому законодательству (хотя смертная казнь де-факто не применяется в силу моратория).

Покушение на преступление — это одна из стадий неоконченного преступления, наряду с приготовлением. Согласно ч. 3 ст. 30 УК РФ, покушением признаются умышленные действия (либо бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам [3]. Иными словами, на стадии покушения лицо уже приступило к реализации преступного намерения, создав реальную угрозу объекту, однако наступлению полного преступного результата помешали внешние причины.

Статья 30 также оговаривает условия уголовной ответственности за неоконченное преступление. Так, уголовная

ответственность за приготовление наступает только в отношении тяжких и особо тяжких преступлений [4]. В отличие от приготовления, покушение наказуемо на любое преступление, независимо от его категории (при условии, что деяние фактически не доведено до конца). Закон тем самым признаёт общественную опасность стадии покушения, особенно при посягательствах на жизнь. Например, покушение на убийство (ч. 3 ст. 30 в сочетании со ст. 105 УК) само по себе образует преступление, хотя результат в виде смерти не наступил.

Следует отметить, что состав квалифицированного убийства (в частности, убийства двух или более лиц) предполагает в качестве последствия смерть как минимум двух потерпевших. Если же фактически погиб лишь один человек, а второй остался жив, отсутствует необходимый признак этого квалифицированного состава. В таком случае действия виновного формально не образуют оконченного убийства двух лиц, а должны рассматриваться как неоконченное преступление — покушение на убийство двух или более лиц (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [1].

Сравнение наказаний за оконченное убийство и покушение на него

На первый взгляд, санкции за оконченное убийство нескольких лиц и за покушение на него регулируются таким образом, что наказание за попытку не превышает наказания за завершённое деяние. Уголовный кодекс прямо ограничивает размер наказания за неоконченное преступление. Согласно ч. 3 ст. 66 УК РФ [1], наказание за покушение не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. Кроме того, закон прямо запрещает назначать за покушение наиболее суровые исключительные меры: пожизненное лишение свободы и смертная казнь не применяются к неоконченным преступлениям. Эти нормы отражают общий принцип уголовного права, согласно которому покушение наказывается менее строго, чем оконченное преступление, ввиду того что оконченный вред (например, смерть потерпевших) не был причинён.

Однако при анализе конкретных ситуаций, связанных с убийством нескольких лиц, обнаруживается интересное различие формального характера санкций. Если преступление доведено до конца (убиты все намеченные жертвы), то виновный несёт ответственность за одно преступление — убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [1]. Если же хотя бы одна из жертв выжила, то деяние разбивается на несколько самостоятельных составов: оконченное убийство (или убийства) и отдельное покушение на убийство оставшихся лиц. Тогда виновный привлекается к ответственности по совокупности преступлений — в нашем случае, за убийство двух или более лиц и за покушение на убийство двух или более лиц [8, с. 77–79].

Именно в таком раскладе возникает ситуация, когда наказание за попытку может выглядеть строже. Пленум Верховного Суда РФ в редакции Постановления от 03.04.2008 разъяснил, что если не все намеченные потерпевшие погибли, наступает ответственность по совокупности преступлений, а не как за единый акт. Например, виновный убил двух людей и ещё двоих пытался убить; в этом случае содеянное квалифицируется как оконченное убийство двух или более лиц и одновременно как покушение на убийство двух или более лиц, то есть по п. «а» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1]. Формально получается, что тот, кто довёл умысел до конца и лишил жизни всех жертв, отвечает по одной статье, тогда как при несостоявшемся убийстве всех жертв — по двум статьям. Как отмечается в литературе, виновный, причинивший смерть всем потерпевшим, получит менее строгое наказание, чем при совокупности (когда часть убийств не окончена) [5, с. 241–245].

Этот парадокс не означает, что покушение как таковое наказывается строже убийства. Разница обусловлена именно совокупностью преступлений. При квалификации «частично неоконченного» посягательства на жизнь нескольких лиц суд вынужден разделить деяние на отдельные составы, что увеличивает общее наказание. В подобных случаях суд назначает наказание отдельно за каждое преступление, а затем определяет окончательное наказание по правилам ст. 69 УК РФ [1]. Согласно ст. 69, если имеется несколько преступлений (особо тяжких, тяжких или покушений на них), суд складывает наказания полностью или частично; при этом окончательное наказание не может превышать более чем на половину максимальный срок наказания за наиболее тяжкое из совершившихся преступлений. То есть суд учитывает суммарную общественную опасность содеянного, но ограничен определённым пределом. Например, в описанной ситуации наиболее тяжким составом является убийство двух лиц (максимум — 20 лет лишения свободы либо пожизненное). Предел по совокупности может составить до 30 лет лишения свободы (на половину больше 20-летнего максимума) [1]. Таким образом, теоретически совокупное наказание за убийство и покушение может быть ближе к максимальному пределу или даже превышать любой из отдельных приговоров, если бы рассматривать их по отдельности.

Важно подчеркнуть: принцип справедливости наказания сохраняется. Покушение остаётся менее наказуемым, чем завершённое преступление, в рамках каждого отдельного эпизода. Ограничение в 3/4 максимальной санкции (ч. 3 ст. 66 УК) [1] соблюдается при назначении наказания за сам факт покушения [9, с. 86–91]. Но когда деяние квалифицировано по нескольким статьям (например, убийство + покушение), суд при определении окончательного срока учитывает совокупную вину и опасность действий виновного. Именно поэтому может сложиться впечатление большей строгости: суммируя наказания, суд фактически реагирует на большее

число преступных последствий (смерть одних потерпевших и посягательство на жизнь других).

Практика Верховного Суда РФ исходит из соображений, что объединять все эпизоды в одно «покушение на убийство двух и более лиц» было бы неоправданно мягко. Как указал исследователь Г. Борзенков, признание всей ситуации единственным покушением снизило бы видимую опасность содеянного и привело бы к смягчению ответственности виновного по правилам ст. 66 УК РФ [1]. Поэтому судебная практика квалифицирует такие случаи по совокупности преступных деяний, как и предписано Верховным Судом РФ [2]. Другими словами, частичное доведение умысла до конца расценивается как основание для более строгого подхода при назначении наказания, хотя это строгость формальная, вытекающая из сложения наказаний за несколько преступлений, а не из прямого ужесточения санкций за покушение [4, с. 144].

Заключение

При сравнении санкций за убийство двух или более лиц и за покушение на такое преступление важно учитывать правила квалификации и назначения наказания. Формальное сопоставление статей показывает, что максимальная санкция за покушение ограничена (не более 3/4 от максимума за оконченное деяние) и исключает пожизненное лишение свободы. Тем не менее, особенности квалификации случаев, когда не все намеченные убий-

ства доведены до конца, приводят к ответственности по совокупности преступлений. В результате окончательное наказание по совокупности может оказаться строже, чем наказание за единичное оконченное преступление, если рассматривать цифры или сроки формально [5, с. 241–245].

Следует подчеркнуть, что это не противоречит принципам уголовного права, а лишь отражает тот факт, что при совокупности суд наказывает за два преступления вместо одного. Виновный, не доведший часть своего преступного намерения до конца, не несёт наказание больше, чем позволил бы закон за каждое из деяний в отдельности; напротив, он пользуется льготой 3/4 для покушения. Однако суммирование наказаний за несколько деяний неизбежно повышает общий объём репрессии. Таким образом, при формальном сравнении санкций необходимо учитывать специальные правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) и особенности квалификации покушения. Только с учётом этих правил сравнение будет корректным: оконченное преступление само по себе всегда наказуемо строже, но покушение в сочетании с другими преступлениями может привести к более высокому совокупному наказанию из-за большего объёма содеянного. Это подчёркивает, что справедливость наказания достигается не автоматическим сравнением санкций статей, а применением нормативных правил, учитывающих все обстоятельства совершённого.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения 17.10.2025) [2] [3] [12] [9].
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 N 4 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения 17.10.2025) [13].
3. Пушкирова А. С. Теоретические и практические вопросы назначения наказания по совокупности преступлений / А. С. Пушкирова. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 10. — С. 418–424.
4. Борзенков, Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья / Г. Н. Борзенков. — 2005: Зерцало-М, 2005 г. — 144 с. — Текст: непосредственный.
5. Лифанова Н. Е. Проблемы назначения наказания по совокупности преступлений / Н. Е. Лифанова. — Текст: непосредственный // Теория и практика современной науки. — 2019. — № 12. — С. 241–245.
6. Ларина, Л. Ю. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух и более лиц (на примере ч. 4 ст. 134 УК РФ) / Л. Ю. Ларина, И. В. Пантиухина. — Текст: непосредственный // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. — № 6 (11). — С. 129–134.
7. Языкова, М. С. Убийство двух и более лиц, малолетнего или иного лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека / М. С. Языкова. — Текст: непосредственный // Журнал юридических исследований. — 2018. — № Том 3, № 4, 2018. — С. 72–80.
8. Кулешова И. В. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц / И. В. Кулешова. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 3. — С. 77–79.
9. Коротких Н. Н. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц / Н. Н. Коротких. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2016. — № 1. — С. 86–91.

Анализ изменений сумм материального ущерба в уголовном законодательстве РФ по статье 158 УК РФ («Кража»)

Куприянов Максим Владимирович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье представлен историко-правовой анализ эволюции пороговых сумм материального ущерба, используемых для квалификации кражи по статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается динамика изменений понятий «значительный ущерб», «крупный» и «особо крупный размер» с 1997 года по настоящее время, а также их привязка к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ) и влияние инфляционных процессов на адекватность правовых норм. Подчёркивается необходимость своевременной индексации этих порогов для обеспечения справедливости и эффективности уголовного правоприменения. Анализ основан на официальных нормативных актах, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и статистических данных Росстата.

Ключевые слова: кража, статья 158 УК РФ, значительный ущерб, крупный размер, МРОТ, инфляция, уголовная ответственность, правоприменение, историко-правовой анализ.

Введение

Актуальность темы. Кража (ст. 158 УК РФ) [1] остаётся одним из наиболее распространённых преступлений: на её долю приходится около 60 % всех зарегистрированных преступлений в России. В силу высокой социальной значимости защиты собственности законодатель регулярно обращался к вопросу пороговых сумм ущерба, от которых зависит квалификация краж. От величины этих сумм зависит, будет ли деяние считаться малозначительным, квалифицироваться по более тяжкой части статьи, либо вовсе подпадать под административную ответственность. В условиях значительных колебаний экономической ситуации и инфляции за последние десятилетия (например, ежегодная инфляция составляла двузначные цифры во многие годы начала 2000-х) актуальность индексации этих пороговых значений очевидна. Не обновление сумм материального ущерба может приводить к тому, что мелкие хищения становятся уголовно наказуемыми из-за обесценивания денег, либо наоборот — нанесение значительного реального ущерба остаётся формально «мелким» в рамках устаревших критериев. Таким образом, вопрос своевременного изменения пороговых сумм ущерба напрямую влияет на справедливость и эффективность правоприменения.

Методология. Исследование базируется на историко-правовом методе (прослеживание эволюции нормы ст. 158 УК РФ во времени) [1], сравнительно-правовом анализе (сопоставление различных редакций и соотнесение их с экономическими показателями), а также нормативном анализе с использованием официальных источников права. Все сведения подтверждаются документальными данными из официальных источников: нормативно-правовых актов (опубликованных в Собрании законодательства РФ или на портале [pravo.gov.ru](#)), материалов справочно-правовых систем «КонсультантПлюс» и «Гарант», постановлений Пленума Верховного Суда РФ, статистических данных Росстата.

Первоначальная редакция 1996–2002 гг.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. (введён в действие с 1 января 1997 г., Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ) изначально предусматривал в примечании к ст. 158 определение **значительного ущерба гражданину** с порогом, привязанным к минимальной заработной плате. Согласно примеч. 2, значительным признавался ущерб, учитывающий имущественное положение потерпевшего, но не менее пятикратного минимального размера оплаты труда (МРОТ) на момент совершения преступления. Например, при МРОТ 83,5 руб. (установленном в 1997 г. после деноминации) минимальный порог значительного ущерба составлял около 417 руб. в ценах того периода. Понятия **крупного** или **особо крупного размера** применительно к краже первоначально прямо не упоминались — квалифицирующих признаков, связанных с суммой похищенного, ст. 158 УК РФ 1997 г. не содержала, кроме упомянутого значительного ущерба для потерпевшего (подп. «в» ч. 2 ст. 158). Таким образом, вплоть до 2003 г. от размера, похищенного зависела только квалификация по признаку существенного вреда потерпевшему (ч. 2 ст. 158), тогда как дифференциация наиболее тяжких случаев краж по сумме похищенного еще не была предусмотрена. [12. с. 115–117].

Реформа 2003 г. (ФЗ № 162-ФЗ).

Коренным пересмотром экономических критериев произошёл с принятием Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ [3] (вступил в силу 11 декабря 2003 г.). Этим законом законодатель **отказался от привязки к МРОТ** и установил фиксированные суммы в рублях для материального ущерба. В результате примечание 2 к ст. 158 было изложено в новой редакции: значительный ущерб гражданину стал определяться исходя из имущественного положения потерпевшего, но не менее 2 500 рублей. Таким образом, **минимальный порог значительного ущерба с конца 2003 г. составил 2500 руб.** вместо прежних 5 МРОТ. Одновременно примечание 4 главы 21 УК РФ [1] установило новые рублёвые эквиваленты для крупных хищений: **крупным размером** отныне признава-

лась стоимость имущества **свыше 250 000 рублей, а особо крупным — свыше 1 000 000 рублей**. Эти рублёвые пороги заменили прежние 500 МРОТ (крупный) и фактически ввели порог для особо крупного размера, которого не было в первоначальной редакции статьи о краже. Изменения 2003 г. также затронули смежные составы против собственности — например, в ст. 161 УК (грабёж) тогда же был исключён признак значительного ущерба и введены крупный/особо крупный размер (порог для грабежа установили выше: свыше 1 000 000 руб. — крупный, свыше 6 000 000 руб. — особо крупный, согласно ред. ФЗ № 162-ФЗ) [3]. Для краж же с конца 2003 г. действовали следующие пороговые значения: **2 500 руб. — значительный ущерб** (квалифицирующий признак ч. 2 ст. 158); **>250 000 руб. — крупный размер хищения**; **>1 000 000 руб. — особо крупный размер хищения**. Отметим, что в редакции 2003 г. сами диспозиции ст. 158 УК формально ещё не содержали слов «особо крупный размер» — кража в особо крупном размере непосредственно в статье не упоминалась. Однако понятие это было необходимо для других составов (например, разбоя) и фигурировало в примечаниях, установивших единые критерии для всей главы 21 УК РФ [12. с. 115–117].

Дальнейшие изменения (2004–2015 гг.).

В период 2004–2015 гг. пороговые суммы, установленные в 2003 г., **не пересматривались**. Статья 158 УК претерпевала изменения иной природы — например, были введены новые квалифицирующие признаки, не связанные с суммой (в 2006 г. добавлен подп. «б» ч. 3 — кража из нефтепровода и т. п.; в 2018 г. — подп. «г» ч. 3 о краже с банковского счета). Существенная корректировка структуры произошла в конце 2000-х: **Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ** [4] и последующими поправками изменилась система квалифицирующих признаков по сумме. В частности, **понятие особо крупного размера** было введено непосредственно в диспозицию нормы о краже: с 2010 г. ч. 4 ст. 158 стала предусматривать кражу, совершённую в особо крупном размере (вместо прежней формулировки «в крупном размере»). Соответственно, кража в крупном размере переместилась в ч. 3 ст. 158 как особо квалифицирующий признак, а признак «лицом, ранее судимым за хищение либо вымогательство» был исключён из перечня квалифицирующих (его декриминализовали отдельно).

Таким образом, с 2010 года кража на сумму более 1 000 000 руб. **вменяется по ч. 4 ст. 158 как хищение в особо крупном размере**, а кража на сумму свыше 250 000 руб. — по ч. 3 как хищение в крупном размере. Размеры этих порогов при этом остались теми же (1 000 000 и 250 000 руб.), поскольку определялись по-прежнему признаком 4 к главе 21 УК РФ. В период 2003–2016 гг. **минимальный значительный ущерб (2 500 руб.) также не менялся**, несмотря на рост цен и доходов населения за это время. Таким образом, с законодательной точки зрения пороговые суммы ущерба оставались «замороженными» около 13 лет [12. с. 115–117].

Реформа 2016 г. (ФЗ № 323-ФЗ).

Очередное изменение назрело в середине 2010-х в связи с инфляционными процессами и необходимостью разграничения уголовной и административной ответственности за мелкое хищение. Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ [5] были внесены важные поправки, вступившие в силу 15 июля 2016 г. Прежде всего, появился самостоятельный состав **мелкого хищения, совершённого лицом, подвергнутым административному наказанию** (ст. 158.1 УК РФ) [1] — мера против рецидива мелких краж. В КоАП РФ одновременно повысили порог стоимости, до которой хищение считается административным правонарушением (мелкое хищение по ст. 7.27 КоАП): **с 1 000 руб. до 2 500 руб.** В развитие этих изменений закон № 323-ФЗ [5] **увеличил двукратно и «значительный ущерб» по ст. 158 УК**: примечание 2 было изменено, и минимальная сумма значительного ущерба гражданину возросла с **2 500 до 5 000 рублей**. С 2016 г. значительным признаётся ущерб не менее 5 тысяч, учитывая имущественное положение потерпевшего. Пороговые размеры для крупного и особо крупного хищения законом 2016 г. не изменились (они остались 250 000 и 1 000 000 руб. соответственно). Таким образом, с июля 2016 г. текущие критерии таковы: **5 000 руб. — значительный ущерб** (п. 2 примечаний к ст. 158 УК); **>250 000 руб. — крупный размер**; **>1 000 000 руб. — особо крупный размер** (п. 4 примечаний).

Последние изменения 2023 г.

Хотя размеры ущерба в рублях после 2016 [5] г. формально не менялись, следует отметить одну недавнюю корректировку законодательства, касающуюся исчисления суммы ущерба. Конституционный Суд РФ Постановлением от 12.01.2023 № 2-П [7] выявил правовую неопределенность примечания 1 к ст. 158 УК (общего понятия хищения) в части включения сумм удержанного НДФЛ в состав ущерба при хищении зарплаты, признав эту норму неконституционной council.gov.ru. Во исполнение данного решения был принят Федеральный закон от 27.11.2023 № 553-ФЗ [6], дополнивший ст. 158 новым **примечанием 5**. Теперь прямо установлено, что **если предметом хищения являются доходы, облагаемые НДФЛ, то сумма удержанного налоговым агентом НДФЛ не включается в размер хищения**. Эта поправка устранила противоречие в правоприменении: ранее возникали случаи, когда похищение заработной платы квалифицировалось с учётом всей начисленной суммы, включая налог, хотя фактический ущерб работнику был меньше. Изменение 2023 г. не затрагивает пороги «значительного», «крупного» или «особо крупного» размера, однако уточняет порядок расчёта ущерба в случаях хищения доходов граждан, тем самым повышая определённость нормы.

Соотношение изменений с инфляцией и экономической реальностью

Анализ показывает, что изменения пороговых сумм **значительно отставали от роста цен** в экономике. Так,

Сравнительная таблица

Период	Значительный ущерб	Крупный размер	Особо крупный размер
1996–2002	≥5 МРОТ (~417 руб.)	Не установлен	Не установлен
2003–2015	≥2 500 руб.	>250 000 руб.	>1 000 000 руб.
2016–н.в.	≥5 000 руб.	>250 000 руб.	>1 000 000 руб.

пороги **2500 руб.** (значительный ущерб) и **250 000 руб.** (крупный размер), введённые в конце 2003 г., уже не отражали реальной ценности денег спустя более десяти лет. По данным Росстата, накопленная инфляция в России с 2004 г. по 2016 г. превысила 260 % (цены выросли примерно в 3,6 раза). Однако в тот период пороги не пересматривались вовсе. В результате минимальная сумма, признаваемая «значительным ущербом» для потерпевшего, фактически обесценилась: **2500 руб. в 2003 г. эквивалентны примерно 9000 руб. на середину 2016 г.** с учётом инфляции, тогда как закон оставлял порог на уровне 2500. Лишь в 2016 г. законодатель осуществил коррекцию, увеличив его до 5000 руб., что лишь частично компенсировало инфляционное удорожание жизни (5000 руб. в 2016 г. примерно соответствовали 1380 руб. в ценах 2003 г., то есть порог в реальном выражении стал даже ниже, чем был сразу после реформы 2003 г.) [12, с. 115–117].

Пороги «крупного» и «особо крупного» ущерба — 250 тысяч и 1 млн руб. — в 2003 г. были соизмеримы с крупными суммами денег того времени (например, 1 млн руб. тогда примерно равнялся \$33 000, тогда как в 2025 г. это менее \$10 000). За прошедшие 20 лет эти цифры утратили прежнюю тяжесть: общий рост цен с 2004 г. по 2024 г. составил около 500–600 %, то есть в реальном выражении **1 000 000 руб. сегодня сравним с ~166 тыс. руб. 2003 г., а 250 000 руб. — с ~41 тыс. руб. 2003 г.** [9]. Иными словами, рубль существенно обесценился, а законодательные критерии крупного ущерба остались прежними. Это приводит к тому, что в настоящее время хищение имущества на сумму 1 млн руб. уже не выглядит столь чрезвычайным случаем, каким оно было два десятилетия назад, хотя формально продолжает относиться к особо тяжким преступлениям (ч. 4 ст. 158 УК РФ, до 10 лет лишения свободы).

Такое запаздывание нормативной индексации отмечалось экспертами и самим законодателем. В 2022 г. Президент России на Петербургском экономическом форуме упомянул о необходимости повышения пороговых сумм ущерба для экономических преступлений. Однако последовавший за этим законопроект Минюста коснулся лишь мошенничества в предпринимательской сфере (ст. 159.5–7 УК) — там предложено повысить крупный и особо крупный размеры с 3 млн и 12 млн до 4,5 млн и 18 млн руб. соответственно. Для «обычных» краж, мошенничества и т. п. изменения не планировались: разработчики прямо указали, что **повышения предельных размеров в примечании к ст. 158 УК РФ не предполагается** [10]. Таким образом, по состоянию на 2025 г. законодателем сознательно сохранены пороги 250 000 и 1 000 000 руб., несмотря на несоответствие их современной экономической обстановке.

Скорее всего, это продиктовано опасениями избыточной либерализации ответственности: повышение порогов автоматически повлекло бы переквалификацию ряда преступлений на более мягкие части или даже в разряд административных правонарушений, что требует тщательного учёта криминологической обстановки.

Сравнивая динамику пороговых сумм с динамикой доходов населения, можно сделать вывод, что **критерии «значительности» и «крупности» ущерба сместились вниз относительно уровня жизни**. Если в 1990-х годах ущерб в несколько тысяч рублей мог действительно быть существенным для среднего гражданина, то сегодня планка в 5 000 руб. представляется низкой: практически любой кражей денег или имущества (даже мобильного телефона средней ценовой категории) причиняется ущерб, превышающий этот минимум. Судебная практика также указывает, что сами по себе **5 000 руб. — это нижняя граница**, и суды нередко признают значительным и более крупным ущерб, исходя из конкретных обстоятельств потерпевшего (например, кража 10 000 руб. у малоимущего пенсионера безусловно будет считаться причинением значительного ущерба). В то же время, сохраняющийся порог не позволяет признать значительным ущерб меньше 5000 независимо от ситуации, что иногда критикуется как недостаток гибкости. Например, хищение 3–4 тысяч рублей у гражданина, живущего на прожиточный минимум, формально не образует ч. 2 ст. 158, хотя для него потеря такой суммы весьма ощутима [11, с. 279–283].

Таким образом, **инфляция существенно опередила корректировку пороговых сумм**. Индексация 2016 г. была запоздалой и минимально необходимой мерой, а пороги крупных размеров не изменились уже более 20 лет. В отсутствие автоматического механизма пересмотра (ранее такую роль условно играл МРОТ, теперь же привязка только к фиксированным рублям) законодательные критерии требуют периодического пересмотра вручную. Практика показывает, что такие пересмотры происходят редко. Это создаёт риски несоответствия уголовного закона экономической реальности, что потенциально снижает превентивную роль закона и может приводить либо к перегрузке уголовной ответственности мелкими случаями, либо к чрезмерно строгой квалификации умеренных по современным меркам хищений как «крупных» и «особо крупных».

Влияние изменений на квалификацию и судебную практику

Изменения пороговых сумм напрямую отражались на том, по какой части статьи 158 квалифицируется кража,

а также на разграничении уголовных и административных правонарушений. Например, до 2016 г. кража на сумму 4 000 руб. подлежала уголовной ответственности (превышение 1 000 руб. — порога КоАП) и могла квалифицироваться по ч. 2 ст. 158 УК РФ при наличии признака значительного ущерба (минимум 2 500 руб.). После реформы 2016 г. та же самая кража 4 000 руб. впервые совершённая стала рассматриваться как административное правонарушение (мелкое хищение по ст. 7.27 КоАП), поскольку порог в КоАП вырос до 2 500, а значительный ущерб — до 5 000 руб. Таким образом, **повышение порога «значительного ущерба» исключило уголовную ответственность за ряд мелких хищений**, ранее формально подходивших под ч. 2 ст. 158. Это привело к разгрузке правоохранительной системы от дел о кражах на суммы порядка нескольких тысяч рублей, сконцентрировав уголовное преследование на более крупных хищениях или повторных мелких (через ст. 158.1 УК).

В отношении **крупных и особо крупных размеров** структурные изменения 2009–2010 гг. привели к более стройной системе квалификаций. До их введения любая кража свыше 250 000 руб. квалифицировалась по максимально тяжкой части (ч. 4 в ред. 2003–2009 гг.) наряду с организованными группами. После законодательного разделения порогов в 2010 г. появилась промежуточная ступень: кражи свыше 250 000 руб., но не более 1 000 000 руб., стали подпадать под ч. 3 ст. 158 (снижая максимальное наказание до 6 лет лишения свободы), а только хищения сверх 1 млн — под ч. 4 (до 10 лет). Это дифференцировало ответственность и устранило дисбаланс, когда, к примеру, кража на 300 000 руб. и на 5 000 000 руб. ранее находились в одной категории тяжести.

Введение категории «особо крупной» кражи позволило соизмерять санкцию с действительно исключительными случаями хищений на миллионные суммы. Однако, как отмечалось, отсутствие индексации привело к тому, что сейчас миллионная кража стала отнюдь не экстраординарным явлением в стоимостном выражении. Тем не менее формально суды продолжают квалифицировать, например, кражу на 1,2 млн руб. по ч. 4 ст. 158 УК (особо крупный размер), даже если эта сумма уже не соответствует прежнему экономическому понятию «особо крупного». На практике иногда возникают ситуации, когда защита указывает на инфляцию с целью признания ущерба несоответствующим квалифицирующему признаку, однако суды связаны буквой закона с конкретными суммами.

Разъяснения Верховного Суда РФ.

Высшая судебная инстанция неоднократно давала разъяснения, касающиеся толкования признаков ст. 158 УК РФ, в том числе размера ущерба. Так, **Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27.12.2002 № 29 [8](с изменениями от 16.05.2017 № 17)** указал судам, что при квалификации краж необходимо учитывать имущественное положение потерпевшего: признак «значительный ущерб» предполагает оценку совокупности фак-

торов, таких как уровень доходов, наличие иждивенцев, общее материальное состояние потерпевшего. Суд должен мотивировать, почему данный ущерб является значительным именно для этого гражданина, и мнение потерпевшего оценивается наряду с объективными данными о его финансах. Однако при этом подчеркнуто, что **размер ущерба не может быть менее установленного минимума** (на сегодня 5000 руб.) — ущерб ниже этой суммы в принципе не образует квалифицирующего признака. Таким образом, даже если для малоимущего потеря 3000 руб. крайне тяжела, закон не позволяет квалифицировать это как значительный ущерб — данное ограничение подтверждается судебной практикой.

Отдельно Верховный Суд разъяснял вопросы исчисления совокупного ущерба при соучастии. Если кража совершается группой лиц, ущерб складывается: **для признаков «значительный ущерб», «крупный» или «особо крупный» размер учитывается общая стоимость похищенного всеми соучастниками** (поскольку они действуют совместно). Например, если каждый из двух соучастников похитил по 150 000 руб., общий ущерб 300 000 руб. означает квалификацию кражи как совершившейся в крупном размере (ч. 3 ст. 158), даже если вклад каждого в отдельности не достиг бы порога. Эта позиция закреплена как в теории, так и в п. 25 постановления Пленума ВС РФ № 29/2002 (в ред. 2017 г.) [8].

Недавно, после изменений 2023 г., Пленум ВС РФ от 15.12.2022 № 38 разъяснил порядок применения новой нормы об исключении удержанного налога из суммы ущерба. Судам указано, что при хищении заработной платы следует исключать НДФЛ из расчёта ущерба, чтобы не считать его частью похищенного council.gov.ru. Это разъяснение важное практически: например, если злоумышленник похитил из кассы организации фонд оплаты труда сотрудников, то для квалификации по суммам берётся «чистый» ущерб работникам (без налога). Данная корректировка устранила имеющиеся ранее расхождения в практике.

Заключение

Проведённый анализ показал, что индексация пороговых сумм ущерба по ст. 158 УК РФ происходит крайне редко — фактически законодатель осуществлял её раз в десятилетие или реже. За почти 30 лет действия УК 1996 г. минимальный порог значительного ущерба повышался лишь дважды (в 2003 г. и 2016 г.), а крупный/особо крупный размеры были установлены единожды (в 2003 г.) и более не менялись. Это приводит к **существенному отставанию норм от экономических условий**: инфляция и рост благосостояния населения обесценивают рублёвые критерии. В результате **частота законодательной индексации не соответствует частоте изменения реальной стоимости денег** — изменения явно запаздывают. Например, порог «значительного ущерба» пересматривался спустя 13 лет, когда накопленная инфляция

превысила 150 %; пороги крупных размеров не менялись при инфляции свыше 500 %. Такая периодичность (или её отсутствие) указывает на отсутствие установленного механизма актуализации — всё зависит от разовых политических решений.

С точки зрения принципа правовой определённости, фиксированные пороги, несомненно, удобны — они дают чёткий количественный критерий, исключая произвол. Суды и правоохранительные органы имеют ясные ориентиры (5000, 250000, 1000000 руб.) при квалификации краж. Однако **справедливость** применения норм может страдать, если критерии устарели. В настоящее время разница в наказуемости краж, скажем, на 4900 руб. и 5100 руб. весьма ощутима (в одном случае максимум 2 года по ч. 1, в другом — до 5 лет по ч. 2), хотя реальная разница в ущербе минимальна. Это следствие того, что **5000 руб. — слишком низкий порог по нынешним меркам**, и любые кражи чуть выше него необоснованно сурохо переходят в категорию квалифицированных. С другой стороны, кражи на сотни миллионов рублей по-прежнему квалифицируются так же, как кража на 1 миллион, что тоже ставит вопросы о справедливости — величины ущерба, различающиеся в разы, юридически приравнены, пока не будет введён новый, более высокий порог для особо крупного размера. Таким образом, **эффективность** нормы в части дифференциации ответственности снижается по мере изменения цен: закон «различает» случаи уже не так, как задумано изначально. Тем не менее, действующие пороги имеют и позитивный эффект — например, установление в 2016 г. порога 5000 руб. позволило разграничить мелкие кражи и действительно ощутимый ущерб, что несколько повысило справедливость (раньше порог 2500 руб. был совсем низким).

С учётом изложенного, напрашивается вывод о необходимости **регулярной индексации** стоимостных критериев в уголовном законе. Возможны разные механизмы: привязка порогов к какому-либо экономическому показателю (например, к величине прожиточного минимума

или к тому же МРОТ, как это было раньше), либо обязанность правительства раз в определённый период проводить оценку и вносить законопроект об изменении сумм. Пока же таких механизмов нет, представляется целесообразным **повысить законодательно установленные суммы** хотя бы до уровней, соразмерных современной экономике. К примеру, различные эксперты высказываются за поднятие порога значительного ущерба до 10 000 или 15 000 руб., а крупного — до 1–2 млн руб. (с пропорциональным ростом особо крупного) [10]. Это снизило бы уголовно-правовое давление за относительно мелкие преступления и сконцентрировало бы ресурсы на настоящему крупных хищениях. Поэтому возможен компромисс — **постепенная индексация** (например, повышение на уровень инфляции раз в 5 лет) либо **частичная привязка порога к индексам цен** (например, устанавливать автоматически корректируемую сумму на основе статистических данных, с оговоркой о периодическом просмотре парламентом).

В итоге, анализ показал, что **действующая редакция ст. 158 УК РФ нуждается в корректировке пороговых сумм** с точки зрения актуализации их до современных реалий. Такое обновление повысило бы легитимность и справедливость нормы, устранило бы диссонанс между законом и ощущением общественной опасности деяния. До тех пор судам приходится применять действующие критерии, смягчая острые углы посредством учёта конкретных обстоятельств (имущественного положения потерпевших, малозначительности ущерба и пр.). Законодатель же, признавая проблему, пока придерживается консервативного подхода, опасаясь негативных последствий резкой либерализации. Тем не менее, представляется, что **постепенная и регулярная индексация** порогов — наиболее правильный путь, обеспечивающий поддержание уголовного закона в адекватном экономическом состоянии и позволяющий сохранить баланс между защитой собственности и принципом справедливости наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения 17.10.2025).
2. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 31.10.2002 N 133-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39397/ (дата обращения: 17.10.2025).
3. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 N 162-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 17.10.2025).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» от 27.12.2009 N 377-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95509/ (дата обращения: 17.10.2025).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения

- от уголовной ответственности» от 03.07.2016 N 323-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (дата обращения: 17.10.2025).
6. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 27.11.2023 N 553-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462873/ (дата обращения: 17.10.2025).
 7. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 N 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузякова». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437511/ (дата обращения: 17.10.2025).
 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 17.10.2025).
 9. Инфляция в России. — Текст: электронный // GOGOV: [сайт]. — URL: <https://gogov.ru/articles/inflation-rf> (дата обращения: 17.10.2025).
 10. Саркисов, В. И. Изменение размера ущерба по мошенничеству, краже, присвоению или растрате / В. И. Саркисов. — Текст: электронный // <https://www.advokat-sarkisov.ru>: [сайт]. — URL: [/blog/izmenenie-razmera-ushcherba-po-moshennichestvu-krazhe-prisvoeniyu-ili-rastrate.html](https://blog/izmenenie-razmera-ushcherba-po-moshennichestvu-krazhe-prisvoeniyu-ili-rastrate.html) (дата обращения: 17.10.2025).
 11. Майстренко, Г. А. К вопросу о необходимости пересмотра понятий «крупный ущерб», «особо крупный ущерб» в уголовном законодательстве России / Г. А. Майстренко. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 279–283.
 12. Полунина, Е. Н. Значение размера ущерба на стадии возбуждения уголовного дела о краже / Е. Н. Полунина, А. М. Хавдок. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2021. — № 5. — С. 115–117.

Классификация юридических фактов в гражданском праве: доктринальные подходы и судебная практика

Кутейникова Елена Юрьевна, студент
Российский новый университет (г. Москва)

*Настоящая статья посвящена анализу доктринальной проблемы классификации юридических фактов. На основе со-
поставления различных научных позиций — от классических до современных — исследуется дилемма «юридический
акт — юридический поступок» как центральная ось классификации. Выявляются риски, порождаемые правовой неопре-
деленностью, и предлагается путь их преодоления посредством выработки Верховным судом Российской Федерации уни-
фицированных разъяснений.*

Ключевые слова: юридический факт, юридическое действие, юридический акт, юридический поступок.

Динамика гражданских правоотношений — возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей субъектов — всегда опосредуется наступлением определенных жизненных обстоятельств. Именно те из них, которым гражданское законодательство придает юридическое значение, в цивилистической доктрине именуются юридическими фактами. Они выполняют функцию предпосылки, без которой норма права не может быть приведена в действие и трансформирована в конкретное субъективное право или обязанность.

Следует отметить, что учение, заложенное еще в римском праве и концептуально оформленное в XIX веке немецкой школой пандектистики, определяет юридические факты как конкретные жизненные обстоятельства, с ко-

торыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий [1]. При этом, как справедливо отмечается в современной доктрине, под юридическим фактом следует понимать не само по себе обстоятельство объективной реальности, а его субъективно воспринятое отражение, признанное правом в качестве вызывающего правовой эффект [2, с. 11]. В силу сущности права как социального регулятора, способного воздействовать только на человеческое поведение, не воспринятое человеком объективное обстоятельство не порождает правовых последствий.

Наиболее значимыми для динамики частноправовых отношений являются волевые акты субъектов — юридические действия. Однако Гражданский кодекс РФ

(далее — ГК РФ), в ст. 8 которого перечислены основания возникновения гражданских прав и обязанностей, регулируя отдельные их виды, не содержит системной классификации, что порождает как теоретические споры, так и практическую неопределенность.

В доктринальной классификации основное разделение правомерных действий состоит в их дифференциации на юридические акты и юридические поступки. Данная дихотомия, традиционно связываемая в отечественной науке с именем О. А. Красавчикова, основана на критерии направленности воли субъекта [3, с. 60]. Хотя эта концепция была сформулирована в советской доктрине, она позволяет проиллюстрировать подходы, реализованные в современном законодательстве. Так, юридический акт характеризуется тем, что воля лица специально направлена на достижение определенного правового результата (возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей); наиболее типичными примерами таких актов в действующем праве являются сделки (ст. 153 ГК РФ) и решения собраний (гл. 9 § 1 ГК РФ), прямо поименованные в ст. 8 ГК РФ в качестве оснований возникновения правоотношений. В свою очередь, юридический поступок — это действие, в котором воля направлена на достижение фактического, материального, но не юридического результата, однако закон, независимо от воли и сознания субъекта, придает такому действию правовое значение, как, например, при создании результата интеллектуальной деятельности (подп. 5 п. 1 ст. 8 ГК РФ) или находке вещи (ст. 227 ГК РФ).

Однако, несмотря на традиционность описанной двухчленной классификации, в современной юриспруденции существуют и более сложные подходы. Некоторые авторы, одним из наиболее последовательных сторонников которых является М. А. Рожкова, настаивают на выделении так называемых результативных действий в качестве самостоятельного вида. По мнению ученого, их следует отличать от юридических поступков по совокупности специфических признаков [4, с. 106]. Во-первых, хотя воля субъекта в них также направлена на достижение фактического, а не правового результата, ключевым является то, что правовые последствия связываются не с самим действием, а с появлением его объективированного результата (созданной вещи, изобретения, клада). Во-вторых, этот результат может носить как положительный, так и отрицательный характер, как, например, вред, причиненный при необходимой обороне. Именно эти особенности не позволяют отождествлять результативные действия с юридическими поступками и требуют их обособления в отдельную категорию.

На наш взгляд, доктринальная позиция, основанная на дихотомии «юридический акт — юридический поступок», сохраняет свою практическую ценность и должна быть положена в основу любой системной классификации. Ее ключевое преимущество — опора на фундаментальный для частного права критерий направленности воли. Именно осознанное волеизъявление субъекта, направленное на

установление, изменение или прекращение правоотношения, должно влечь за собой применение наиболее строгих правил, касающихся дееспособности, пороков воли, формы и т. д. В свою очередь, применение этих правил к действиям, правовой эффект которых является побочным, привнесенным со стороны правопорядка (поступкам), по аналогии должно быть казуистичным и обоснованным. Квалификация согласия в качестве поступка, а не сделки позволяет объяснить, почему к нему неприменимы многие нормы о сделках и почему его отзыв порождает не реституцию, а обязанность возместить убытки, вызванные отпадением правомерных ожиданий контрагента.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимость выделения «результативных действий» представляется дискуссионной. Признаки, на которые указывают сторонники данной концепции, по своей сути не выводят эти действия за рамки традиционного определения юридического поступка. Во всех указанных случаях воля субъекта направлена на достижение фактического, а не правового эффекта, что и является ключевым классификационным критерием. Таким образом, «результативные действия» полностью охватываются более общей категорией юридических поступков, что делает их обособление избыточным и нарушающим системность классификации.

Схожая по своей логике позиция, хоть и в иной терминологии, развивается и применительно к последствиям недействительных сделок. Так, В. А. Гончарова в своей работе убедительно доказывает, что основанием для возмещения убытков здесь выступает не сам порок сделки (который не является деликтом), а недобросовестное поведение стороны [7]. Именно оно, подрывая правомерные ожидания контрагента, и порождает обязанность возместить убытки, что полностью укладывается в предложенную концепцию юридического поступка.

Следует отметить, что практическая значимость этой сугубо теоретической проблемы подтверждается анализом правоприменительной практики высшей судебной инстанции. Публикуя постановления своего Пленума, Верховный суд РФ вынужден регулярно выполнять по сути нормотворческую функцию, разъясняя содержание и признаки тех или иных юридических фактов, которые не получили должной регламентации в законе. Наиболее ярким примером такого подхода является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее — Постановление ВС РФ № 25), в котором суд, tolkuy понятие сделки, фактически распространил его на такие разнородные явления, как признание долга, заявление о зачете и согласие на совершение сделки. С точки зрения классической доктрины такая квалификация не безупречна. Если зачет еще можно с оговорками отнести к сделкам, то согласие, как справедливо отмечают отдельные авторы, по своей правовой природе является юридическим поступком. Его цель — не создать правоотношение, а устраниТЬ препятствие для совершения сделки другим лицом.

Данный подход не является единичным случаем. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ о заключении и толковании договора» (далее — Постановление ВС РФ № 49) разъясняется, в каких случаях поведение сторон (конклюдентные действия) следует считать акцептом, то есть юридическим фактом, свидетельствующим о заключении договора. Подобное «расширительное» толкование и «ручное» регулирование со стороны судебной власти, хотя и решает конкретные правоприменительные задачи (например, позволяет применять к согласию нормы о недействительности), свидетельствует о системном дефекте законодательства — отсутствии общего, универсального инструментария для работы с категорией юридического факта, что в итоге ведет к размытию фундаментальных правовых понятий.

Данные разъяснения высшей судебной инстанции, направленные на восполнение законодательных пробелов, находят прямое отражение в практике нижестоящих судов, которые активно используют их в качестве методологической основы для квалификации юридически значимого поведения сторон. Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в Постановлении от 29 мая 2025 года по делу № А56–9698/2024, ссылаясь на пункт 13 Постановления ВС РФ № 49, квалифицировал частичную оплату по выставленному счету как юридический факт — действие, свидетельствующий об акцепте оферты путем совершения конклюдентных действий [5]. Аналогичную правовую позицию можно встретить и в практике Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа (Постановление от 30.10.2018 № Ф02–5236/2018 по делу № А33–34148/2017), где суд признал размер арендной платы согласованным через систематическое совершение сторонами действий по выставлению и оплате счетов [6]. В этих и подобных случаях судебная практика демонстрирует, что при отсутствии четкой законодательной классификации суды вынуждены опираться на толкование Пленума ВС РФ, чтобы придать правовое значение поведению, которое фор-

мально не является сделкой, но по своему существу выражает волю сторон.

Это подтверждает тезис о том, что именно судебное толкование сегодня является ключевым инструментом, определяющим границы и содержание различных видов юридических действий в гражданском обороте.

Учитывая роль высшей судебной инстанции в формировании единообразной практики, оптимальным решением видится не вынесение точечных разъяснений по отдельным видам юридических действий, а разработка и принятие системного, методологического документа — соответствующего Постановления Пленума Верховного суда РФ, посвященного применению общих положений о юридических фактах. Такой акт, в отличие от существующих постановлений, решающих частные вопросы квалификации (например, отнесение согласия к сделкам в Постановлении ВС РФ № 25), создал бы универсальную основу для судебного толкования. В нем было бы целесообразно закрепить доктринальное разграничение юридических актов и юридических поступков по критерию направленности воли на правовой результат, относя к актам сделки и решения собраний, а к поступкам такие действия, как создание произведений, согласие на совершение сделки или исполнение обязательства. Подобная четкая демаркация, в свою очередь, позволила бы системно разъяснить судам, что нормы о недействительности сделок могут применяться к юридическим поступкам по аналогии лишь в той мере, в какой это не противоречит их существу, обеспечивая предсказуемость и гибкость правоприменения.

В заключение следует сказать, что отсутствие системной легальной классификации юридических действий является пробелом в российском законодательстве, порождающим правовую неопределенность. Принятие соответствующего Постановления Пленума ВС РФ, основанного на классических доктринальных разработках, позволило бы создать надежный методологический инструмент для судов, унифицировать подходы к квалификации волевых актов и, как следствие, повысить стабильность и предсказуемость гражданского оборота.

Литература:

1. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Ф. К. фон Савиньи; пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Забаря. — М., Одесса, 2012. — С. 212.
2. Филиппова, С. Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.03 / С. Ю. Филиппова. — М., 2021. — 559 с.
3. Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. — М., 2017. — 183 с.
4. Рожкова, М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2009. — 330 с.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 29 мая 2025 года по делу № А56–9698/2024. — URL: <http://fasszo.arbitr.ru/cases/cdoc?docnd=841436605> (дата обращения: 20.07.2025).
6. Постановление от 30 октября 2018 г. по делу № А33–34148/2017 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kieJbXhudcZn/?ysclid=mdbum5fzw415734477> (дата обращения: 20.07.2025).
7. Гончарова, В. А. Возмещение убытков как последствие недействительности сделки: проблемы гражданско-правовой доктрины / В. А. Гончарова // Имущественные отношения в РФ. — 2018. — № 10 (205). — URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-kak-posledstvie-nedeystvitnosti-sdelki-problemy-grazhdansko-pravovoy-doktriny (дата обращения: 20.07.2025).

Неосторожное соучастие в преступлениях: общая характеристика

Кушников Фёдор Олегович, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается общая характеристика неосторожного соучастия в преступлениях. Оно возникает при определенных случаях, когда два или более лица участвуют в совершении преступления, причем одно или несколько из них действуют неосторожно, но при этом другие лица могли и должны были предвидеть и предотвратить совершение преступления.

Ключевые слова: уголовное право, соучастие, неосторожное соучастие, ответственность.

В настоящее время уголовное законодательство не является совершенным и по большей части представленный институт неосторожного соучастия остаётся одним из дискуссионных и недостаточно разработанным как в теории уголовного права, так и в законодательной практике.

Для того чтобы рассмотреть его более подробно необходимо начать с определения соучастия в целом. Его дает сам законодатель в статье 32 Уголовного Кодекса Российской Федерации:

«Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления».

В данном случае можно увидеть то, что соучастием признается именно умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Следует обратить внимание на указанную форму вины в виде конкретного умысла, поскольку этот фактор является важным и отличает соучастие от неосторожного соучастия. Также не стоит забывать о количественном показателе в виде участия именно нескольких или более лиц.

Конечно, необходимо упомянуть и то, что под двумя и более лицами, понимается обладание преступниками признаками общего субъекта, а именно, во-первых, они должны быть физическими лицами, во-вторых, достигнуть определенного возраста наступления уголовной ответственности, в-третьих, должны находиться в нормальном состоянии психического здоровья.

Исходя из определения, данного Уголовным Кодексом Российской Федерации, можно дать дефиницию уже неосторожного соучастия.

Неосторожное соучастие — это неумышленное участие, двух или более лиц, которые по неосторожности (легкомыслию или небрежности) совместно способствуют наступлению преступного результата, но при этом между ними отсутствует умышленная согласованность действий [2; с. 23].

В данном случае отсутствует конкретный умысел на совершение преступления, следовательно, совершенный

деяния с учетом данных обстоятельств должны квалифицироваться иначе.

Н. Д. Сергеевский полагал, что соучастие в неосторожном преступлении будет только в том случае, когда соучастники не предвидят последствия, но должны и могут их предвидеть. Например, строители работают на крыше дома, старший приказывает сбросить бревно с крыши, и один из работников исполняет приказание, позвав на помочь другого, который помогает ему, например, подает веревку. Бревно падает и причиняет смерть человеку. Старший в этом случае выступает в роли подстрекателя в неосторожном соучастии, второй — непосредственного исполнителя, третий — пособника в совершении преступления [2; с. 23].

В свою очередь А. А. Пионтковский выступал против института неосторожного соучастия и предлагал схожее с современным уголовным законодательством определение, а также считал, что каждое лицо в похожем выше случае должно индивидуально нести уголовную ответственность [6; с. 99].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие прямого закрепления в Уголовном Кодексе Российской Федерации понятия «неосторожного соучастия», проблемы квалификации при соответствующих деяниях и включения данного явления в уголовное законодательство является весьма актуальным, а возможное закрепление данного института, учитывая опыт зарубежных стран, имеет место быть.

Например, в уголовном законодательстве Швеции содержится норма, согласно которой каждый соучастник должен быть осужден в соответствии с умыслом или неосторожностью, относящихся к нему [5; с. 116].

Кроме того, уголовное законодательство Республики Польши тоже предусматривает ответственность за неосторожное соучастие [5; с. 116].

Ко всему прочему это позволило бы дать более точную квалификацию деянию, особенно в сферах, где коллективные решения или действия приводят к вредоносным последствиям, например, при экологических катастрофах (Статьи 246, 247 Уголовного Кодекса РФ) и про-

изводственных авариях (Статьи 216, 217 Уголовного Кодекса РФ), а также при нарушениях требований в области

транспортной безопасности, положения которой содержатся в статье 263.1 Уголовного Кодекса РФ.

Литература:

1. Айрапетян М. Г., Погребатько Е. С. Понятие соучастия в преступлении // Вестник науки и творчества. 2016. № 11 (11). С. 11–13.
2. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. — Москва: Статут, 2013. — 408 с.
3. Гринберг М. С. Понятие и виды соучастия в неосторожном преступлении // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2008. № 2. С. 120–122.
4. Магомедов Д. Б., Ибрагимова А. А. Неосторожное соучастие в преступлении // Закон и право. 2022. № 4. С. 171–173.
5. Кольцов М. И. Уголовно-правовая характеристика соучастия по уголовному законодательству зарубежных государств // Вестник ТГУ. 2014. № 10 (138). С. 115–122.
6. Пионтковский А. А. Вопросы Общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов. М., 1954. 104 с.
7. Трайнин А. С. Специальные вопросы учения о соучастии // Учёные записки ВИЮН. — 1940.– Вып. 1. — С. 30.
8. Трайнин А. С. Учение о соучастии. — М.: Юриздан, 1941. — С. 109–118.
9. Трайнин А. С. Некоторые вопросы учения о соучастии // Соц. законность. — 1957. — № 2. — С. 26–29.

Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам: актуальные проблемы

Мавренков Анатолий Сергеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются современные вопросы правового статуса электронных доказательств в российском гражданском процессе. Особое внимание уделяется проблемам их достоверности, возможности фальсификации и необходимости повышения ответственности сторон. В рамках исследования рассматриваются вопросы нормативного регулирования консультации специалиста как средства доказательства, а также предлагаются меры по унификации процессуального законодательства для расширения использования профессиональных знаний в суде. Автор предлагает внедрить практические механизмы для подтверждения подлинности электронных доказательств и укрепления их роли в судебном разбирательстве, что будет способствовать повышению качества гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, достоверность, фальсификация, консультация специалиста, нотариальное удостоверение, процессуальное регулирование, ответственность сторон, подлинность документов.

Статьёй 46 Конституции РФ каждому гарантируется право на судебную защиту его прав и свобод, которое, по смыслу части 2 статьи 118 Основного Закона, может быть реализовано в рамках конституционного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства [1]. Для всех перечисленных видов судопроизводств свойственно наличие института средств процессуального доказывания, в частности — судебных доказательств. Это неудивительно, поскольку именно в ходе исследования и оценки судебных доказательств суд получает объективные сведения о фактических обстоятельствах дела, что позволяет с большей долей вероятности установить наличие или отсутствие юридически значимых фактов.

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, гражданские дела составляют порядка

80 % от общего числа дел, рассматриваемых российскими судами [2]. В этой связи особенно значимым представляется исследование института судебных доказательств именно в гражданском процессе.

Доказательствам и доказыванию в гражданском процессе посвящена глава 6 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ. Перечень допустимых в гражданском процессе доказательств изложен в абзаце 2 части 1 статьи 55 ГПК РФ, и включает в себя объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, а также заключения эксперта [3]. Анализ приведённых положений ГПК РФ свидетельствует о том, что перечень доказательств является закрытым; к этому же выводу склоняется подавляющее большинство отечественных учёных-процессуалистов.

Для сравнения, обратимся к отраслям процессуального права, тесно связанным с гражданским процессом — административному судопроизводству и арбитражному процессу. Перечень судебных доказательств, изложенный в части 2 статьи 59 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ, в общем и целом, повторяет перечень, содержащийся в части 2 статьи 55 ГПК РФ [4]. Это свидетельствует о том, что перечень допустимых судебных доказательств в административном судопроизводстве также является закрытым.

Иным образом выглядит перечень доказательств в арбитражном процессе. Наряду с указанными в ГПК РФ средствами доказывания, часть 2 статьи 64 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ дополнительно выделяет в качестве доказательств консультации специалистов, а также иные документы и материалы [5]. Упоминание в указанной правовой норме неких «иных документов и материалов» даёт основания охарактеризовать перечень содержащихся в АПК РФ доказательств как открытый (неисчерпывающий); однако, ряд учёных-процессуалистов не согласен с такой характеристикой. К примеру, Н. А. Никиташина и К. В. Марьясов считают, что данный перечень открытым не является, поскольку статья 89 АПК РФ предусматривает, что иные документы и материалы должны быть представлены в предусмотренном АПК РФ порядке; при этом, кодексом не раскрывается, что подлежит пониманию под иными носителями информации, и в каком порядке они должны быть представлены [6, с. 74–75].

Позволим себе не согласиться с приведённым мнением, поскольку общий порядок представления доказательств закреплён в статье 66 АПК РФ. Установление какого-либо специального порядка представления иных документов и материалов невозможно без их конкретизации, что, в свою очередь, приведёт к тому, что перечень доказательств в АПК РФ действительно станет закрытым.

В настоящее время среди учёных-процессуалистов растёт поддержка идеи пересмотра статьи 55 ГПК РФ. Так, М. М. Кислицина приходит к выводу о необходимости унификации перечней судебных доказательств в арбитражном и гражданском процессах с целью придания последнему открытого характера [7].

Согласимся с указанной позицией. Доказательствами, в соответствии с частью 1 статьи 55 ГПК РФ, являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Представляется, что такие сведения могут быть почерпнуты не только из перечисленных в статье 55 ГПК РФ источников. Научно-технический прогресс не стоит на месте, проникая во все сферы человеческого бытия; появление же новых носителей сведений о фактах, имеющих значение для рассмотрения дела приведёт к необходимости постоянного внесения поправок в соответ-

ствующие положения ГПК РФ; придание же перечню доказательств открытого характера избавит законодателя от такой необходимости.

В том, что такие носители будут появляться, сомневаться не приходится. Растущий уровень цифровизации уже привёл к формированию такого феномена как электронные (цифровые) доказательства.

В настоящее время в учёной среде отсутствует какой-либо единый подход к природе таких доказательств. К примеру, А. В. Малык выделяет следующие подходы:

1. Электронные доказательства являются традиционными видами доказательств, а их отнесение к письменным, вещественным, аудио- или видеозаписям зависит от того, какие из данных, сохранённых в электронной форме, имеют доказательственное значение;

2. Электронные доказательства представляют собой группы в рамках уже существующих видов доказательств, которые должны наделяться специальным правовым статусом с учётом их особенностей;

3. Электронные данные — совершенно новый, самостоятельный вид доказательств [8, с. 47].

Чаще всего представляемые в суд электронные доказательства являются собой традиционные доказательства в электронной форме. Об этом, в частности, свидетельствуют положения части 1 статьи 71 ГПК РФ, согласно которым к письменным доказательствам относятся, в числе прочего, «иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ».

Помимо этого, в соответствии с абзацем 3 части 1 статьи 55 ГПК РФ объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей могут быть получены путём использования систем видеоконференц-связи, а также путём системы веб-конференции. Это означает, что такие доказательства как объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей также могут поступить в суд в электронной форме.

Что же касается аудио- и видеозаписей, то по смыслу статьи 77 ГПК РФ такие доказательства могут быть представлены в суд на электронном или ином носителе. На практике же такие доказательства уже давно представляются в суд не на аудио- или видеокассетах, а в виде электронных файлов, записанных на оптический компакт-диск или USB-накопитель, то есть — в электронной форме.

Из сказанного выше следует, что электронные доказательства не являются чем-то необычным для современного российского судопроизводства. В этой связи наиболее актуальным является вопрос практического применения такого рода средств доказывания.

Как отмечает В. И. Заиграева со ссылкой на А. Т. Боннер, существенным недостатком электронного доказательства является лёгкость внесения в него изменений, вследствие

чего у суда возникают сомнения в соответствии такого доказательства критерию достоверности [9, с. 20]. Анализируя судебную практику по данному вопросу, другой исследователь, М. А. Исаков, приходит к выводу о том, что суды признают допустимыми и достоверными электронные доказательства, заверенные нотариусом и представленные в форме нотариального протокола, либо исследуют такие доказательства непосредственно в электронной форме в ходе судебного заседания с составлением протокола его осмотра [10, с. 128].

Исходя из собственного опыта участия в судебных заседаниях по гражданским делам можем сказать, что осмотр электронных доказательств непосредственно в судебном заседании происходит крайне редко. Далеко не всегда у суда имеется техническая возможность осмотра электронного доказательства непосредственно в электронной форме, поскольку компьютер в зале судебного заседания зачастую имеется только у секретаря, а доступ к сети «Интернет» может и вовсе отсутствовать. Вследствие этого наиболее часто встречающейся формой представления электронного доказательства в материалы дела является нотариальный протокол. В этой ситуации нотариус как лицо, никоим образом не заинтересованное в результатах рассмотрения дела, выступает как независимый специалист, удостоверяющий факты в соответствии с законом, что придаёт электронным доказательствам юридическую силу.

Между тем, судебной практике известны случаи, когда суд принимал электронные доказательства (в частности, электронную переписку) в виде обычных скриншотов без какого-либо стороннего заверения. Так, при рассмотрении кассационной жалобы З. на решение Чертановского районного суда г. Москвы от 16 ноября 2023 года и апелляционное определение Московского районного суда от 23 апреля 2024 года по делу № 2-4596/2023, Второй кассационный суд общей юрисдикции указал, что законом не предусмотрена обязательная нотариальная форма заверения электронной переписки, и работник, как наиболее слабая сторона в трудовых правоотношениях, вправе предоставлять в суд любые доказательства [11].

Такой подход к форме предоставления электронных доказательств в суд представляется благоразумным, поскольку нотариальное обеспечение доказательств характеризуется высокой стоимостью, что значительно ограничивает возможность его использования широким кругом лиц. К примеру, региональный тариф за составление протокола осмотра сайтов, а также специальных программ по обмену текстовыми сообщениями, установленный Мурманской областной нотариальной палатой, составляет десять тысяч рублей за страницу протокола [12].

В этой связи возникает закономерный вопрос — а возможно ли подтвердить достоверность электронного доказательства без его нотариального удостоверения и непосредственного исследования судом? Для ответа на этот вопрос обратимся по аналогии к другим доказательствам,

предусмотренным статьёй 55 ГПК РФ — свидетельским показаниям и заключению эксперта.

В силу части 2 статьи 80 ГПК РФ в определении суда о назначении экспертизы указывается, что за дачу заведомо ложного заключения эксперт предупреждается об ответственности, предусмотренной Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ). Здесь имеется в виду часть 1 статьи 307 УК РФ, ответственность по которой наступает и для свидетеля в случае дачи заведомо ложных показаний [13]; о предупреждении об уголовной ответственности со свидетеля также берётся соответствующая подпись (часть 1 статьи 176 ГПК РФ).

Как показывает судебная практика, при отсутствии противоречий с другими материалами дела именно предупреждение свидетеля об уголовной ответственности является решающим фактором, подтверждающим соответствие показаний свидетеля критерию достоверности доказательств. Например, в ходе рассмотрения Октябрьским районным судом города Мурманска дела № 2-77/2025 при помощи показаний свидетелей, предупреждённых об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, было установлено, что полученная Ш. травма в виде ожогов являлась производственной, а не бытовой [14]. В другом деле суду при помощи показаний свидетеля удалось выяснить срок, в который ответчик осуществил доставку стройматериалов на земельный участок истца [15]; при этом, в решении суда также имеется ссылка на предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Такой подход к оценке достоверности свидетельских показаний легко объясняется тем, что у суда попросту отсутствуют какие-либо иные способы их проверки. Суд не обладает возможностью непосредственно исследовать внутренние побуждения и искренность свидетеля, поэтому предполагается, что свидетель под угрозой наступления уголовной ответственности будет сообщать суду только правдивые сведения.

Представляется, что обозначенный подход может быть применим и при оценке представляемых в материалы гражданского дела распечаток электронных данных. В УК РФ с момента его принятия имеется статья 303, часть 1 которой предусматривает уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому или административному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем. В связи с этим, полагаем целесообразным внести в ГПК РФ положение, предусматривающее обязанность суда затребовать расписку о предупреждении об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств у лица, заявляющего ходатайство об их приобщении к материалам гражданского дела. В то же время мы также полагаем, что вопрос о введении такого положения требует дальнейшего научного анализа, включающего комплексное исследование с учётом норм уголовного права и процессуальных гарантий участников гражданского судопроизводства.

Такое понятие, как консультация специалиста, известно гражданскому, административному и арбитражному судопроизводствам, однако подход законодателя к консультации специалиста в гражданском процессе и административном судопроизводстве существенно отличается от такого подхода в арбитражном процессе. Так, в соответствии со статьёй 188 ГПК РФ специалист привлекается судом для получения консультаций и пояснений при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, а также оказания непосредственной технической помощи. Ввиду того, что, как уже говорилось выше, перечень доказательств в гражданском процессе является закрытым, и консультация специалиста не упоминается в статье 55 ГПК РФ, её нельзя отнести к перечню допустимых доказательств.

Схожим образом выглядит ситуация с консультацией специалиста в административном судопроизводстве. Согласно части 1 статьи 169 КАС РФ специалист даёт суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда. При этом, в отличие от ГПК РФ, КАС РФ не содержит закрытый перечень ситуаций, при которых суд вправе привлечь специалиста, однако часть 4 статьи 169 КАС РФ не относит консультацию специалиста к доказательствам по административному делу.

В отличие от ГПК и КАС, АПК РФ напрямую относит консультацию специалиста к числу допустимых доказательств. Согласно статье 87.1 АПК РФ специалист даёт устную консультацию непосредственно в судебном заседании без проведения специальных исследований.

В. А. Новицкий предлагает унифицировать подходы к консультации специалиста в гражданском и арбитражном процессах путём её включения в список доказательств, установленный статьёй 55 ГПК РФ [16, с. 125]. Согласимся с данным предложением, поскольку, как показывает судебная практика, в ходе рассмотрения гражданских дел судам достаточно часто приходится разрешать вопросы, требующие наличия специальных знаний, по которым проведение судебной экспертизы нецелесообразно. К примеру, Полярный районный суд Мурманской области для выяснения вопроса необходимости получения элек-

тромонтёрами указания диспетчеров для проведения планового осмотра электрооборудования допросил в качестве свидетелей диспетчеров оперативно-диспетчерской службы энергоснабжающей организации [17].

По своей сути, сообщённые свидетелями сведения являлись именно консультацией специалистов, а не свидетельскими показаниями, поскольку свидетель, по смыслу части 2 статьи 177 ГПК РФ, сообщает суду сведения об известных ему обстоятельствах конкретного дела; в рассмотренном же деле допрос диспетчеров энергоснабжающей организации содействовал суду в установлении факта необходимости получения электромонтёрами указаний от диспетчеров при проведении планового осмотра электрооборудования. Поскольку консультация специалиста не включена в перечень допустимых доказательств, предусмотренный гражданским процессуальным законодательством, суд вынужден был привлечь диспетчеров в качестве свидетелей для получения соответствующих разъяснений.

Между тем, полагаем, что вопрос необходимости отнесения консультации специалиста к числу допустимых доказательств в гражданском процессе также требует более детальной научной проработки.

Таким образом, основные проблемы современных средств процессуального доказывания по гражданским делам связаны с отсутствием единого подхода к правовому статусу электронных доказательств, сомнениями в их достоверности из-за возможности изменения, высокой стоимостью нотариального удостоверения доказательств и недостаточным процессуальным регулированием консультации специалиста в гражданском процессе. Для их решения предлагается ввести обязанность заявителя предоставлять расписку о предупреждении об уголовной ответственности за фальсификацию электронных доказательств, что повысит их надежность без обязательного нотариального заверения; унифицировать нормы ГПК и АПК РФ, закрепив консультацию специалиста в перечне допустимых доказательств гражданского судопроизводства, что расширит возможности использования профессиональных знаний без назначения экспертизы; а также разработать более доступные и эффективные механизмы подтверждения подлинности электронных документов, чтобы снизить затраты и упростить их применение в суде.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, дата обращения: 06.10.2025;
2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/?id=79>, дата обращения: 06.10.2025;
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828>, дата обращения: 06.10.2025;

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990>, дата обращения: 07.10.2025;
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219>, дата обращения: 07.10.2025;
6. Никиташина Н. А, Марьясов К. В. Электронные доказательства в цивилистическом процессе // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 74–79;
7. Кислицина М. М. Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам. // Международный научный журнал «Синергия Наук» [Электронный ресурс]. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article9574?ysclid=meyk6lp1q3817616615>, дата обращения: 07.10.2025;
8. Малык А. В. Формирование и природа электронных доказательств // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 45–51;
9. Заиграева В. И. Электронный документ как электронное доказательство в гражданском судопроизводстве // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. 2020. С. 18–22;
10. Исаков М. А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2021. № 5–1 (38). С. 125–130;
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-21123/2024 от 29 августа 2024 г. по кассационной жалобе Зыковой Надежды Вячеславовны на решение Чертановского районного суда г. Москвы от 16 ноября 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 апреля 2024 г. // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции [Электронный ресурс]. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13284221&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1, дата обращения: 07.10.2025;
12. Размеры региональных тарифов, установленных Мурманской областной нотариальной палатой в соответствии с предельными размерами региональных тарифов, установленных Федеральной нотариальной палатой для Мурманской области // Интернет-портал Мурманской областной нотариальной палаты [Электронный ресурс]. URL: <https://51.notariat.ru/ru-ru/actions-and-tariffs/regional-rates/>, дата обращения: 07.10.2025;
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891>, дата обращения: 12.10.2025;
14. Решение Октябрьского районного суда города Мурманска по делу № 2-77/2025 от 25 апреля 2025 г. по иску Шаповалова Юрия Петровича к обществу с ограниченной ответственностью «МурманПромРесурс» о признании несчастного случая производственной травмой, восстановлении на работе, взыскании задолженности по зарплатной плате, компенсации морального вреда // Официальный сайт Октябрьского районного суда города Мурманска [Электронный ресурс]. URL: https://okt-mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=192206102&delo_id=1540005&new=0&text_number=1, дата обращения: 12.10.2025;
15. Заочное решение Печенгского районного суда Мурманской области по делу № 2-802/2024 от 29 ноября 2024 г. по иску Исаковой Марины Геннадьевны к обществу с ограниченной ответственностью «Афиксстрой» о защите прав потребителя // Официальный сайт Печенгского районного суда Мурманской области [Электронный ресурс]. URL: https://pech-mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=186963784&delo_id=1540005&new=0&text_number=1, дата обращения: 12.10.2025;
16. Новицкий В. А. Судебное доказывание по гражданским и арбитражным делам / В. А. Новицкий. — СПб.: СПбУТУиЭ, 2021. — 210 с.;
17. Решение Полярного районного суда Мурманской области по делу № 2-282/2019 от 19 августа 2019 г. по иску Клевакина С. А. к филиалу «Северо-Западный» акционерного общества «Оборонэнерго», району электрических сетей «Александровский» филиала «Северо-Западный» акционерного общества «Оборонэнерго» о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда // Официальный сайт Полярного районного суда Мурманской области [Электронный ресурс]. URL: https://pol-mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=84110986&delo_id=1540005&new=0&text_number=1, дата обращения: 13.10.2025.

Процессуальное участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в судах: анализ и перспективы

Маношкина Ольга Алексеевна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Зенкин Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается процессуальное участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами, начиная с подготовки к судебному заседанию и заканчивая обжалованием приговора и контролем за его исполнением. Повышенный интерес уделяется этапам подготовки прокурора к судебному заседанию, участию в разных стадиях судебного разбирательства и процессуальным действиям после провозглашения приговора. Анализируются особенности представления доказательств, допроса свидетелей и экспертов, участия в прениях сторон, порядок обжалования приговора. Выделяются проблемы, связанные с ограниченностью полномочий прокурора по представлению доказательств и недостаточной регламентацией его статуса при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения. Предлагаются изменения в УПК РФ, направленные на расширение полномочий прокурора по представлению доказательств и конкретизацию его роли при избрании меры пресечения. Подчеркивается значимость соблюдения законности, обоснованности и справедливости на всех этапах уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, судебное разбирательство, поддержание обвинения, обжалование приговора, доказательства, мера пресечения, УПК РФ, законность, справедливость.

Прокурор выступает гарантом соблюдения процессуальных норм и предотвращения нарушений, приводящие к незаконному осуждению или необоснованному оправданию. Прокурор, участвуя в судебном процессе, поддерживает государственное обвинение и осуществляет надзор за законностью действий суда и других участников процесса.

Изменения в законодательстве, введение новых процессуальных институтов и развитие судебной практики требуют от прокуроров постоянного совершенствования своих знаний и навыков.

Изучение и анализ особенностей участия прокурора в рассмотрении уголовных дел, выявление проблемных вопросов и разработка рекомендаций по их разрешению являются значимыми задачами, стоящими перед юридической наукой и практикой.

Специфику процессуального участия прокурора в рассмотрении уголовных дел в судах, полагаем, следует анализировать в ходе исследования следующих этапов:

- подготовка прокурора к участию в судебном заседании;
- участие прокурора в разных стадиях судебного разбирательства;
- процессуальные действия прокурора после провозглашения приговора.

Так, подготовка прокурора к судебному заседанию — совокупность мер для обеспечения законности и справедливости (изучение дела, оценка доказательств, выявление слабых мест в обвинении и анализ материалов защиты). Прокурору следует детально изучить обвинительное заключение, оценить допустимость и достоверность доказательств, предвидеть контраргументы защиты и подготовить ответы. На основе анализа формируется стратегия поддержания обвинения, определяющая порядок представления доказательств и тактику прений.

Прокурору следует знать, толковать и применять законы, учитывая Конституцию РФ и международные договоры. Важен анализ судебной практики для обоснования обвинения и прогнозирования решений суда. На основе материалов дела формируется правовая позиция, убедительно доказывающая вину. Уместно выявлять слабые места доказательств, разрабатывать стратегию укрепления обвинения и предвидеть аргументы защиты.

Прокурор, осуществляя уголовное преследование и надзор, определяет цель участия в суде и разрабатывает стратегию представления доказательств, учитывая возможные сценарии и права сторон (ст. 37, 244 УПК РФ). Значимый этап — подготовка к прениям, где прокурор излагает позицию о виновности, квалификации и наказании (ст. 292 УПК РФ). Также прогнозируются вопросы суда и защиты, готовятся обоснованные ответы (ст. 244 УПК РФ).

Главные стадии подготовки к суду для прокурора — подготовка ходатайств, возражений на ходатайства защиты и проектов вопросов для допроса участников процесса (свидетели, эксперты и подсудимые).

Прокурор при подготовке к суду обсуждает дело с потерпевшим, разъясняя его права. При целесообразности, прокурор консультируется с экспертами для анализа доказательств.

В подготовительной части судебного заседания прокурор устанавливает явку участников процесса и их личность, проверяя документы и выясняя причины неявки; участвует в определении порядка исследования доказательств, предлагая последовательность и следя за соблюдением процессуальных прав. Прокурор реагирует на заявления и ходатайства сторон, стремясь к объективному и справедливому рассмотрению дела, содействуя установлению истины и вынесению законного решения.

В судебном следствии прокурор представляет доказательства обвинения, допрашивает свидетелей и экспертов, предъявляет вещественные доказательства и документы,

следит за протоколами следственных действий. Он заявляет ходатайства для исследования доказательств и высказывает мнение по возникающим вопросам. Его задача — представить суду допустимые доказательства, подтверждающие вину подсудимого, обеспечивая объективное и всестороннее рассмотрение дела в соответствии с законом.

Участие прокурора в прениях — кульминация его работы, где он представляет суду позицию по делу, основанную на доказательствах и юридических аргументах. Прокурор анализирует доказательства, обосновывает квалификацию преступления и предлагаемое наказание, опираясь на УК РФ. Он опровергает доводы защиты, представляя контраргументы, основанные на материалах дела. По итогам прокурор высказывает мнение по вопросам, разрешаемые судом при вынесении приговора, содействуя законности и справедливости.

После вынесения приговора прокурор анализирует его законность и обоснованность, изучает соответствие приговора обстоятельствам дела, законам, оценивает доказательства, выявляет основания для обжалования: несоответствие фактам, неправильное применение законов, несправедливость. Основаниями для отмены служат существенные нарушения УПК РФ. Прокурор руководствуется законностью, обоснованностью и справедливостью, учитывая интересы всех сторон. Значимо соблюдать сроки обжалования.

Согласно ст. 389.1 УПК РФ, прокурор вправе обжаловать приговор, оценивая перспективы отмены или изменения (ст. 389.15 УПК РФ). Значимо установить наличие оснований (несоответствие, нарушение закона, несправедливость), оценить их влияние и учитывать судебную практику. Решение выносится обоснованным, мотивированным и согласованным с вышестоящим прокурором. При отсутствии оснований выносится согласовываемое постановление об отказе. Соблюдение порядка гарантирует законность и справедливость.

Прокурор вправе обжаловать приговор, если усматривает основания для пересмотра. Решение принимается на основе анализа приговора, материалов дела, соблюдения норм законодательства, соответствия наказания тяжести преступления и защиты интересов участников процесса. Апелляционное представление содержит доводы о незаконности или необоснованности приговора со ссылками на нарушенные нормы и доказательства. По итогам прокурор формулирует просьбу к вышестоящему суду, соблюдая сроки и порядок подачи, установленные УПК РФ.

В апелляционном суде прокурор поддерживает доводы представления о незаконности решения суда первой инстанции, опровергает аргументы защиты, изложенные в апелляционной жалобе. В прениях сторон прокурор кратко излагает суть дела, напоминает суду о доказательствах вины и высказывает мнение о необходимом решении суда апелляционной инстанции: оставить, изменить или отменить приговор. Его деятельность, регламентированная УПК РФ и внутренними актами прокуратуры, обеспечивает законность судебных решений и защиту интересов граждан и государства.

Прокурор контролирует исполнение приговоров, проверяя законность, права осужденных и условия содержания, реагируя на нарушения; взаимодействует с ФСИН и другими учреждениями для продуктивной ресоциализации. При выявлении нарушений в суде, прокурор вносит представление об их устранении в апелляционный суд, аргументируя свою позицию. Также прокурор участвует в пересмотре дел в кассационном и надзорном порядке, добиваясь исправления судебных ошибок.

В ходе исследования выделены отдельные проблемы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами и предложены пути их решения:

1. Ограниченнность полномочий прокурора по представлению доказательств в суде.

— целесообразно внесение изменений в статью 246 УПК РФ, дополнив ее частью 2.1 следующего содержания: «Прокурор вправе представлять в суд новые доказательства, не представленные на стадии предварительного расследования, если сочтет это целесообразным для установления истины по делу. Суд обязан рассмотреть представленные прокурором доказательства и принять решение об их допустимости и относимости в соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

2. Недостаточная регламентация процессуального статуса прокурора при рассмотрении судом вопросов, связанных с избранием, изменением или отменой меры пресечения.

— предлагается внести изменения в статью 108 УПК РФ, дополнив ее частью 1.1 следующего содержания: «При рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор обязан представить суду мотивированное заключение о наличии или отсутствии оснований для избрания данной меры пресечения, о возможности применения альтернативных мер пресечения, не связанных с лишением свободы. В случае несогласия с ходатайством следователя или дознавателя, прокурор вправе представить суду собственное ходатайство об избрании иной меры пресечения».

Таким образом, процессуальное участие прокурора в суде составляет подготовку (изучение дела, оценка доказательств, выработка стратегии обвинения), участие в судебном разбирательстве (представление доказательств, допрос свидетелей, участие в прениях) и действия после приговора (анализ законности, обжалование при целесообразности). Значимо знание законов, судебной практики, умение выявлять слабые места обвинения и предвидеть аргументы защиты. Прокурор представляет доказательства, допрашивает свидетелей, участвует в прениях, обосновывая виновность и предлагаемое наказание. После приговора анализирует его законность и обоснованность, при наличии оснований обжалует. Прокурор контролирует исполнение приговоров, взаимодействует с ФСИН. Предлагается расширить полномочия прокурора по представлению доказательств и регламентировать его статус при избрании меры пресечения, дополнив УПК РФ соответствующими положениями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г. (27.08.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

Типичные следственные ситуации при расследовании взяточничества

Медведева Анастасия Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Коротыш Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье автор исследует особенности выдвижения типичных следственных ситуаций, их сущность и влияние на процесс расследования взяточничества.

Ключевые слова: взяточничество, следователь, следственная ситуация.

При расследовании латентных преступлений, таких, как взяточничество, возникает множество ситуаций, каждая из которых задает свой «вектор» расследованию. На первоначальном этапе расследования любого преступления немаловажно выделить направление расследования, а также выяснить, что является «отправной точкой» начала расследования уголовного дела. В практике борьбы с коррупцией имеются случаи, когда на первоначальном этапе расследования уголовного дела недобросовестными остаются определенные обстоятельства. Все это исходит от неправильной оценки следственной ситуации, в результате чего формулируются неверные тактические решения и, соответственно, процесс сбора доказательств происходит с нарушениями. Данные нарушения наносят урон формированию доказательственной базы, а именно эта задача является важной для каждого следователя, пожалуй, и основной. Без нее невозможно качественное расследование уголовного дела. Данное обстоятельство привлекает внимание к исследуемой теме и тем самым делает ее актуальной.

Каждое преступление по своей сути отличается от другого определенным набором признаков (объективных и субъективных). В нашем случае во «взяточничестве», как обобщающее собирательное понятие входят несколько преступлений, предусмотренных Уголовным Кодексом РФ (далее УК РФ), а именно: дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) [5]. Казалось бы, преступления относятся к одной группе и должны иметь одинаковые пути расследования. Конечно, у них есть общие черты, но даже у одного из перечисленных преступлений можно выделить свои обособленные признаки,

которые относятся именно к нему и характеризуют только его. Тем не менее, все же у них имеется то общее, что позволяет утверждать о возможности выделения типичных следственных ситуаций по одному или нескольким условиям. Целесообразно выделить общие признаки преступлений, входящих во взяточничество.

Первым, и, пожалуй, самым важным признаком является общность объекта преступлений — общественные отношения, складывающиеся в сфере интересов государственной службы. Второй общий признак — это предмет преступления (взятка). С объективной стороны дача взятки, получение взятки и посредничество по взяточничестве характеризуются активными действиями взяткодателя, взяткополучателя и посредника соответственно. С субъективной стороны такие преступления совершаются только с прямым умыслом. Также, в каждом из рассматриваемых составов преступлений фигурирует должностное лицо. Оно выступает либо в качестве специального субъекта преступления (в случае с получением взятки), либо как конструктивный признак состава преступления, определяющий признаки лица, которому передается взятка (в случае с дачей взятки и посредничеством).

Существует множество определений следственной ситуации. Ю. В. Чуфаровский дает следующее определение: «Следственная ситуация — это динамическая информационная система, элементами которой являются существенные признаки и свойства обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, связи и отношения между ними, а также между участниками процесса расследования» [3]. Динамика проявляется в постоянном изменении, движении. Следует отметить, что это «информационная» система, так как следователь руководствуется

имеющейся информацией о совершенном или готовящемся преступлении. Белкин Р. С. определяет компонентный состав следственной ситуации: следственная ситуация — это система условий, состоящая из четырех компонентов, а именно из психологического, информационного, процессуального и тактического, материального и организационно-технического [1]. Множество определений понятия «следственная ситуация» содержат в себе информационный компонент, поэтому преимущественно следует рассматривать именно его при выделении типичных следственных ситуаций.

Информационный компонент проявляется в наличии у следователя определенных сведений о совершенном преступлении: о личности преступника, месте, времени совершения преступления, о способе, о предмете (в случае со взяточничеством это обязательно). Преимущественно выясняется информация о субъекте преступления. В этом случае целесообразно выделение следственной ситуации. Чем больше информации о субъекте преступления, тем определеннее выглядит следственная ситуация.

Для взяточничества характерны определенные следственные ситуации в зависимости от того, какой именно состав преступления мы рассматриваем. Единой точки зрения на классификацию типичных следственных ситуаций нет. Например, для дачи взятки характерна типичная следственная ситуация, при которой должностное лицо заявляет о вручении ему предмета взятки либо о попытке ее вручения. Таким образом, уже на этапе подачи заявления следователю могут быть известны полные сведения о личности взяткодателя потенциального взяточника (заявителя). Добросовестные должностные лица всегда сообщают в компетентные органы о попытке предложения им незаконного вознаграждения.

По мнению Балашова Д. Н. для начального периода расследования наиболее типичными являются следующие следственные ситуации:

1. Заявление о предстоящей взятке поступило в правоохранительные органы накануне передачи предмета взятки. Известны место и время передачи взятки. Указанное заявление дает основания полагать, что взяточник может быть задержан с поличным при передаче предмета взятки, что значительно облегчит расследование данного преступления. Успех расследования уголовного дела в значительной мере определяется внезапностью производства неотложных следственных действий.

2. Уголовное дело возбуждено по заявлению о совершенном преступлении сразу после дачи взятки и взяточнику неизвестно о данном заявлении. В данной ситуации расследование начинается неожиданно для взяточников и его успех зависит от внезапности производства первоначальных следственных действий, имеющих характер неотложных.

3. С момента дачи взятки прошло продолжительное время. В этой ситуации фактор внезапности начала расследования и неотложности производства следственных действий не является определяющим. Для наиболее эффектив-

ного расследования преступления проводится комплекс действий, направленных на выявление свидетелей [2].

Автор делает акцент на временные рамки. В его классификации важную роль играет момент получения информации правоохранительными органами о событии преступления. От этого момента и будет зависеть комплекс дальнейших следственных действий.

Существуют и другие основания классификации типичных следственных ситуаций. Например, Яблоков Н. П. выделяет типичные ситуации, характерные для взяточничества:

- 1) наличие сведений об уже осуществленном взяточничестве, поступивших от органов дознания и взяткодателя;
- 2) наличие заявления конкретного лица о вымогательстве у него взятки и предполагаемой ее передаче;
- 3) сведения о взяточничестве стали известны органам следствия или дознания из других уголовных дел [4]. В этом случае автор акцентирует внимание на источнике информации, то есть откуда стал известен сам факт незаконного вознаграждения.

По нашему мнению, исходя из многочисленных классификаций типичных следственных ситуаций, можно выделить основные:

- 1) заинтересованное лицо сообщает о факте уже состоявшегося взяточничества либо о факте предстоящего взяточничества. В этом случае известна информация о субъекте взяточничества. К ним можно отнести и явку с повинной, когда лицо добровольно сообщает о совершенном преступлении (заявитель, взяткодатель, посредник).
- 2) информация о совершенном взяточничестве либо предполагаемом совершении преступления получена органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Такого рода информация может быть получена от физических лиц или лиц, которые сотрудничают с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе. Информация может быть добыта в ходе проведения оперативной разработки в отношении лиц. Напомним, что результаты оперативно-розыскных мероприятий изначально не являются доказательствами по уголовному делу. Они могут признаны ими в специальном порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом.
- 3) сведения о взяточничестве получены следователем в результате расследования других уголовных дел.

Одна из особенностей расследования взяточничества состоит в том, что при поступлении определенной информации, она обязательно подлежит проверке. Версии следователь формирует на первоначальном этапе расследования.

Основной целью проверки информации является установление следующих фактов:

- 1) взяточничество уже совершено или предполагается его совершение;
 - 2) факт взяточничества отсутствует.
- Каждая из этих версий охватывает ряд более узких версий. Первая:

- единичное/множественное получение взятки(взяток);
- лицо намерено получить взятку в определенное время в определенном месте;
- должностное лицо систематически получает взятки от разных лиц.

Вторая версия:

- имеет место оговор должностного лица;
- должностное лицо правомерно получило вознаграждение (вернули долг, получено наследство);

– совершено иное преступление (не взяточничество).

На основании всего изложенного можно сделать следующие выводы:

- 1) первичная оценка следственных ситуаций позволяет следователю сформировать правильное направление расследования, а также спланировать проведение неотложных следственных действий.
- 2) оценка следственных ситуаций помогает заранее спланировать совместные действия следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Литература:

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учеб. для вузов: под редакцией Р. С. Белкина. М., 1999. С. 503.
2. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: учебник. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Инфра-М, 2024. — 447 с.
3. Чуфарский Ю. В. Юридическая психология. М., 1995.
4. Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000. С. 355.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система.

Общие проблемы квалификации ятогенных преступлений

Муравьева Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор исследует некоторые проблемы квалификации ятогенных преступлений, предлагает принятие отдельного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о ятогенных преступлениях», что позволило бы разрешить многие спорные вопросы квалификации.

Ключевые слова: ятогения, ятогенные преступления, неосторожность, квалификация, проблемы.

В последнее время наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа ятогенных преступлений (совершённых медицинскими работниками), что создает настоятельную потребность в более эффективном противодействии со стороны государства, в том числе, посредством совершенствования уголовно-правовых норм.

Следует признать, что действующий УК РФ [1] в должной мере не учитывает специфики ятогенной преступности. Современная медицина непрерывно развивается, открывая все новые возможности для сложных врачебных вмешательств, будь то трансплантация органов, искусственное оплодотворение или имплантация эмбриона, но с другой стороны, любая подобная процедура неизбежно сопряжена с определенным риском для жизни и благополучия пациентов. Именно поэтому медицинские работники в своей практике обязаны строго следовать утвержденным стандартам и правилам оказания помощи.

К сожалению, случаи нарушения этих стандартов, особенно когда они ведут к тяжким последствиям, далеко не

всегда получают адекватную правовую оценку, хотя и вызывают законное возмущение в обществе. В силу этого ятогенные преступления обладают высокой латентностью.

Расследование и раскрытие ятогенных преступлений сопряжено со значительными трудностями, поскольку правоохранители, как правило, плохо знакомы с этой специфической категорией дел и вынуждены прибегать к помощи узких экспертов. Как показывает следственная практика, уголовные дела по таким фактам чаще всего возбуждаются по заявлению самих потерпевших, их родственников или знакомых, реже — по информации от свидетелей. Иногда поводом служат сообщения из медицинских учреждений о пострадавших пациентах, из страховых компаний или от правозащитных организаций.

Среди наиболее актуальных проблем в сфере ятогенной преступности можно выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, серьезной проблемой остается разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями

о причинении смерти по неосторожности и неоказании помощи больному. Предлагаемые в теории и практике критерии разграничения не позволяют эффективно решать конкретные казусы в медицинской сфере [4, с. 63].

Яркой иллюстрацией этой проблемы служит ситуация, когда врач, прибыв по вызову, проводит диагностику, устанавливает неверный диагноз «биологическая смерть» и не осуществляет реанимационные мероприятия, после чего действительно наступает смерть пациента. Критерием разграничения здесь должна выступать причинно-следственная связь: если медицинский работник не прерывает причинную цепь, ведущую к смерти, речь идет о неоказании помощи, если же он запускает такую причинную связь — о причинении смерти по неосторожности.

Во-вторых, требует уточнения субъективная сторона неоказания помощи больному. Суды и теоретики часто ошибочно ищут умысел медика именно к неоказанию помощи, тогда как в преступлениях с материальным составом вина определяется через отношение к последствиям, а не к самому деянию. Установление умышленной формы вины при прочих признаках состава должно квалифицироваться как убийство, что принципиально меняет правовую оценку содеянного [3, с. 34–35].

В-третьих, проблемой является оценка причинной связи в ятрогенных преступлениях. Наблюдаются существенные противоречия между пониманием причинности экспертами как фактической категории и право-применителями как формальной конструкции. Все чаще суды и следственные органы перекладывают решение вопроса о причинной связи на экспертов, хотя этот признак относится к составу преступления и является правовой категорией. В действительности причинная связь в уголовном праве носит формальный характер, что особенно ярко проявляется в ятрогенных преступлениях, где бездействие врача признается причиной смерти пациента, наступившей от заболевания.

В-четвёртых, проблема заключается в ограничении ятрогенных преступлений от оказания небезопасных медицинских услуг. Критерием разграничения здесь должен выступать признак «обычных условий» реальной опасности медицинской услуги. Состав оказания небезопасных услуг имеет место только при выявлении так на-

зывающегося «криминального умысла», когда врач действует в условиях, изначально представляющих угрозу для любого потенциального пациента. Этот критерий аккумулирует другие неработающие критерии разграничения, такие как форма вины и объект преступления.

Также нельзя не отметить и то, что одна из центральных проблем — это точное определение субъекта преступления.

Большинство дел в отношении медиков возбуждаются по статьям 109 и 118 УК РФ в случае смерти или вреда здоровью по неосторожности, по статье 238 УК РФ — за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, и по статье 293 УК РФ — за халатность должностных лиц. Реже действия врачей квалифицируются по статьям 122 (заражение ВИЧ), 123 (незаконный аборт), 124 (неоказание помощи), 235 (незаконная медицинская деятельность). Ни одна из этих статей прямо не указывает на специального субъекта в лице медицинского работника. Таким субъектом по профессиональному признаку является врач или иной медработник, оказывающий помощь или услуги. Особняком стоит статья 293 УК РФ о халатности, относящаяся к должностным преступлениям. В ходе расследования следователю необходимо четко определить, что послужило причиной трагического исхода: невыполнение лицом именно должностных функций (что характерно для главного врача, заведующего отделением, дежурного врача) или же нарушение им своих прямых профессиональных обязанностей. При этом в современных реалиях из-за кадрового дефицита многие руководители одновременно совмещают административную работу и практику, что еще больше запутывает картину. Следователь же обязан четко понимать, какие конкретно правила — должностные или профессиональные — были нарушены [2, с. 13–14].

Таким образом, систематизация выводов по квалификации ятрогенных преступлений, их разграничению между собой и ограничению от иных медицинских преступлений может способствовать большей ясности в применении уголовного закона.

В целях устранения спорных вопросов целесообразным является принятие отдельного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о ятрогенных преступлениях».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Дементьева Т. Ю. Проблемы при квалификации ятрогенных преступлений в ходе предварительного расследования / Т. Ю. Дементьева, Н. Ф. Антипова. — Текст: непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2020. — № 3(42). — С. 12–18.
3. Полковникова В. С. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений по субъекту и субъективной стороне / В. С. Полковникова, О. Н. Егоров. — Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. — 2022. — № 4(20). — С. 33–40.
4. Радов В. В. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений / В. В. Радов. — Текст: непосредственный // Евразийская адвокатура. — 2021. — № 3(52). — С. 62–64.

«Разумный срок» в российском гражданском процессуальном праве

Назипов Булат Ильдарович, студент магистратуры

Научный руководитель: Валеев Дамир Хамитович, доктор юридических наук, профессор

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Статья посвящена историко-правовому анализу формирования и эволюции категории «разумного срока» в российском гражданском судопроизводстве с XIX века по конец XX века. В работе сделан вывод, что несмотря на последовательные реформы и установление процессуальных сроков, проблема соотношения оперативности и качества правосудия оставалась нерешённой вплоть до принятия ГПК РФ 2002 года.

Ключевые слова: разумный срок, гражданское судопроизводство, процессуальные сроки, ускорение судопроизводства, судебная реформа, качество судебных решений, эволюция гражданского процесса, история российского права.

“Reasonable time limit” in Russian civil procedure law

Nazipov Bulat Ildarovich, master's student

Scientific advisor: Valeev Damir Khamitovich, doctor of law, professor

Kazan Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev

The article is devoted to the historical and legal analysis of the formation and evolution of the category of «reasonable time» in Russian civil proceedings from the 19th century to the end of the 20th century. The author concludes that despite the consistent reforms and establishment of procedural deadlines, the issue of the relationship between efficiency and quality of justice remained unresolved until the adoption of the 2002 Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: reasonable time, civil proceedings, procedural deadlines, acceleration of legal proceedings, judicial reform, quality of court decisions, evolution of civil proceedings, history of Russian law.

Понятие «разумный срок» закрепилось в юридической практике XIX века в ответ на чрезмерную длительность рассмотрения гражданских дел. В судебной системе Российской империи иски проходили три инстанции, и процесс нередко растягивался на десятилетия — до 30–40 лет. Е. В. Нефедьев отмечал, что тяжбы длились «по лет 30, 40 и более» [13, с. 35]. Сложная организация судов делала затягивание дел системной проблемой. Показателен пример коллежского регистратора Ивана Батюшкова, чье дело рассматривалось настолько медленно, что император Александр II назвал его воплощением «недостатков нашего судопроизводства» [15, с. 137].

На основании этой резолюции был принят «Устав гражданского судопроизводства» (1864) — первый кодифицированный акт, регулирующий гражданский процесс [14]. Он сократил количество инстанций до двух (первой и апелляционной), что ускоряло рассмотрение дел. Устав установил два режима разбирательства: обыкновенный — с письменной подготовкой сторон, и сокращённый — на основе устного состязания, применяемый по взаимному согласию сторон.

В сокращённом порядке рассматривались споры о долгах за товары, найме жилья и прислуги, хранении имущества, исполнении бесспорных договоров, возмещении ущерба и исполнении судебных решений. Председатель суда назначал сторонам явку в срок от семи дней до одного месяца; порядок действовал лишь в «общих судебных местах» [12, с. 147]. Устав 1864 г. предусматривал жалобы на медлительность процесса без ограничения по

времени, что препятствовало затяжке дел и обеспечивало более эффективную защиту прав.

В дореволюционный период упрощение процедуры способствовало преодолению медлительности. А. Х. Гольмстен, Е. В. Васьковский и И. Е. Энгельман положительно оценивали достижение баланса между длительностью и качеством судебных решений [15, с. 138].

После 1917 г. курс на ускорение процесса сохранился. Декретом от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» [2] отменялась апелляция, оставляя лишь кассацию со сроком обжалования — один месяц. ГПК РСФСР 1923 г. [3] не предусматривал подготовительной стадии, что должно было ускорить процесс, но затрудняло установление обстоятельств. В редакции 1929 г. закрепили сроки: трудовые дела рассматривались в пятидневный срок, алиментные — от 10 до 20 дней.

Отказ от предварительной подготовки (ст. 80в) приводил к немедленному назначению заседания; недостатки встречного иска устраивались до слушания (ст. 81). Решение можно было отложить не более чем на три дня (ст. 177). Однако формальный характер процесса и отсутствие подготовки осложняли выявление прав сторон.

Верховный Суд РСФСР в 1929 г. признал необходимость возвращения стадии подготовки, указав, что суд должен уточнять обстоятельства и проверять доказательства [4]. Пленум ВС СССР 1935 г. в постановлении «О строжайшем соблюдении процессуальных норм» [5] также подчеркнул значимость досудебной подготовки и предостерёг от чрезмерного стремления к ускорению, приводившего к поверхностным решениям.

Разъяснения Верховных судов 1929 и 1935 гг. имели в основном формальный характер: нормативного про-дления сроков не последовало. На практике сроки часто нарушались, а ускоренные решения ухудшали качество правосудия.

Постановление Пленума ВС СССР от 25 апреля 1947 г. «Об ускорении рассмотрения гражданских дел» вновь указало на необходимость надлежащей предварительной подготовки [6]. Анализ периода 1923–1947 гг. показал дис-баланс между скоростью и качеством решений. Высшие суды не обеспечили нижестоящие инстанции чёткими ме-тодическими указаниями и регламентацией сроков.

В 1950е гг. сохранялась установка на ускорение про-цесса ради «быстрого движения дел» [11, с. 8]. В «Основах гражданского судопроизводства» 1962 г. [8] провозгла-шалась необходимость охраны социалистического строя и прав граждан.

ГПК РСФСР 1964 г. [7] установил конкретные сроки: по алиментным, трудовым и возмещению вреда — 10–20 дней, по остальным — до месяца. Это стабилизировало сроки, но сказывалось на полноте выяснения обстоятельств [11, с. 9]. Формальное соблюдение процессуальных рамок иногда снижало качество решений. Для устранения этих недо-статков Пленум ВС РСФСР и РФ в 1964–1993 гг. принял ряд постановлений, включая № 55 (1970 г.) и № 7 (1993 г.) [9; 10], где указывалось, что причины нарушений — орга-низационные проблемы и слабый контроль.

Юридическая доктрина (Г. В. Воронков, А. Г. Двина-нилов, И. М. Зайцев, П. Я. Трубников, Д. М. Чечот и др.) рассматривала процессуальные сроки как гаранту опе-

ративности, средство дисциплины и экономии времени, но не как основу концепции разумного срока.

Дефицит времени часто мешал вынесению обосно-ванных решений, что вызывало обжалования и пере-смотрсы. Институт процессуальных сроков оставался вспомогательным элементом гражданского процесса и не имел глубокой теоретической разработки.

Эволюция категории «разумного срока» в россий-ском гражданском процессе отражает зависимость права от социально-политической системы. ГПК РСФСР 1923 и 1964 гг. отражали особенности своих эпох, последова-тельно развивая нормы Устава 1864 г. При этом проблема разумных сроков не была решена окончательно даже к принятию ГПК РФ 2002 года [1].

Итак, историческое развитие института «разумного срока» в российском гражданском процессе показывает, что на протяжении с XIX века до конца XX века власть неоднократно предпринимала попытки ускорить рассмо-трение дел — сокращала число инстанций, устанавливала конкретные процессуальные сроки, упрощала процедуру и вводила кассационный порядок — однако стремление к оперативности часто приводило к снижению качества судебных решений и их последующему пересмотру. Баланс между скоростью процесса и полнотой установления обстоятельств так и не был достигнут: организационные недостатки, слабый контроль и формальный подход к срокам систематически сводили на нет законодательные меры. В итоге, даже к принятию ГПК РФ 2002 года про-блема обеспечения действительно «разумных сроков» оставалась нерешённой.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420 (утратил силу).
3. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 г. (ред. от 31.01.1958 г.) «О введении в действие Гражданского Процессуаль-ного Кодекса Р. С. Ф.С.Р». (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р. С. Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478 (утратило силу).
4. Разъяснение Пленума Верховного Суда РСФСР от 01.04.1929 г. «О необходимости для разбора дел доказательств, подлежащих истребованию в порядке предварительной подготовки дела к слушанию» // Судебная практика РСФСР. 1929. № 7. С. 11.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28.10.1935 г. «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе» // Сборник постановлений ПВС СССР, 1924–1957. М.: Госюриздан, 1958. С. 189.
6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.04.1947 г. № 7/1/у «Об ускорении рассмотрения граждан-ских дел в судах» // Сборник постановлений ПВС СССР, 1924–1963, 1964.
7. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.) (ред. от 31.12.2002 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 (утратил силу).
8. Закон СССР от 08.12.1961 г. (ред. от 12.06.1990 г.) «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525 (утратил силу).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.12.1970 г. № 55 «О сроках рассмотрения гражданских дел» // Сборнике постановлений ПВС СССР 1924–1977, часть 2. М.: Известия, 1978 (утратило силу).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24.08.1993 г. № 5 «О сроках рассмотрения уголовных и гра-жданских дел судами Российской Федерации» // БВС РФ. 1993. № 12. С. 4 (утратило силу).
11. Исаева Е. В. Процессуальные сроки в гражданском и арбитражном процессе: учебно-практическое пособие. Москва: Волтерс Кluver, 2005. 211 с.

12. Мусаева А. Г. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2013. 159 с.
13. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства. — Москва: Типография Императорского Московского университета, 1909. 600 с.
14. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: <https://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения 13.10.2025).
15. Чечеткина Т. В. Исторические предпосылки появления понятия «разумный срок» в гражданском процессуальном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 17(372). С. 137–142.

Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, механизмы их введения в уголовно-процессуальную деятельность

Пензина Мария Сергеевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Статья посвящена анализу особенностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. Рассматриваются правовая природа ОРД, критерии допустимости и относимости получаемых сведений, позиции исследователей и предлагаемые механизмы их введения в уголовно-процессуальную деятельность.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказывание, доказательства, уголовное судопроизводство, допустимость.

Features of the use of the results of operational-investigative activities in evidence, mechanisms for their introduction into criminal procedural activities

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings. The legal nature of such activities, the criteria of admissibility and relevance of the obtained information, scholarly positions, and the proposed mechanisms of their introduction into criminal procedural practice are examined.

Keywords: operational investigative activities, proof, evidence, criminal proceedings, admissibility.

Вопрос о месте и значении результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в уголовном процессе в течение последних десятилетий занимает одно из центральных положений в научных дискуссиях. С момента принятия Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель установил самостоятельную отрасль правового регулирования, определив задачи и пределы применения оперативно-розыскных мероприятий. В то же время нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) достаточно жёстко разграничивают процессуальные источники доказательств и фактические данные, полученные иным путём. Статья 89 УПК РФ прямо указывает на недопустимость использования в качестве доказательств результатов ОРД, если они не отвечают требованиям закона, что стало причиной устойчивой коллизии между двумя массивами нормативного регулирования.

Цель данной статьи заключается в системном анализе особенностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, механизмы их введения в уголовно-процессуальную деятельность.

Как отмечает О. И. Белокобыльская, данная проблема не может быть решена исключительно за счёт расширительного толкования норм процессуального права, поскольку природа ОРД иная: её результаты должны проходить через процедуру трансформации в уголовно-процессуальные доказательства посредством следственных действий [1, с. 24]. Сходную позицию высказывает И. В. Калашников, указывая на то, что любые сведения, добытые оперативным путём, не обретают доказательственного значения автоматически, а требуют проверки, фиксации и оценки по правилам УПК РФ [4, с. 55].

Вместе с тем, отрицать практическую ценность материалов ОРД невозможно. На их основе принимаются решения о возбуждении уголовных дел, определяется направление расследования, выбираются тактические ходы следователя. По мнению Е. С. Дубоносова, именно предваряющий характер ОРД делает её незаменимой в системе борьбы с преступностью, но не подменяющей собой процесс доказывания [3, с. 198].

Дискуссионным остаётся вопрос о допустимости прямого использования таких материалов в качестве дока-

зательств. А. Е. Мареев подчёркивает, что в российском уголовном процессе существует запретительный подход, тогда как часть исследователей (например, С. Б. Россинский) предлагают дополнить перечень доказательств новым видом — результатами оперативно-розыскной деятельности [5, с. 1548]. Своего рода компромисс предлагает К. Д. Марциновская, видящая перспективу в нормативной конкретизации порядка закрепления полученных сведений, что обеспечило бы их надлежащую проверку и придало бы им процессуальную силу [6, с. 337].

С теоретической точки зрения результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой сведения фактического характера, полученные уполномоченными органами с использованием предусмотренных законом мероприятий. Законодатель установил закрытый перечень таких мероприятий в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ, включив в него наблюдение, наведение справок, обследование помещений, контроль почтовых отправлений и ряд иных действий. Как справедливо подчёркивает Д. П. Голубев, данные мероприятия не имеют цели доказывания в уголовно-процессуальном смысле, но обеспечивают получение информации, способной служить основанием для принятия последующих процессуальных решений [2, с. 299].

При рассмотрении вопроса о критериях допустимости результатов ОРД необходимо обратиться к положениям ст. 74, 75 и 89 УПК РФ. Допустимость предполагает соответствие информации установленной форме получения, процессуальному порядку и полномочиям лица, её зафиксировавшего. Относимость означает связь полученных данных с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по конкретному уголовному делу. Достоверность предполагает проверку сведений с использованием иных доказательств, позволяющих исключить их случайность или недобросовестное искажение. Как отмечает О. И. Белокобыльская, без прохождения всех трёх стадий — проверки, закрепления и оценки — оперативные материалы не могут быть положены в основу обвинения [1, с. 25].

На практике наиболее проблемным является вопрос о соотношении оперативных данных и протоколов следственных действий. И. В. Ошкин указывает, что в случае если при проведении ОРМ была осуществлена аудио- или видеозапись, её включение в доказательственную базу возможно только после осмотра и приобщения к делу в порядке, предусмотренном ст. 84 и 170 УПК РФ [7, с. 511]. Нарушение указанного порядка ведёт к признанию доказательств недопустимыми.

Следовательно, правовая природа результатов ОРД заключается в их вспомогательном характере: они могут стать частью доказательственной системы лишь после прохождения процессуальной «фильтрации», предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. Сохранение данной конструкции обеспечивает баланс между эффективностью расследования и конституционными гарантиями прав личности.

Вопрос о том, должны ли результаты оперативно-розыскной деятельности рассматриваться в качестве самостоятельного вида доказательств, на протяжении длительного времени является предметом оживлённой полемики в юридической науке.

С одной стороны, представители процессуальной школы придерживаются консервативного подхода. Так, И. В. Калашников подчёркивает, что включение сведений, полученных оперативным путём, в доказательственную базу без их процессуального оформления разрушает стройность уголовно-процессуальной формы и ведёт к подрыву принципов состязательности [4, с. 56]. Позиция А. Е. Мареева близка по содержанию: он считает, что использование таких материалов должно ограничиваться стадией возбуждения уголовного дела и подготовкой следственных действий, а сама процедура доказывания должна строиться исключительно на основе предусмотренных УПК РФ источников [5, с. 1549]. Аналогично рассуждает О. И. Белокобыльская, указывая, что признание результатов ОРД доказательствами без дополнительных процессуальных фильтров создаёт угрозу нарушения прав личности [1, с. 27].

С другой стороны, существует доктринальная линия, отстаивающая идею нормативного закрепления нового вида доказательств. К. Д. Марциновская предлагает ввести в УПК РФ специальные нормы, позволяющие использовать протоколы оперативных мероприятий, акты наблюдения и иные документы при условии их документирования и последующей проверки судом [6, с. 338]. По её мнению, такой подход обеспечил бы согласование между законом об ОРД и уголовно-процессуальным законодательством, устранив существующие противоречия.

Поддерживает идею законодательного реформирования и И. В. Ошкин, отмечая, что существующий разрыв между оперативным и процессуальным законодательством приводит к неопределённости для правоприменителей [7, с. 510]. Он видит перспективу в расширении перечня процессуальных источников доказательств, что позволило бы органам следствия экономить время и ресурсы, не прибегая к повторному получению идентичных сведений.

Особую позицию занимает Д. П. Голубев, считающий, что необходимо искать компромисс между абсолютным отрицанием доказательственного значения материалов ОРД и их безусловным признанием. Он полагает, что ограниченный допуск возможен при условии соблюдения принципов допустимости и относимости, что позволит минимизировать риски фальсификации [2, с. 301].

Проблема соотношения оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных институтов предопределяет необходимость поиска практических механизмов, обеспечивающих допустимость и надёжность использования сведений, добывшихся в ходе ОРМ. На сегодняшний день основным инструментом такой трансформации выступает следственное действие. Любые сведения, полученные при проведении ОРМ, приобретают юридическое значение

только после закрепления их в порядке, предусмотренном УПК РФ, например, через осмотр, выемку, допрос или предъявление для опознания.

По мнению Е. С. Дубоносова, нормативная конструкция ОРД не содержит процессуальных средств доказывания, поэтому единственный путь интеграции её результатов в уголовное судопроизводство состоит в передаче информации следователю или дознавателю и последующем процессуальном оформлении [3, с. 212]. Практика подтверждает данный вывод: аудиозаписи, полученные при наблюдении, приобретают доказательственный статус только после их осмотра и протоколирования, а предметы или документы — после выемки или осмотра с фиксацией источника их поступления.

Интересную модель предлагает К. Д. Марциновская, которая допускает возможность введения особого процессуального механизма для актов оперативных подразделений, приравненных к документам в смысле ст. 84 УПК РФ. По её мнению, такая модель позволила бы сократить излишнюю бюрократизацию и устранила пробел между законом об ОРД и УПК РФ [6, с. 338]. Однако противники подобной реформы, в числе которых А. Е. Мареев, подчёркивают, что это приведёт к стиранию границ между оперативной и процессуальной деятельностью,

а значит — к рискам нарушения принципа состязательности [5, с. 1550].

Наиболее продуктивным видится комбинированный подход, предполагающий сохранение базовых ограничений, но с одновременной детализацией порядка использования материалов ОРД. В частности, возможно закрепление в УПК РФ обязанности следователя указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела конкретные результаты оперативных мероприятий, на основании которых принято решение. Дополнительным механизмом может стать установление единой формы актов, составляемых по результатам ОРМ, что позволит исключить их подмену или фальсификацию и облегчит проверку судом.

Подводя итог, можно отметить: признание самостоятельного доказательственного значения за результатами ОРД на данном этапе представляется преждевременным, однако совершенствование процедуры их трансформации в процессуальные доказательства необходимо. Согласование норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ позволит не только повысить эффективность расследования, но и обеспечить надлежащую защиту конституционных прав граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
2. Белокобыльская, О. И. О проблемах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / О. И. Белокобыльская // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. — С. 22–29.
3. Голубев, Д. П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу / Д. П. Голубев // Проблемы становления гражданского общества. — Иркутск: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2022. — С. 298–302.
4. Дубоносов, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов / Е. С. Дубоносов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 399 с.
5. Калашников, И. В. Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / И. В. Калашников // Уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы сегодняшнего дня. — Пермь: ПИФСИН, 2022. — С. 54–56.
6. Мареев, А. Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / А. Е. Мареев // Право и правосудие в современном мире. — Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. — С. 1542–1551.
7. Марциновская, К. Д. О некоторых вопросах использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу / К. Д. Марциновская // Государство и право. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. — С. 337–338.
8. Ошкин, И. В. Актуальные проблемы, возникающие в процессе использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / И. В. Ошкин // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. — Рязань: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. — С. 509–512.

Проблемы теории и практики исполнения приговора

Пермякова Олеся Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мисник Ирина Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российской государственной юридической академии имени В. М. Лебедева (г. Иркутск)

Проблемы теории и практики исполнения приговора связаны с сложностью его исполнения, особенно в случаях, когда требуется применение мер, выходящих за рамки обычного лишения свободы, а также с необходимостью обеспечить единство в толковании и применении законодательства. Теория сталкивается с вопросами, связанными с определением юридической природы и содержания этой стадии процесса, тогда как практика выявляет проблемы, связанные с эффективностью контроля исполнения, изменением обстоятельств дела и законодательства во время исполнения приговора, и необходимостью обеспечения единства судебной практики.

Ключевые слова: приговор суда, исполнение, лишение свободы, юридическая природа, стадии исполнения приговора, судебная практика.

Problems of theory and practice of sentence enforcement

Permyakova Olesya Alekseevna, master's student

Scientific advisor: Misnik Irina Vladislavovna, phd in law, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Irkutsk)

The theoretical and practical challenges of sentence execution are related to the complexity of its execution, particularly in cases requiring measures beyond standard deprivation of liberty, as well as the need to ensure uniformity in the interpretation and application of legislation. Theory addresses issues related to defining the legal nature and content of this stage of the process, while practice reveals challenges related to the effectiveness of enforcement oversight, changes in case circumstances and legislation during the execution of the sentence, and the need to ensure uniformity in judicial practice.

Keywords: court sentence, execution, deprivation of liberty, legal nature, stages of sentence execution, judicial practice.

Стадия исполнения приговора — это процессуальная деятельность суда, призванная обеспечить условия для успешной реализации содержащихся в правосудном приговоре предписаний путем исполнения некоторых приговоров, обращения остальных приговоров к исполнению, а также внесения корректировок в решение приговора о наказании, в связи и на основе вновь возникших обстоятельств, свидетельствующих о невозможности или нецелесообразности дальнейшего исполнения этого решения в прежнем виде [1, с. 125].

Целью стадии исполнения приговора является обеспечение условий для успешной реализации приговоров, а также постановлений и определений судов. Содержание судебной деятельности в этой стадии заключается в решении следующих задач:

- исполнение оправдательного приговора, а также обвинительного приговора, не связанного с назначением наказания в виде реального лишения свободы, в части отмены меры пресечения в виде содержания под стражей. Подсудимый освобождается в зале суда;
- обращение приговоров к исполнению;
- разрешение ряда вопросов, возникающих при реализации наказания [2, с. 77].

Выполнение этих задач составляет предмет данной стадии. Его отличительной особенностью является исполнительская направленность разрешаемых здесь вопросов — стадия исполнения приговора, в отличие от

других стадий процесса, не направлена на установление наличия или отсутствия события преступления и виновности лица в его совершении.

Круг участников уголовного процесса в стадии исполнения приговора специфичен. Это суды, действующие как по месту вынесения приговора, так и по месту исполнения наказания или применения принудительных мер медицинского характера и т. д., прокурор, осужденный, его законный представитель, близкие родственники, защитник, представитель учреждения или органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания, а также лица, отбывшие наказание.

Процессуальная форма судебной деятельности и решений, принимаемых в данной стадии, различна и зависит от характера разрешаемой задачи. В одних случаях это может быть традиционная для осуществления правосудия форма судебного заседания, в других (при обращении приговора к исполнению) — действия судьи имеют сугубо распорядительный характер [3, с. 102].

Обращение приговора к исполнению представляет собой приказ суда, рассматривавшего дело в первой инстанции, начать деятельность по реализации содержащихся в нем предписаний.

Для того чтобы приговор, постановление или определение суда могли быть обращены к исполнению, они прежде должны вступить в законную силу. Приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по ис-

течении 10-суточного срока на его обжалование в апелляционном или кассационном порядке (ст. 356), если только он не был обжалован сторонами [5]. Приговор суда апелляционной инстанции вступает в законную силу по истечении 10-суточного срока на его обжалование в кассационном порядке, если он не был обжалован сторонами. В случае подачи жалобы или представления в кассационном порядке приговор, если он не отменен судом кассационной инстанции, вступает в законную силу в день вынесения кассационного определения.

Приговор обращается к исполнению в течение 3 суток со дня его вступления в законную силу или со дня возвращения в суд первой инстанции уголовного дела из суда апелляционной или кассационной инстанции.

Порядок обращения приговора к исполнению включает в себя направление судом, рассмотревшим дело в первой инстанции, заверенной копии приговора (а также копии решения суда второй инстанции, если оно вносит изменения в приговор) и распоряжения судьи об исполнении приговора, то учреждение или орган, на которые возложено фактическое исполнение наказания (ст. 393 УПК) [5]. В случае удовлетворения гражданского иска об обращении приговора к исполнению, суд извещает гражданского истца и гражданского ответчика.

Проблемы теории и практики исполнения приговора суда включают трудности с своевременным и полным исполнением наказания, проблемы при разрешении вопросов, связанных с приговором, и неэффективность правовых механизмов в некоторых случаях, например, в части применения давности обвинительного приговора.

Проблемы теории:

– **Правовая неопределенность**

Теоретически существуют нерешенные вопросы, например, в отношении давности исполнения приговора. По истечении 15 лет обвинительный приговор может перестать исполняться, что вызывает вопросы о справедли-

вости и целесообразности такого срока в конкретных случаях [4, с. 89].

– **Коллизии правовых норм**

Теоретические проблемы могут возникать при возникновении коллизий в законах и подзаконных актах, а также в их интерпретации. Например, при исполнении приговора, где суд вынес решение о виновности или невиновности подсудимого, могут возникать разногласия в толковании законодательства, относящегося к исполнению приговора.

Проблемы практики:

– **Несвоевременное исполнение**

Практика исполнения приговоров часто сталкивается с задержками, что делает исполнение наказания менее эффективным. Это происходит из-за бюрократических проволочек, недостаточного финансирования, коррупции и других проблем. Например, исполнение приговора может быть сорвано из-за несвоевременного предоставления необходимых документов, что негативно сказывается на целях уголовного судопроизводства.

– **Судебный контроль**

Несмотря на существование судебного контроля за исполнением приговоров, он не всегда является достаточно эффективным. Например, при исполнении приговора судом, не имеющим юрисдикции в месте исполнения приговора, могут возникать проблемы, связанные с неэффективностью судебного контроля [4, с. 108]. Хотя закон предусматривает решение этих вопросов судом того же уровня, на практике такие случаи могут быть проблемными.

– **Неэффективные механизмы исполнения**

Не все механизмы исполнения приговоров оказались эффективными в практике. Например, при исполнении приговора, не связанного с реальным лишением свободы, возникает необходимость в изменении меры пресечения, но в практике это может вызывать определенные трудности в связи с различными факторами.

Литература:

1. Курченко В. Н. Приговор суда: учебник для вузов / В. Н. Курченко. — М.: Юрайт, 2025. — 376 с.
2. Малышева О. А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора: учебник для магистратуры и аспирантуры / О. А. Малышева. — М.: Норма, 2017. — 288 с.
3. Малышева О. А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора: учебник для магистратуры и аспирантуры / О. А. Малышева. — М.: Норма, 2020. — 348 с.
4. Александрова О. П., Буданова Л. Ю. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора / О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова. — М.: Пресс, 2019. — 200 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

Основы международного гуманитарного права

Плетнева Татьяна Анатольевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Актуальность исследования определяется необходимостью системного осмыслиения правовых основ международного гуманитарного права в условиях трансформации характера современных вооруженных конфликтов, включая участие негосударственных вооруженных формирований, применение высоких технологий и гибридные методы ведения боевых действий. Цель работы заключается в комплексном анализе правовых норм международного гуманитарного права, выявлении ключевых принципов регулирования вооруженных конфликтов и оценке их эффективности в современных условиях.

Объектом исследования выступает система международного гуманитарного права как совокупность норм, регулирующих поведение участников вооруженных конфликтов. Предметом исследования являются правовые принципы, институты и источники международного гуманитарного права, определяющие рамки допустимого ведения вооруженных действий и обеспечивающие защиту лиц, не принимающих участия в боевых операциях.

Научная новизна работы заключается в комплексном сопоставлении кодифицированных норм и практики международных судебных органов, выявлении проблемных аспектов их реализации в современных условиях вооруженных конфликтов, а также формулировании рекомендаций по повышению эффективности применения принципов гуманитарного права в национальных правовых системах.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооружённый конфликт, принципы гуманности, комбатанты и некомбатанты, правоприменительная практика, трансформация вооруженных конфликтов.

Введение

Международное гуманитарное право представляет собой комплекс правовых норм, регулирующих поведение государств и иных участников вооруженных конфликтов, сформировавшийся на стыке международного публичного права и практики ведения вооруженных действий [5, с. 8]. Его становление обусловлено необходимостью юридически фиксировать ограничения на средства и методы ведения боевых действий, а также обеспечивать защиту лиц, не принимающих непосредственного участия в военных столкновениях. Исторически формирование института связано с развитием представлений о соотношении гуманистических принципов и неизбежной реальности вооруженных конфликтов, что привело к кодификации военных обычаев и установлению минимальных стандартов гуманного обращения с лицами, вовлечеными и не вовлеченными в боевые действия [3, с. 47].

Фундаментальными элементами системы международного гуманитарного права стали Гаагские и Женевские конвенции, закрепившие ограничения на методы ведения войны, регулирование статуса комбатантов и некомбатантов, а также порядок обращения с военнопленными и гражданским населением. Дальнейшее развитие правовой базы выражалось в протоколах и резолюциях, уточняющих сферу применения гуманитарных норм и обеспечивающих их адаптацию к трансформации вооруженных конфликтов, включая внутренние столкновения, деятельность негосударственных вооруженных формирований и применение высоких технологий.

В современных условиях международное гуманитарное право предстает как динамичная система, сохраняющая приверженность фундаментальным принципам

ограничения насилия и защиты человеческой личности, одновременно подвергающаяся трансформации под воздействием изменения характера вооруженных конфликтов [5, с. 8–9]. Исследование его правовых основ позволяет выявить структурные элементы и источники отрасли, проследить закономерности ее развития и оценить роль гуманитарного права в поддержании международного правопорядка и формировании правовой культуры государств.

Материалы и методы. В основу исследования положен комплекс методологических средств, обеспечивающих всесторонний анализ правовых основ международного гуманитарного права в их нормативном и доктринальном измерении. Применение формально-юридического метода позволило рассмотреть структуру и содержание соответствующих норм, выявить особенности их кодификации, а также проследить взаимосвязь универсальных и региональных источников. Сравнительно-правовой подход обеспечил возможность сопоставления договорных положений и практики их имплементации в национальные правовые системы, что позволило определить степень их согласованности и выявить различия в правоприменительной практике.

Использование историко-правового метода способствовало раскрытию закономерностей формирования международного гуманитарного права и его адаптации к меняющимся условиям международной жизни. Системный метод дал возможность рассматривать гуманитарные нормы как целостный комплекс, взаимодействующий с иными институтами международного права, включая нормы о правах человека и об обеспечении международной безопасности. При анализе проблемных аспектов исследования учитывалась также практика ме-

ждународных судов и трибуналов, которая выступает не только инструментом конкретизации положений гуманитарного права, но и фактором их эволюционного развития.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ нормативных актов и доктринальных источников международного гуманитарного права позволяет констатировать, что данная отрасль представляет собой интегрированную систему принципов, регулирующих поведение участников вооруженных конфликтов и формирующих правовые рамки взаимодействия государств и иных субъектов международного права в условиях вооруженного противостояния [9, с. 6]. В результате исследования выявлено, что фундаментальными элементами системы выступают принципы различия, пропорциональности, гуманности и необходимости, которые выступают одновременно критерием легитимности ведения боевых действий и механизмом защиты лиц, не вовлеченных в непосредственные боевые операции [2, с. 11]. Кодифицированные нормы, закрепленные в Гаагских и Женевских конвенциях, а также в их дополнительных протоколах, устанавливают ограничения на методы и средства ведения войны, определяют статус комбатантов и некомбатантов, регулируют порядок обращения с военнопленными и гражданским населением, формируя тем самым базис правового регулирования гуманитарных аспектов вооруженных конфликтов.

Сравнительно-правовой анализ и изучение судебной практики международных трибуналов демонстрируют, что универсальные нормы обладают высокой степенью гибкости, позволяющей их применение в различных типах вооруженных столкновений [1, с. 49]; вместе с тем выявляются определенные правовые пробелы, обусловленные изменением характера современных конфликтов, включая рост роли негосударственных вооруженных формирований, использование автономных систем вооружения и высокотехнологичных средств ведения боевых действий. В условиях трансформации военной деятельности возникают дискуссионные вопросы относительно точного определения категорий «комбатант» и «некомбатант», а также критериев признания объектов военного назначения [4, с. 19], что обуславливает необходимость дальнейшей интерпретации и уточнения правовых положений с учетом современных реалий.

На национальном уровне интеграция международных норм проявляется неоднородно, что выявляется при сравнительном рассмотрении различных правовых систем [10, с. 6–7]. В ряде государств международное гуманитарное право полностью имплементировано в национальное законодательство и подкреплено процедурными механизмами контроля за его соблюдением, тогда как в других странах его применение остается декларативным [2, с. 13] и создает, тем самым, потенциал для нарушения принципов защиты гражданского населения и требует усиления институциональной инфраструктуры, повышения

квалификации государственных органов и совершенствования механизмов правоприменения.

Тенденции развития вооруженных конфликтов последних лет, включая внутренние столкновения, гибридные операции и кибервоенные действия, формируют новые вызовы для классических принципов международного гуманитарного права [6, с. 14]. Несмотря на сохранение юридической и моральной ценности принципов различия и пропорциональности, их практическая реализация требует адаптации к современным технологическим и организационным условиям ведения боевых действий [1, с. 53]. В этом контексте становится необходимым разработка методологических подходов к применению гуманитарного права в условиях новых типов конфликтов, активизация доктринальных дискуссий и формирование судебной практики, способной учитывать специфику современных вооруженных столкновений.

Таким образом, исследование позволяет заключить, что международное гуманитарное право сохраняет ключевую роль в регулировании вооруженных конфликтов и защите прав человека, однако его эффективность определяется не только качеством кодификации и универсальностью норм, но и степенью их интеграции в национальные правовые системы, а также адаптивностью к трансформации характера вооруженных действий [8, с. 364]. Выявленные закономерности и проблемные аспекты обосновывают необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы, формирования устойчивой практики применения норм гуманитарного права и укрепления международного сотрудничества, направленного на обеспечение соблюдения гуманитарных стандартов в условиях современных вооруженных конфликтов.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что международное гуманитарное право представляет собой динамичную и целостную систему правовых норм, обеспечивающую регулирование поведения участников вооруженных конфликтов и формирование юридических рамок защиты человеческой личности в условиях войны. Анализ кодифицированных актов, включая Гаагские и Женевские конвенции и их дополнительные протоколы, а также сопоставление их с практикой международных трибуналов демонстрируют, что ключевыми принципами отрасли выступают различие, пропорциональность, гуманность и необходимость, которые обеспечивают минимизацию ущерба для гражданского населения и объектов, не имеющих военного значения, а также регулируют статус комбатантов и некомбатантов [7, с. 17–18].

Результаты исследования показывают, что универсальные нормы обладают высокой степенью гибкости, позволяя их применение как в традиционных межгосударственных конфликтах, так и в условиях современных вооруженных столкновений с участием негосудар-

ственных формирований и применением высоких технологий. Вместе с тем выявлены проблемные аспекты, связанные с практическим соблюдением норм, неоднородной имплементацией на национальном уровне и необходимостью уточнения правовых категорий в контексте новых видов вооруженной деятельности. Эти обстоятельства подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования правовой базы, разработки методологических подходов к реализации принципов гуманитарного права и укрепления международного сотрудничества в целях обеспечения его эффективного функционирования.

Международное гуманитарное право сохраняет фундаментальную роль в современном международном правопорядке, выступая инструментом ограничения насилия,

защиты человеческой жизни и формирования правовой культуры государств. Эффективность его применения зависит от комплексного взаимодействия универсальных норм, национальных механизмов реализации и практики международных судебных органов, а также от способности правовой системы адаптироваться к трансформации характера вооруженных конфликтов. Полученные результаты и выявленные закономерности развития отрасли создают базу для дальнейших научных исследований и практических рекомендаций, направленных на укрепление правовой регуляции гуманитарных аспектов ведения вооруженных действий и повышение уровня соблюдения международных стандартов защиты человеческой личности.

Литература:

- Бисултанов А. К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов: дис.... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 164 с.
- Кен Х. М. Право: является ли международное гуманитарное право правовой или моральной системой? / Х. М. Кен. 2016. С. 1–18
- Котляров И. И. Международное гуманитарное право: дефиниция и содержание: политологический аспект / И. И. Котляров // Международный журнал права. 2012. № 1. С. 45–60
- Мелцер Н. Целенаправленное убийство в международном праве / Н. Мелцер. 2008. 1–35
- О'Коннелл М. Э. Исторические основы и правовое развитие международного гуманитарного права / М. Э. О'Коннелл. 2021. С. 1–20
- Пикте Ж. Принципы международного гуманитарного права / Ж. Пикте. 1965. С. 1–20
- Табак С. Международное гуманитарное право в трибуналах по правам человека / С. Табак. 2016. С. 1–25
- Тодешини В. Влияние международного гуманитарного права на развитие принципа пропорциональности / В. Тодешини. 2018. С. 359–379
- Шмитт М. Н. Государственное мнение юриспруденции и международное гуманитарное право / М. Н. Шмитт. 2015. С. 1–20
- Ястребова А. Ю. Отдельные подходы к системе международного гуманитарного права: специальные принципы, сущность и эволюция / А. Ю. Ястребова // Научный журнал. 2022. № 3. С. 1–15

Правовые основы контроля в оперативно-розыскной деятельности

Подлепина Арина Олеговна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В данной публикации исследуются организационно-правовое основы осуществления контроля за проведением оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: контроль, надзор, деятельность, оперативно-розыскная, права, ограничения.

Правоохранительная деятельность осуществляется в целях защиты прав и свобод граждан, и обеспечивается силой государственного принуждения. Для достижения максимально возможного правопорядка сотрудниками органов внутренних дел и иных правоохранительных органов осуществляется целый комплекс мероприятий профилактической направленности, а также конкретные действия, направленные на расследование уже совершенных

преступлений, с целью получения конкретных доказательств, изобличающих виновного и последующего привлечения данного лица к ответственности. Данная деятельность происходит в рамках уголовного судопроизводства и разграничается двумя этапами: производством предварительного расследования и судебного производства.

Однако, деятельность стражей правопорядка была бы неэффективной, если бы она осуществлялась исключи-

чительно в рамках гласной процессуальной процедуры, что не давало бы возможность получения информации о готовящемся, совершающем или совершенном преступлении из иных источников, которая в дальнейшем также будет являться доказательством, что позволит установить истину по делу. Речь идет про осуществление оперативно-розыскной деятельности, которая является особой формой правоохранительной деятельности и в большей своей части имеет негласный характер реализации.

Проведение оперативно-розыскной деятельности регламентируется федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] (далее — ФЗ «Об ОРД») и к числу основных ее особенностей необходимо отнести, во-первых, негласный (скрытый) характер ее производства, а, во-вторых, ограничение в рамках ее проведения конституционных прав граждан, в отношении которых она реализуется.

В соответствии со ст.2 Конституции Российской Федерации [1] права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью и первичным объектом государственной охраны. Именно поэтому, в последующих конституционных нормах (например, ст. 23, 55 Конституции РФ) предусматривается возможность ограничения прав человека решением суда или федеральными законами, с целью защиты прав других лиц, интересов государства, включая его обороноспособность.

Понимая, что вопрос об ограничении прав граждан при проведении оперативно-розыскной деятельности находится в одной плоскости с конституционными предписаниями, обладающими высшей юридической силой, законодатель предусмотрел систему контроля за осуществлением оперативно-розыскной деятельности, которая сформирована в двух уровне порядке: на государственном (внешнем) и на внутриведомственном уровнях, о чем в ФЗ «Об ОРД» говорится в статьях 20 и 22.

На государственном уровне контроль за оперативно-розыскной деятельностью осуществляется непосредственно Президент Российской Федерации, а также законодательные и исполнительные органы государственной власти, представленные Федеральным Собранием Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, соответственно (ст. 20 ФЗ «Об ОРД»).

На внутриведомственном уровне аналогичный контроль возложен на руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В соответствии со ст. 22 ФЗ «Об ОРД» они несут персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Также в ФЗ «Об ОРД» в ст. 21 говорится и о проведении прокурорского надзора, который возложен непосредственно на Генерального прокурора Российской Федерации и прокуроров, которым делегировано данное полномочие. Однако, понятия «контроль» и «надзор» не следует отождествлять, так как несмотря на их семантическое сходство,

в контексте нашего исследования они предполагают разнородную деятельность уполномоченных субъектов.

Контроль — это аналитический процесс сравнения фактической реальности с требуемой нормой (шаблоном, образцом). Надзор — это динамический непрерывный процесс наблюдения, в ходе которого производится выявление нарушений установленных требований, которые являются обязательными в деятельности поднадзорного субъекта.

Таким образом, несмотря на существенную разницу данных понятий, законодатель располагает соответствующие нормы в тексте ФЗ «Об ОРД» с нарушением последовательности, закрепляя положения о прокурорском надзоре за оперативно-розыскной деятельностью в ст. 21, которая располагается между нормами, предусматривающими внешний и внутренний контроль за оперативно-розыскной деятельностью, что, на наш взгляд, не соответствует требованиям юридической техники.

Однако законодатель формулирует отдельные положения правовых актов таким образом, что это различие порою не является очевидным.

Кроме того, обращает на себя внимание терминологическое несоответствие названий, используемых в ФЗ «Об ОРД» (ст.21) и в Федеральном законе «О прокуратуре РФ» [3] (Глава 3): в первом случае используется дефиниция — «прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью», а во втором — «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность». Бессспорно, ФЗ «Об ОРД» демонстрирует расширенный формат прокурорского надзора, так как «исполнение законов» — это лишь отдельное направление правоохранительной деятельности, которое не исчерпывает собой полное понимание оперативно-розыскной деятельности. В этой связи считаем необходимым синхронизировать анализируемые формулировки, взяв за основу вариант, содержащийся в ст. 21 ФЗ «Об ОРД».

Также выделим проблемы правового регулирования, связанные с осуществлением судебного контроля, который является отдельным видом внешнего контроля за оперативно-розыскной деятельностью и в ст.9 указывается на возможность ограничения конституционных прав граждан исключительно по решению суда, при наличии соответствующего мотивированного обоснования, которое излагается в постановлении руководителя органа, осуществляющего ОРД.

Далее коснёмся вопроса о правовом регулировании ведомственного контроля, который закреплен в ст. 22 ФЗ «Об ОРД» и возложен на руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. При этом законодатель декларирует наступление персональной ответственность руководителей в случае нарушения законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Однако, на законодательном уровне (федеральном и локальном) не содержится разъяснений, кто относится к руководителям органов, осуществляющим оперативно-

розыскную деятельность. Более, того, никакими документами не определен и статус должностного лица, который может осуществлять ведомственный контроль в данной сфере, уполномочен проверять оперативные дела, контролировать организацию и проведение конкретных оперативно-розыскных мероприятий.

Данные пробелы правового регулирования деструктурируют контрольные задачи в сфере оперативно-розыскной деятельности, что существенно снижает степень защищенности граждан от незаконного ограничения (нарушения) их конституционных прав.

Если же произвести буквальное толкование нормы, закрепленной в ст. 22 ФЗ «Об ОРД», то можно выделить, как минимум, две проблемы, связанные с использованием некорректных формулировок.

Во-первых, в контексте персональной ответственности руководителей идет привязка исключительно к соблюдению только лишь законности, что автоматически сужает область ответственности, и исключает возможность привлечения к ней руководителей за иные нарушения, связанные, к примеру, с необходимостью сохранения конспирации, неразглашения сведений и пр.

Во-вторых, ответственность руководителей, следуя буквальному толкованию нормы, возможна на этапе органи-

зации и проведения оперативно-розыскных мероприятий, что также является далеко не полным содержанием института оперативно-розыскной деятельности, реализуемого в рамках правоохранительной деятельности. Так, за пределами «организации и проведения» лежат такие немаловажные мероприятия, как формирование оргштатного построения подразделения, агентурная работа, учетно-планирующая работа, отчетность и пр.

Таким образом, в целях полноты и системности правового регулирования контроля в оперативно-розыскной деятельности считаем необходимым внести в ФЗ «Об ОРД» следующие изменения:

- статьи 21 и 22 поменять местами;
- статью 20 дополнить словами следующего содержания: «...Правительство Российской Федерации, а также суд, в пределах полномочий...»;
- статью 22 изложить в следующей редакции: «Должностные лица, обеспечивающие непосредственное руководство за оперативными сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, несут персональную ответственность за нарушения ими законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также при осуществлении иной деятельности, относящейся к их компетенции...»

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, N 160, 18.08.1995.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета, N 229, 25.11.1995.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации в части применения принципа единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости

Подрезов Тарас Александрович, главный специалист-эксперт

Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Московской области (г. Москва)

Статья посвящена исследованию проблемы толкования и применения принципа единства судьбы земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости через анализ судебных решений Верховного Суда РФ, с целью выявления правовых позиций и оценки эффективности существующих подходов.

Установлено, что, по мнению высшей судебной инстанции, правовым последствием нарушения принципа единства судьбы при отчуждении объекта недвижимости без учета земельного участка является признание соответствующего права на участок или его часть за первоначальным приобретателем по сделке. В статье подчеркивается важность внесения поправок в законодательство в части конкретизации правовых последствий нарушения принципа для устранения правовой неопределенности и предотвращения недобросовестных практик.

Ключевые слова: принцип единства судьбы, недвижимость, земельный участок, сделка, применение, выводы судов, Верховный Суд Российской Федерации.

Legal positions of the Supreme Court of Russian Federation regarding the application of the principle of unity of fate of the land plot and the real estate object located on it

Podrezov Taras Aleksandrovich, chief expert specialist

Office of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography for the Moscow Region

This article examines the problem of interpretation and application of the principle of unity of fate of a land plot and a real estate object located on it, based on an analysis of specific judicial acts that have been appealed to the Supreme Court of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the legal positions of the Supreme Court regarding the interpretation and application of the principle and to assess the effectiveness of existing approaches to solving emerging problems. It has been established that, in the opinion of the highest court, the legal consequence of violating the principle of unity of fate when alienating a real estate object without taking into account the land plot is the recognition of the corresponding right to the plot or part of it for the original acquirer under the transaction. The article highlights the importance of amending legislation in terms of specifying the legal consequences of violating the principle in order to eliminate legal uncertainty and prevent unfair practices.

Keywords: the principle of the unity of fate, real estate, land, transaction, application, conclusions of the courts, the Supreme Court of the Russian Federation.

Принцип единства судьбы земельного участка и недвижимого имущества на нем (далее также — принцип единства судьбы), официально признаваемый отечественным законодательством, активно применяется судебными органами. Вместе с тем, анализ судебных актов различных инстанций выявил наличие проблемы, связанной с отсутствием единообразного толкования и применения такого принципа судами. Нижестоящие суды к одним и тем же отношениям, связанным с распоряжением строениями на земельных участках и наоборот, по-разному толкуют принцип единства судьбы либо не применяют его вовсе.

Обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации лежит на Верховном Суде Российской Федерации. Причем, такое единообразное применение законов достигается не только путем дачи в своих постановлениях Пленума соответствующих разъяснений нижестоящим судам, но также путем формулирования правовых позиций при рассмотрении конкретных дел.

В этой связи, с целью выявления и оценки эффективности существующих подходов высшего судебного органа к решению вышеуказанной проблемы рассмотрим и проанализируем судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, которые отменили решения нижестоящих судов по причине неправильного толкования или неприменения принципа единства судьбы.

Итак, за последнее десятилетие в практике Верховного Суда Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция к последовательному и строгому применению принципа единства судьбы.

Первая правовая позиция высшего судебного органа в части применения последствий нарушения принципа единства судьбы земельного участка и недвижимости на нем была высказана еще в 2005 году.

Так, Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации разъяснил [1], что сделка считается недей-

ствительной, если она предусматривает отчуждение объекта недвижимости без одновременной передачи прав на земельный участок, на котором расположен такой объект, или наоборот, если оба объекта принадлежат одному собственнику.

Верховный Суд Российской Федерации формулировал правовые позиции в части применения принципа единства судьбы при рассмотрении конкретных дел.

Для наглядности проанализируем четыре кейса.

Кейс первый.

В 2016 году Верховный Суд Российской Федерации разбирал дело между двумя сторонами, которые заключили договор аренды в 2009 году. Суть спора. По условиям этого договора арендатор арендовал пять нежилых помещений с обязательством их дальнейшего выкупа за оговоренную цену. Земля, на которой располагались указанные помещения, тогда еще не была оформлена на имя арендодателя. Поэтому стороны предусмотрели в договоре условие о том, что арендодатель сначала оформит ее на себя, а потом передаст арендатору.

В 2012 году арендодатель оформил участок и предложил изменить договор аренды, добавив в него пункт про стоимость земельного участка. Но арендатор отказался менять договор, потребовав передать права на недвижимость и землю, ссылаясь на то, что является законным их владельцем, так как уже заплатил всю сумму выкупа.

Арендатор подал иск в суд к арендодателю о передаче ему прав на недвижимость и землю. Арендодатель подал встречный иск, требуя плату за пользование участком.

Выводы нижестоящих судов: суд первой инстанции отклонил оба иска. Он посчитал, что арендодатель должен вернуть арендатору лишние деньги, которые тот заплатил сверх суммы аренды после прекращения договора. Апелляционный суд отменил решение первой инстанции и постановил зарегистрировать за арендатором переход права

собственности на помещения, но не на землю, поскольку на момент подписания договора земля еще не принадлежала арендодателю. Окружной суд согласился с апелляционным судом.

Выводы суда высшей инстанции. Верховный Суд Российской Федерации, сославшись на статьи 273 и 552 ГК РФ, статью 35 ЗК РФ, указал на необходимость совместного оборота недвижимого имущества и земельного участка, принадлежащих одному лицу. По его мнению, не имеет правового значения тот факт, что на момент заключения договора аренды арендодатель еще не был собственником участка, поскольку во внимание должно приниматься условие договора аренды об обязанности арендодателя по последующей передаче участка земли новому владельцу помещений. Верховный Суд Российской Федерации отменил в части неправильные решения судов о регистрации перехода права собственности на недвижимость без учета земельного участка.

Кейс второй.

Суть спора. В 2017 году Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело [2] по иску одной организации против другой о взыскании неосновательного обогащения за использование земельного участка, на котором расположены нежилые помещения, проданные истцом ответчику еще в 2002 году. На момент заключения договора купли-продажи помещений земельный участок находился также в собственности истца-продавца.

Выводы нижестоящих судов. Суд первой инстанции удовлетворил иск. Апелляционный суд, отменяя решение, отказал в иске, мотивируя тем, что покупка ответчиком помещений в здании, находящемся на земельном участке продавца, привела к возникновению у покупателя-ответчика доли в праве собственности на земельный участок. Однако, суд округа отменил постановление апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Выводы высшей судебной инстанции. Верховный Суд Российской Федерации на основании статей 273, 552 ГК РФ, пункта 1 статьи 35 ЗК РФ согласился с апелляционным судом о том, что после государственной регистрации права собственности на помещения покупатель автоматически *в силу закона* становится собственником доли земельного участка, занятого зданием, в котором находятся купленные помещения. Термин «*в силу закона*» в судебном акте Верховного Суда Российской Федерации означает *в силу действия принципа единства судьбы участка и здания на нем*.

Выше сформулированная правовая позиция станет своего рода лейтмотивом последующих судебных актов Верховного Суда Российской Федерации по аналогичным делам, пронизывающим их от начала и до конца.

Кейс третий рассмотрен в 2018 году Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ [3].

Суть спора. Земельный участок и здание находятся в собственности одного лица, являющегося продавцом помещений в здании. После заключения договора купли-про-

дажи помещений в здании регистрируется только право собственности на помещения за покупателем без регистрации права собственности на земельный участок. Продавец продолжает платить земельный налог, а по истечении нескольких лет обращается в суд с иском к покупателю помещений о взыскании неосновательного обогащения, образовавшегося в связи с уплатой земельного налога.

Выводы нижестоящих судов: суд первой инстанции решил отклонить иск, указав, что покупатель не должен платить земельный налог, так как земля под зданием с помещениями осталась собственностью продавца, а период оплаты налога не был указан в платежных документах.

Апелляционный суд отменил это решение и поддержал требования продавца. Принимая во внимание требования статей 552, 1102, 1103 ГК РФ, статьи 35 ЗК РФ, суд апелляционной инстанции заявил, что покупка недвижимости автоматически дает покупателю право на земельный участок под ней, даже если это не указано в договоре и нет документов на землю.

Окружной суд отменил решение апелляционного суда и согласился с судом первой инстанции. Он указал, что обязанность платить налог на землю появляется только после регистрации права собственности на землю. Так как перехода прав на землю зарегистрировано не было, то ответчик-покупатель не обязан платить налог.

Выводы суда высшей инстанции.

1. Совместное участие в сделке здания и участка земли: невозможно продать недвижимое имущество (например, здания или помещения в нем), не предоставив права на землю, на которой оно расположено. Когда одно лицо владеет одновременно недвижимостью и земельным участком под ним, оба объекта считаются частью сделки. Это означает, что приобретение недвижимости автоматически наделяет покупателя правом на земельный участок, даже если это не было прямо прописано в договоре купли-продажи или покупатель еще не оформил соответствующие документы на землю.

2. Невозможность разделить участок приводит к возникновению долевой собственности на землю: согласно пункту 4 статьи 244 ГК РФ, если продажа помещений происходит без возможности выделения отдельного земельного участка, этот участок становится объектом общей долевой собственности между продавцом и покупателем. Таким образом, покупатель получает долю в праве собственности на землю вместе с правом собственности на помещения.

3. Обязанность уплаты земельного налога покупателем недвижимости: покупатель, став собственником помещений в здании, должен платить пропорционально своей доле земельный налог на участок, на котором находится приобретенная недвижимость, поскольку в силу принципа единства вместе с недвижимым имуществом (в данном случае, помещениями) он приобретает и участок. Сумма земельного налога, уплаченная продавцом за период после продажи недвижимости, может быть взыскана через механизм неосновательного обогащения.

Такие выводы Верховного Суда Российской Федерации подчеркивают важность учета принципа единства судьбы при сделках с недвижимостью.

Четвертый кейс. Закончить анализ основных позиций Верховного Суда РФ можно рассмотрением дела 2022 года [4].

Суть спора. Дело интересно сложной цепочкой сделок с недвижимостью, включающей продажу нежилого помещения без передачи прав на земельный участок, затем последующее разделение проданного помещения на отдельные самостоятельные части, дальнейшую перепродажу вновь образованных помещений другим лицам, а также дарение доли в праве на земельный участок стороннему лицу. Собственники земельного участка требовали от последнего покупателя помещений оплатить использование земельного участка в связи с владением им нежилыми помещениями в здании, расположенным на их территории.

Последний покупатель помещений обратился в суд с иском о признании недействительным договор дарения доли на земельный участок и признании за истцом права собственности на указанную долю в праве общей долевой собственности на земельный участок.

Истец сослался на то, что земельный участок под зданием должен принадлежать владельцам помещений в здании, то есть истцу и еще одному лицу. После покупки помещений право на часть земли должна была также перейти и к истцу, а не переходить к другим лицам. Закон запрещает продавать недвижимость отдельно от участка земли.

Выводы нижестоящих судов. Суды нижестоящих инстанций решили, что иск не нужно удовлетворять, поскольку, по их мнению, покупатель получает право на долю участка земли только тогда, когда продавец уже владеет этой землей. Когда покупатель-истец приобретал нежилые помещения, земля под ними не была в собственности продавцов, поскольку первоначально помещения были проданы без передачи прав на землю. Нижестоящие суды исходили из того, что эти сведения были доступны покупателю-истцу до сделки через выписку из ЕГРН. Договоры купли-продажи также не включали передачу прав на землю и не содержали условий, что продавцы владеют земельным участком. Поэтому истец не получил права на долю в праве на земельный участок.

Выводы высшей судебной инстанции. Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая указанное дело, отметил, что суды трех инстанций, отказываясь удовлетворять иск, не применили принцип совместного участия в обороте земельного участка и недвижимого имущества на нем.

Сославшись на пункт 4 статьи 35 ЗК РФ, пункты 1 и 2 статьи 552 ГК РФ, Верховный Суд Российской Федерации сделал вывод о том, что при отчуждении нежилого помещения в здании, находящемся на земельном участке, принадлежащем на праве собственности нескольким лицам, также должна быть отчуждена и принадлежащая соб-

ственнику помещения доля в праве собственности на земельный участок.

В данном деле высший суд еще раз отметил, что, когда вы покупаете помещение в здании, вы автоматически получаете право на часть земельного участка, где оно находится. Это происходит в силу закона [5], [6], [7], то есть в силу принципа единства судьбы, после официальной регистрации права собственности на помещения.

После того как одно лицо приобрело недвижимость у первоначального собственника, последний больше не может распоряжаться землей под этой недвижимостью, то есть он не имеет права продавать или дарить ее другим лицам. Если он это делает, такая сделка будет считаться незаконной, поскольку она нарушает требования закона, а также права и законные интересы лица, который приобрел недвижимость.

Рассмотрев приведенные четыре дела и проанализировав основные выводы высшей судебной инстанции можно заметить, что Верховный Суд Российской Федерации в качестве юридического последствия отчуждения недвижимости на земельном участке без самого участка не применяет правовые последствия ничтожной сделки (статья 168 ГК РФ) в виде двусторонней реституции, а наоборот, напрямую реализует принцип единства судьбы, исправляя ошибки нижестоящих судов.

Верховный Суд Российской Федерации применяет принцип единства, толкуя его таким образом, что право собственности на земельный участок возникает у покупателя здания, на котором он расположен, в силу закона с момента государственной регистрации перехода к нему права собственности на здание.

В случае цепочки сделок по отчуждению недвижимости без передачи прав на участок под ней, правовые позиции подтверждают приоритет юридической силы первой сделки по переходу права собственности на объект недвижимости, автоматически распространяя ее действие на земельный участок. Последующие договоры, нарушающие этот принцип, признаются недействительными.

Таким образом, Верховный Суд РФ применяет принцип единства судьбы как средство защиты не только стабильности имущественных отношений, но и законных интересов первоначального приобретателя.

Такое единообразное толкование и применение принципа дисциплинирует собственников соблюдать правило совместного участия в сделках земельного участка и находящейся на нем недвижимости, что способствует стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

Несмотря на эффективность сложившейся практики, представляется необходимым закрепить на законодательном уровне последствия нарушения (неприменения) принципа единства в виде передачи соответствующих прав на земельный участок или недвижимость при намерении их раздельного отчуждения.

Такие меры позволят сделать процесс приобретения недвижимости и земельного участка прозрачнее и проще для всех участников рынка.

Литература:

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства». // СПС «Консультант Плюс».
2. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2017 № 307-ЭС17-5707. // СПС «Консультант Плюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2018 № 305-ЭС18-5945. // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2022 № 304-ЭС22-2566. // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.03.2016 № 303-ЭС15-13807 // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2017 № 307-ЭС17-5707 // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2018 № 305-ЭС18-5945 // СПС «Консультант Плюс».

Специфика привлечения юридических лиц к административной ответственности

Полынкевич Злата Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Корчма Ая Абильманатовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется актуальная проблема, заключающаяся в непропорционально высокой юридической ответственности, возлагаемой на организации. Штрафные санкции за нарушение российского законодательства для юридических лиц значительно превышают аналогичные меры воздействия, применяемые к физическим и должностным лицам. В то же время продолжаются дискуссии относительно условий привлечения организаций к ответственности и способов установления их виновности.

Ключевые слова: юридическое лицо, должностное лицо, правонарушение, юридическая ответственность, юриспруденция.

В современных реалиях правового регулирования, вопрос привлечения юридических лиц к административной ответственности представляет собой комплексную задачу. Законодательство предусматривает особый порядок и условия, при которых компании могут быть подвергнуты административным взысканиям.

Особенность этого процесса заключается в необходимости установления факта совершения административного правонарушения именно юридическим лицом, а не его отдельными сотрудниками. Важно доказать, что действия или бездействие, приведшие к нарушению, были обусловлены управленческими решениями или недостатками в организации деятельности компании.

При определении меры административной ответственности учитываются различные факторы, такие как характер совершенного нарушения, размер ущерба, степень вины юридического лица, а также наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Необходимо отметить, что административное наказание юридических лиц имеет свои цели, среди которых — предупреждение совершения новых правонарушений, восстановление нарушенных прав и интересов,

а также обеспечение соблюдения законности и правопорядка в экономической и социальной сферах.

В целом, привлечение юридических лиц к административной ответственности — это сложный и многогранный процесс, требующий тщательного анализа фактических обстоятельств, соблюдения процессуальных норм и учета специфики деятельности организации.

С привлечением юридического лица к административной ответственности существует ряд особенностей, и в них стоит разобраться и отличать от привлечения к административной ответственности физических и должностных лиц.

Прежде всего, важно определить причину, по которой юридическое лицо может быть подвергнуто административному наказанию. Следует подчеркнуть, что любое лицо не может быть привлечено к юридической ответственности любого рода без наличия достаточных оснований. Таким основанием является юридический факт, который проявляется в форме действия или, наоборот, бездействия.

Соответственно, для применения мер административной ответственности к юридическому лицу необходимо

ходимо, чтобы оно совершило административное нарушение.

Кроме того, привлечение организации к административной ответственности возможно исключительно государственными инстанциями и (или) судебными органами. Только эти структуры, в рамках установленных полномочий и компетенции, наделены правом контроля за действиями юридического лица. Следовательно, при обнаружении отклонений от законодательных норм со стороны компании, именно они имеют право применять меры ответственности.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за деятельностью юридического в сфере соблюдения законодательства Российской Федерации и проводит проверки по факту жалоб, заявлений со стороны граждан. В случае выявления нарушений прокуратура выносит предписания, в котором указывает нарушения, выявленные в ходе проверки деятельности юридического лиц, и дается срок для исправления выявленных нарушений. Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 прокуратура возбуждает дела об административных правонарушениях и проводит административное расследование в соответствии с полномочиями, установленными КоАП РФ и другими федеральными законами [1, с. 170]. Если юридическое лицо игнорирует требования прокуратуры и в установленный законом срок не исправляет выявленные нарушения, в таком случае прокурор от имени Российской Федерации подает в суд. Суд выносит решение и юридическое лицо обязано его исполнить.

Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации в пределах своих полномочий осуществляет контроль за деятельностью юридического лица в рамках соблюдения законодательства, связанного с государственными и муниципальными контрактами, а именно в случае выявления нарушений Федеральная антимонопольная служба имеет право выносить предписания для устранения выявленных нарушений и привлекать юридическое лицо к административной ответственности. В случае если юридическое лицо откажется исполнять предписание Федеральной антимонопольной службы, то последняя имеет право обратиться в суд для принудительного исполнения решения.

Существует ряд наиболее распространенных категорий административных проступков, за совершение которых организации чаще всего несут административную ответственность.

В частности, это несоблюдение юридическими лицами земельного, экологического, налогового, бюджетного, антимонопольного законодательства, несоблюдение правил пожарной безопасности, санитарных и природоохранных, таможенных правил. И по каждому указанному виду существуют свои контролирующие органы в обязанности, которых входит проверка деятельности юридического лица.

Федеральная таможенная служба Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью юри-

дического лица в сфере таможенного законодательства, и в качестве примера можно привести Постановление № 5-1697/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 5-1697/2020 в котором указано, что суд по заявлению представителя Федеральной таможенной службы Российской Федерации привлек к административной ответственности юридическое лицо по статье 16.3 КоАП РФ и наложил на него штраф в размере 50 000 рублей.

Особенностью данного дела является то, что таможенная служба смогла доказать виновность юридического лица в сфере таможенного законодательства, и именно юридическое лицо должно понести юридическую ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Зачастую коррупционные правонарушения в экологической сфере совершаются в интересах и от имени юридических лиц [2, с. 285].

Работа государственных структур подразумевает невозможность необоснованного привлечения компаний к ответственности по административным правонарушениям. Если же в процессе инспекции выявляются какие-либо нарушения, организации предоставляется время на их исправление. Однако, стоит отметить, что этот порядок действий не является универсальным и применяется не всегда.

В частности, на юридическое лицо могут быть наложены санкции за нарушение законодательства Российской Федерации без предупреждения об исправлении выявленных нарушений.

Далее, юридическое лицо должно обладать гражданской правосубъектностью. На территории Российской Федерации осуществляют свою деятельность различные виды юридических лиц, которые имеют разную организационно правовую форму, в том числе они могут быть зарегистрированы на территории иностранного государства.

Также отличительной особенностью является то, что не каждое общественное объединение является юридическим лицом и для привлечения к административной ответственности юридического лица оно должно обладать правовым статусом юридического лица, то есть должно быть зарегистрировано в установленном законе порядке.

В случае, если статусом юридического лица субъект административного правонарушения не обладает, то к нему будут применяться санкции, как к физическому или должностному лицу.

Проблемой привлечения юридического лица к административной ответственности является то, что юридическое лицо должно обладать статусом юридического лица, так как без этого невозможно будет привлечь к административной ответственности.

Ключевой трудностью при привлечении организации к административной ответственности выступает доказательство ее вины. [3, с. 318].

В первую очередь установлению подлежит наличие события и всех элементов состава правонарушения [4, с. 505].

Чтобы организация была привлечена к административной ответственности, необходимо наличие основания — конкретного юридического факта или их совокупности. Однако, поскольку юридическое лицо само по себе не способно совершать действия или быть участником событий, ответственность фактически ложится на физических лиц, действующих от его имени. Это значительно усложняет процесс установления вины организации как таковой, или же конкретного ответственного физического лица.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что институт привлечения юридических лиц к администра-

тивной ответственности имеет существенные проблемы и нуждается в более серьезном законодательном регулировании [5, с. 137].

Исходя из представленной информации, можно заключить, что процесс привлечения организаций к административной ответственности нуждается в четкой законодательной базе. Необходимо дополнить КоАП РФ разделом, детально регламентирующим порядок привлечения юридических лиц к административной ответственности. Более того, прежде чем применить санкции к организации, необходимо выявить и зафиксировать значительное число обстоятельств, имеющих отношение к делу.

Литература:

- Котов А. А. Процессуальные особенности привлечения военным прокурором к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Военное право. — 2016. — № 4 (40). — С. 170–175.
- Исламова Э. Р., Клюева К. И. Деятельность прокурора по привлечению юридических лиц к административной ответственности за коррупционные правонарушения в экологической сфере // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. № 9–1. — С. 284–294.
- Исламова Л. Р. Проблемы и особенности привлечения юридических лиц к административной ответственности // Аллея науки. — 2018. — Т. 6. № 5 (21). — С. 315–318.
- Сильнядин В. В. Проблема определения малозначительности административных правонарушений при привлечении к административной ответственности юридических лиц // Современные научные исследования и разработки. — 2017. — № 8 (16). — С. 505–508.
- Татаринцев В. В. Проблемы привлечения юридических лиц к административной ответственности // Вестник науки. — 2020. — Т. 1. № 6 (27). — С. 129–137.

Основания оспаривания сделок по специальным основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

Розыева Зухра Байрамовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится комплексный анализ специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Автор исследует критерии применения п. 2 и п. 3 ст. 61.2, ст. 61.3, ст. 61.4 Закона о банкротстве, выделяя их ключевые признаки и отличия от общих оснований недействительности сделок. Особое внимание уделяется проблемам правоприменимой практики, связанным с доказыванием неравноценности встречного исполнения, предпочтительного удовлетворения требований кредиторов, а также с определением круга лиц, подпадающих под признаки заинтересованности и аффилированности. На основе анализа современной судебной практики и доктринальных положений формулируются выводы о тенденциях и перспективах развития института оспоримых сделок в банкротстве.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, оспаривание сделок, подозрительные сделки, сделки с предпочтением, заинтересованные лица, конкурсная масса, арбитражный управляющий, фиктивные обязательства.

The grounds for challenging transactions under the special provisions of the federal law «On insolvency (bankruptcy)»

The article provides a comprehensive analysis of the special grounds for challenging transactions under the Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 «On Insolvency (Bankruptcy)». The author examines the criteria for the application of clauses 2 and 3 of Article 61.2, Article 61.3, and Article 61.4 of the Bankruptcy Law, highlighting their key features and differences from the general grounds

for the invalidity of transactions. Particular attention is paid to the problems of law enforcement practice related to proving the inadequacy of reciprocal performance, preferential satisfaction of creditors' claims, as well as determining the circle of persons falling under the signs of interest and affiliation. Based on the analysis of modern judicial practice and doctrinal provisions, conclusions are formulated about the trends and prospects for the development of the institution of voidable transactions in bankruptcy.

Keywords: insolvency, bankruptcy, challenging transactions, suspicious transactions, transactions with preference, interested parties, bankruptcy estate, arbitration manager, fictitious obligations.

Введение

Институт оспаривания сделок в процедурах банкротства является одним из ключевых механизмов защиты имущественной массы должника и обеспечения принципа соразмерного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов. В условиях экономической нестабильности и роста числа дел о несостоятельности значение данного инструмента лишь возрастает. Если общие основания недействительности сделок, регламентированные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ), направлены на защиту правоспособности и волеизъявления сторон, то специальные основания, закрепленные в Законе о банкротстве, преследуют иную цель — восстановление нарушенного права кредиторов на равное распределение конкурсной массы.

Целью настоящего исследования является систематизация и углубленный анализ специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить отличительные признаки специальных составов; проанализировать элементы каждого основания (субъектный состав, объект, условия применения); исследовать актуальные проблемы судебной практики, связанные с применением данных норм.

1. Специальные основания оспаривания сделок: общая характеристика и система

Систему специальных оснований оспаривания сделок в банкротстве образуют нормы, содержащиеся в § 3 главы III.1 Закона о банкротстве. Данные составы являются специальными по отношению к нормам ГК РФ и применяются исключительно в рамках дела о несостоятельности. Их можно классифицировать по нескольким критериям.

По субъектному составу различают сделки, совершаемые с заинтересованными лицами (ст. 61.3) и с любыми контрагентами (ст. 61.2, п. 2, 3). По временному критерию выделяются сделки, совершенные в подозрительный период (за 3 года до возбуждения дела о банкротстве или после), и в период предпочтительности (за 1 месяц или 6 месяцев для взаимосвязанных лиц). По характеру нарушения — сделки, наносящие ущерб кредиторам путем вывода активов (подозрительные), и сделки, нарушающие принцип равенства кредиторов (сделки с предпочтением).

Общим для всех специальных составов является то, что для их оспаривания не требуется доказывать противово-

правность виновных действий сторон в классическом гражданско-правовом понимании. Достаточно установить объективную связь между сделкой и ухудшением финансового положения должника либо нарушением прав кредиторов.

2. Подозрительные сделки: сделки с неравноценным встречным предоставлением (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве)

Пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве предусматривает возможность оспаривания сделки, совершенной в течение трех лет до принятия заявления о банкротстве или после, если она совершена на условиях явно неравноценного встречного предоставления и это причинило вред имущественным правам кредиторов.

Ключевым признаком данного состава является «явная неравноценность» встречного исполнения. Законодатель не дает количественного критерия, что порождает дискуссии в судебной практике. В постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда (15 ААС) по делу № А32-11795/2017 указано, что «неравноценным встречным исполнением обязательств признается, в частности, любая передача имущества, если рыночная стоимость переданного должником имущества существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств». На практике суды часто признают неравноценность явной при отклонении цены более чем на 20–30 % от рыночной стоимости [4, с. 7].

Вторым критически важным условием является причинно-следственная связь между сделкой и причинением вреда кредиторам. Бремя доказывания данного обстоятельства лежит на истце (арбитражном управляющем). Вред выражается в уменьшении активов должника, которые могли бы быть включены в конкурсную массу.

3. Подозрительные сделки: сделки, направленные на причинение вреда (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве)

Пункт 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве содержит более сложный состав, так называемых «злонамеренных» сделок. Для его применения необходимо доказать, что в момент совершения сделки другая сторона знала об умысле должника причинить вред имущественным правам кредиторов, и такой вред был фактически причинен.

Данное основание является резервным и применяется, когда сделка формально не подпадает под признаки иных составов, но ее совершение явно носило недобровольственный характер. Сложность заключается в доказывании субъективной стороны — умысла должника и ос-

ведомленности контрагента. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (действующем в части, не противоречащей позднейшим актам) разъясняется, что об умысле могут свидетельствовать, в частности, совершение сделки на заведомо невыгодных условиях, отсутствие разумной экономической или иной цели (деловой цели), скрытие активов накануне банкротства [3].

В современной практике складывается подход, согласно которому осведомленность контрагента презумируется, если он является аффилированным лицом или выведенные активы были переданы ему в очень короткие сроки перед возбуждением дела о банкротстве. Однако данная презумпция является опровергимой [5].

4. Сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве)

Сделки с предпочтением, регламентированные статьей 61.3 Закона о банкротстве, направлены на защиту принципа паритетного удовлетворения требований кредиторов. Их суть заключается в том, что должник накануне банкротства удовлетворяет требования одних кредиторов в ущерб другим.

Отличительными признаками данного состава являются:

Направленность на исполнение обязательства. В отличие от подозрительных сделок, предметом оспаривания здесь является именно исполнение уже существующего обязательства (возврат займа, оплата поставленного товара и т. д.).

Предпочтительность. В результате исполнения кредитор, в пользу которого произведено исполнение, получил удовлетворение своих требований в большей степени, чем иные кредиторы той же очереди.

Осведомленность кредитора. Кредитор знал или должен был знать о неплатежеспособности должника и о том, что его требования удовлетворяются предпочтительно. Критерием осведомленности, согласно п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, является, в частности, наличие возбужденного дела о банкротстве или известность информации о фактической неплатежеспособности должника в деловом обороте.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.03.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.03.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
- Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. — 2011. — № 3.
- Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда (15 ААС) от 13 сентября 2022 г. по делу № А32-11795/2017 [Электронный ресурс]. — Доступ из картотеки арбитражных дел.
- Ткачев, В. Н. Несостоятельность (банкротство) в Российской Федерации: правовое регулирование конкурсного производства / В. Н. Ткачев. — М.: КНОРУС, 2020. — 256 с.

Особенностью является сокращенный срок подозрительности — один месяц до возбуждения дела о банкротстве, который продлевается до шести месяцев, если кредитор является взаимосвязанным с должником лицом.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Специальные основания оспаривания сделок в банкротстве, закрепленные в Законе о банкротстве, образуют целостную систему, направленную на защиту конкурсной массы и обеспечение равенства кредиторов. Эти составы являются самостоятельными и применяются независимо от общих оснований недействительности сделок.

2. Каждое из оснований (подозрительные сделки, сделки с предпочтением, сделки с заинтересованными лицами) имеет свои уникальные признаки и условия применения, что требует от арбитражных управляющих и судов тщательного юридического анализа.

3. Наибольшие сложности в правоприменительной практике связаны с установлением субъективной стороны (умысла, осведомленности) и с доказыванием причинно-следственной связи между сделкой и причинением вреда кредиторам. В этой связи наблюдается развитие презумпций, облегчающих бремя доказывания для арбитражного управляющего, особенно в отношении сделок с аффилированными лицами.

4. Современная тенденция заключается в ужесточении контроля за сделками, совершаемыми накануне банкротства, и в расширительном толковании признаков заинтересованности и аффилированности, что соответствует общей цели противодействия недобросовестному поведению должников и контролирующих их лиц.

Дальнейшее развитие института оспаривания сделок, вероятно, будет связано с детализацией критериев «неравноценности» и «осведомленности» на законодательном уровне, а также с формированием более единообразной судебной практики по вопросам определения круга контролирующих и заинтересованных лиц.

Особенности дореволюционного этапа правовой регламентации института реабилитации в уголовном процессе

Салтанов Иван Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Козинникова Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России

В современном уголовно-процессуальном законодательстве институт реабилитации регулируется в отдельной главе (Глава 18 УПК РФ), то есть он выделен как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, и это сделано впервые в истории российского уголовного процесса.

Однако отметим, что институт реабилитации как институт уголовно-процессуального права прошел в своем развитии длительную историю. Становление прообразов современного института реабилитации началось в дореволюционный период развития уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на то, что в дореволюционный период уголовно-процессуальное право претерпевало свое становление, именно на данном этапе развития правовой мысли происходит становление и понимание сущности реабилитации.

Первый этап (дореволюционный) имеет своей отличительной особенностью длительный период существования по сравнению с остальными. Данная тенденция заключается в том, что именно на данном этапе государство и правоприменители, анализируя сложившиеся правоотношения в рассматриваемой области, начинали понимать закономерности сложившихся правоотношений.

В этом контексте следует отметить, что законодательная регламентация реабилитации в России своими истоками начинается с конца XV в. Первые нормы, которые являлись прообразами института реабилитации содержались в Судебнике 1497 года.

Суть данных реабилитационных процедур сводилась непосредственно к гражданским искам и заключалась в возмещении неоправданно взысканных сумм. Однако коренным образом подходы законодателя к указанному вопросу стали изменяться с середины XVII в [1].

Так, в Соборном уложении 1649 г. Указывалось на необходимость уплаты дьяком, который несправедливо обвинит виноватого, денежной компенсации. Фактически нормы Соборного Уложения 1649 года в качестве реабилитации рассматривали денежные компенсации.

Однако на системном уровне этот вопрос стал регулироваться только, начиная с петровской эпохи. Так, в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г. имеется завершающая глава под названием «О уничтожении приговору» [2]. Суть данных норм сводилась к тому, что, вышестоящим органам было дано право отменять незаконные приговоры. В актах, которыми отменялись приговоры должностные лица, рассматривавшие дела надеялись право восстановления в обществе пострадавшего лица в качестве компенсации за несправедливый приговор. Фактически указанным актом подтверждалось моральное право на реабилитацию.

Весьма интересным являлись подходы к реабилитации, изложенные в Морском уставе 1720 года. Суть данных положений сводилась к тому, что в случае применения к военному человеку несправедливого наказания, он мог быть реабилитирован путем публичного оправдания, сохранения права на возложение флага и установление запрета попрекать данное лицо.

Мы полагаем, что это первая норма в истории российского законодательства, где закрепляется один из аспектов института реабилитации лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности — восстановления его доброго имени. Но о других аспектах реабилитации также не говорится

В период правления Екатерины II в законодательстве была предусмотрена ответственность за производство незаконных арестов (Сенатский доклад от 31 июля 1766 г., указы Екатерины II) [3].

С развитием государства стало расширяться и правовое поле института реабилитации. Так, С 1834 г., когда был издан Указ, предусматривающий взыскание с судьи 200 рублей за каждый необоснованный удар кнутом. В 1851 г. данная мера ответственности была заменена единовременным вознаграждением в размере от 10 до 160 рублей и введено правило об обязанности судей возместить наказанному все имущественные убытки, предоставить ему средства на лечение и на содержание до выздоровления, в случае же, если наказанный становился нетрудоспособным, суд должен был обеспечить его и его семью приличным содержанием.

Исходя из этого положения, можно судить о том, что государство стало осознавать необходимость полного возмещения вреда лицу, а в отдельных случаях и его родственникам.

Значительный вклад в развитие отечественного законодательства внесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, принятое 15 августа 1845 г. Законы гражданские 1851 г. являлись следующим нормативным актом, предусматривающим ответственность судей за осуществление умышленного правосудия из корыстных или иных видов [4].

С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. институт реабилитации стал находить более полную и определенную систематизацию.

Причем уже тогда законодатель разделял основания прекращения судебного преследования и основания оправдания по приговору суда, хотя, сразу заметим, термина «реабилитация» имперский законодатель еще не знает.

Несмотря на то, что ст. 780 Устава уголовного судопроизводства наделяла правом осужденного просить

вознаграждение за причиненный вред, однако в рассматриваемом памятнике права не были введены законодателем такие обязательные права реабилитированного, как право на возмещение морального вреда. На наш взгляд, лишение незаконно осужденного данного права — существенное упущение со стороны законодателя, ввиду того, что в рассматриваемый период времени царские тюрьмы характеризовались очень плохими бытовыми условиями.

Заметим также, что «дозволение просить» оправданному еще не означало, что его просьба будет удовлетворена. Правда, согласно ст. 781 Устава уголовного судопроизводства «взыскание сего вознаграждения с частного лица, не потерпевшего от того преступления или проступка, в котором оно обвиняло подсудимого, может быть требуемо оправданным подсудимым во всяком случае».

Кроме того, лицо, в отношении которого был вынесен оправданный приговор, имело право согласно ст. 783 Устава уголовного судопроизводства «искать вознаграждения и с должностных лиц, в том числе и с судебного следователя и прокурора, если может доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания или вообще недобросовестно».

На рубеже XIX-XX веков в 1900 году была создана Правительственная комиссия для пересмотра судебных уставов, изданных в 1860-е годы.

По результатам проведенной ею проверки были выявлены различные недостатки, среди которых: сложность реализации процедуры, выплата компенсации за счет средств судьи (должностного лица), возложение бремени доказывания судебной ошибки самим потерпевшим и иные. В связи с этим Комиссией было впервые внесено предложение: осуществлять соответствующие материальные выплаты из бюджета государства.

Однако предложенная процедура была многоэтапной, а ее реализация затруднительной. Это было связано с тем, что, согласно выработанному плану, судья должен был ходатайствовать через министра юстиции перед Императором о проведении реабилитации для тех незаконно осужденных, кто этого действительно заслуживал, такими являлись оправданные граждане.

Таким образом, несмотря на начальный этап становления уголовно-процессуального законодательства, государством предпринимаются меры к формированию основ института реабилитации.

Литература:

1. Захарцев С. И., Рохлин В. И. Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы). СПб.: Юридический центр Пресс, 2017, С. 36
2. Хачатрян Л. А., Глебов В. Г. История становления и развития института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2024. — № 1. — С. 50
3. Курятников И. Р. История становления института реабилитации в уголовном процессе России // В сборнике: Инновационные научные исследования: теория, методология, практика. Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции.: в 2 ч.. 2019. — С. 175.
4. Кудряшова А. Д. История становления и развития института реабилитации в уголовном процессе России // Студенческий. — 2021. — № 35–3 (163). — С. 102

Налоговые преступления: виды и ответственность

Салчак Урана Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Тренин Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В работе автором рассмотрены виды налоговых преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3 и 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Установлено, что наиболее распространенный вид налоговых преступлений — уклонение от уплаты налогов. Особое внимание уделено новеллам налогового законодательства, а именно, об изменении ответственности в сторону «смягчения», рассмотрены пороговые значения привлечения за уклонение от уплаты налогов, а также изучены сроки давности, которые зависят от тяжести налогового преступления.

Ключевые слова: налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, виды налоговых преступлений, ответственность за налоговые преступления, вид наказания, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Tax crimes: types and responsibilities

In this paper, the author examines the types of tax crimes provided for in Articles 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, and 199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is established that the most common type of tax crime is tax evasion. Special attention is

paid to the novelties of tax legislation, namely, the change in liability towards «softening», the threshold values for prosecution for tax evasion, and the statute of limitations, which depend on the severity of the tax crime.

Keywords: tax crimes, tax evasion, types of tax crimes, liability for tax crimes, type of punishment, Criminal Code of the Russian Federation.

Сточки зрения В. В. Дубровина и Е. Г. Дубровиной, «налоговые преступления представляют собой нарушения законодательства, которые связаны с уклонением от уплаты налогов, сборов или других обязательных платежей, перечисляемых в бюджет с целью уменьшить сумму налогов или же избежать их уплаты, то есть такое поведение противоправно и наносит ущерб государству» [13, С. 29].

Ряд авторов, такие как Е. Г. Быкова, Н. В. Вахмянина, П. В. Вдовцев, А. А. Казаков, В. Н. Карагодин, С. А. Яшков подчеркивают, что «налоговые преступления — это категория экономических преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов, сборов или других обязательных платежей в бюджетную систему РФ» [12, С. 32].

В 2024 году в России выявлено почти 11 тысяч налоговых преступлений, которые нанесли ущерб в размере 112 миллиардов рублей. Если рассматривать историческую тенденцию, то в 1992 году выявлено всего лишь 147 преступлений; в 1993 году — 1 242 преступления в 1994 году — 3 126 преступлений; в 1995 году — 5 670 преступлений; в 1996 году — 5 540 преступлений; в 1997 году — 4 185 преступлений; в 1998 году — 4 085 преступлений; в 1999 году — 11 498 преступлений; в 2000 году — 20 622 преступления; в 2021 году — 32 010 преступлений; в 2008 году — 14 424 преступления; в 2010 году — 13 848 преступлений [16].

Правовая основа налоговых преступлений следующая:

- глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ); Указание Генеральной Прокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»; и др.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» к налоговым преступлениям относятся деяния, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ [9].

В соответствии с Приложением № 2 к Указанию Генпрокуратуры России № 462 /11, МВД России № 2 от 25.06.2024 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» к налоговым преступлениям, предварительное расследование по которым производится в форме предварительного следствия, без дополнительных условий, относятся преступления, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3 и 199.4 УК РФ [10].

Итак, статьи 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ предусматривают строгую ответственность за такие деяния. Основные виды налоговых преступлений:

- ст. 198 — уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (путем непредставления налоговой декларации или включения заведомо ложных сведений);
- ст. 199 — уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (путем непредставления декларации или включения заведомо ложных сведений);
- ст. 199.1 — неисполнение обязанностей налогового агента;
- ст. 199.2 — сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя (далее — ИП), за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов [2].

Налоговые преступления имеют свои нюансы. В этой связи, далее изучим основные из них.

На основе дополнений к действующему уголовному законодательству отметим, что налоговые преступления остаются предметом правового регулирования.

Так, поправки в УК РФ изменили ситуацию к лучшему и повысили ценность добровольного возмещения ущерба. Однако не исключен риск уголовного преследования за невыполнение (реальное или мнимое) — налоговых обязательств. Основное новшество в 2025 году в этой сфере — смягчение ответственности по «налоговым» статьям. Но это не значит, что теперь можно безбоязненно не платить налоги или не выполнять обязанности налогового агента.

Важно сразу отметить, что вступили в силу следующие законы:

- Федеральный закон Российской Федерации от 06 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7];
- Федеральный закон Российской Федерации от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [6].

Данные законы совершили «революцию» в УК РФ, поскольку до 5 лет (с шести) снижено максимальное наказание по:

- ч. 2 ст. 199 — уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов с организации в особо крупном размере или группой лиц по предварительному сговору;
- ч. 2 ст. 199.1 — неисполнение обязанностей налогового агента в особо крупном размере;
- ч. 2 ст. 199.2 — сокрытие денежных средств либо имущества организации или ИП, за счет которых должно быть произведено взыскание по налогам, в особо крупном размере.

Как видно, разница в год, но это влечет за собой следующие важные последствия:

- данные составы из категории тяжких переходят в категорию средних;
- по ним сокращается срок давности привлечения к уголовной ответственности, то есть с 2025 года он не более 6 лет.

При этом отметим, что уголовное дело по таким составам должно быть прекращено, если виновное лицо полностью уплатило:

- недоимку, штрафы и пени по всем обязательных платежам.

Например, генеральный директор ООО и его главный бухгалтер по договору вносят ложные показатели в налоговые декларации, таким образом «оптимизируя» налогообложение за счет сокрытия реальных доходов. Общая сумма недоимки — более 70 млн. руб. Это значит, в 2025 году эти деяния квалифицируются по ч. 2 ст. 199 (уклонение от уплаты налогов с организации в особо крупном

размере или группой лиц по предварительному сговору) как преступление средней тяжести. И в случае данными лицами полностью будут возмещен ущерб, уплачены пени и штрафы, то уголовное дело может быть прекращено [14, С. 77].

Виды налоговых преступлений и виды их наказаний наглядно представлены в таблице 1.

Крупный и особо крупный размер:

- уголовная ответственность наступает только при уклонении в крупном (от 2,7 млн руб. для ст. 198, от 5 млн руб. для ст. 199) или особо крупном размере (от 13,5 млн руб. для ст. 198, от 15 млн руб. для ст. 199).

Такие параметры следуют из примечаний к ст. ст. 198, 199, 199.1 Уголовного кодекса РФ, и, как разъяснял Верховный Суд РФ, в эти суммы должны включаться все виды неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов, администрируемых Федеральной налоговой службой (п. 12 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения су-

Таблица 1. Налоговые преступления и виды наказаний [2]

Преступление	Вид наказания (верхние и нижние границы)
1. Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица-пательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК РФ)	1) в крупном размере: — от штрафа 100 000–300 000 руб. до лишения свободы на срок до года; 2) в особо крупном размере: — от штрафа 200 000–500 000 руб. до лишения свободы до трех лет
2. Уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией (ст. 199).	1) в крупном размере: — от штрафа 100 000–300 000 руб. до лишения свободы до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет (или без, далее для упрощения дисквалификация); 2) группой лиц по предварительному сговору и в особо крупном размере: — от штрафа 200 000–500 000 руб. до лишения свободы до 5 лет с дисквалификацией на срок до 3 лет (или без)
3. Неисполнение в личных интересах обязанностей налогового агента (ст. 199.1)	1) в крупном размере: — от штрафа 100 000–300 000 руб. до лишения свободы на срок до 2 лет с дисквалификацией на срок до 3 лет (или без); 2) в особо крупном размере: — от штрафа 200 000–500 000 руб. до лишения свободы на срок до 5 лет с дисквалификацией на срок до 3 лет (или без)
4. Сокрытие денежных средств либо имущества организации или ИП, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по обязательным платежам (ст. 199.2)	1) в крупном размере: — от штрафа 200 000–500 000 руб. до лишения свободы до 3 лет с дисквалификацией на тот же срок (или без); 2) в особо крупном размере: — от штрафа 500 000 до 2 млн руб. до лишения свободы до 5 лет с дисквалификацией на срок до 3 лет (или без)
5. Уклонение страхователя — физлица от уплаты страховых взносов на соцстрах или от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ст. 199.3)	1) в крупном размере: — от штрафа 200 000 руб. до обязательных работ на срок до 360 ч.; 2) в особо крупном размере: — от штрафа 300 000 руб. до лишения свободы на год
6. Уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (ст. 199.4)	1) в крупном размере: — от штрафа 100 000–300 000 руб. до лишения свободы до года; 2) группой лиц по предварительному сговору; в особо крупном размере: — от штрафа 300 000–500 000 руб. до лишения свободы до трех лет с дисквалификацией на тот же срок (или без)

дами законодательства об ответственности за налоговые преступления») [9].

Уголовная ответственность применима исключительно к вменяемым физическим лицам, достигшим возраста 16 лет (ст. 20 УК РФ), совершившим соответствующие налоговые преступления, в том числе:

- руководители организаций-нарушителей;
- бухгалтеры, главные бухгалтеры и иные сотрудники;
- индивидуальные предприниматели;
- нотариусы, адвокаты, налоговые агенты [12, С. 54].

Здесь также необходимо отметить, что по налоговым преступлениям действуют следующие пороговые значения. Так, чтобы встал вопрос о привлечении за уклонение от уплаты налогов с организаций или неисполнение обязанностей налоговых агентов, нужно, чтобы ущерб превысил 18 750 000 руб. за три финансовых года подряд. Особо крупным размером считается сумма свыше 56 250 000 руб. за тот же период.

Пример. Генеральный директор ООО в течение трех финансовых лет (в 2022, 2023 и 2024 годах) представлял в налоговую инспекцию подчищенные «прибыльные» декларации. В результате налоговая служба установила, что общая сумма недоимки составила более 58 млн. руб. Это подпадает под понятие уклонения от уплаты обязательных платежей в особо крупном размере (ч. 2 ст. 199 УК РФ) [14, С. 81].

Для решения вопроса об уголовной ответственности ИП:

- крупным размером считается свыше 2 700 000 руб.;
- особо крупным — более 13 500 000 руб. за тот же период.

Что касается сроков давности, то они зависят от тяжести преступления. По налогам (взносам, сборам) тяжесть преступления может быть или небольшой, или средней (ч. 1, 2, 3 ст. 15; п. п. «а», «б» ч. 1 ст. 78; ч. 1, 2 ст. 198; ч. 1, 2 ст. 199; ч. 1, 2 ст. 199.1 УК РФ).

Так, два года составляет срок давности по налоговым преступлениям небольшой тяжести, совершенных: организацией в крупном размере (кроме совершенных группой лиц); ИП (в любом размере); налоговым агентом в крупном размере.

Шесть лет составляет срок давности за налоговые преступления средней тяжести, совершенные: организацией в особо крупном размере, в крупном размере группой лиц; организацией в крупном размере группой лиц; налоговым агентом в особо крупном размере.

Течение срока давности прекращается в последний день последнего года, не важно, рабочий, или выходной это день (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законода-

тельства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности») [8].

Даже если приговор вступил в силу — если срок давности истек, от уголовной ответственности должны освободить (ст. 78 УК РФ). Срок истек до возбуждения дела или во время следствия — дело не должно быть возбуждено, а возбужденное — прекращено (ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [4]. Это в том случае, если лицо не уклоняется от следствия или суда, для «уклонистов» течение срока давности просто приостанавливается (ч. 3 ст. 78 УК РФ).

Например, ООО представило за 2024 году «прибыльную» декларацию с заниженными показателями. Налоговая инспекция установила, что сумма недоимки — 20 млн руб., то есть причинен крупный ущерб. Материалы направляются в Следственный комитет РФ для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 199 УК РФ [14, С. 85].

Последний день уплаты налога на прибыль за 2024 год — 28 марта 2025 года, срок давности начал течь 29 марта 2025 года. Последний день, когда можно привлечь к уголовной ответственности — 28 марта 2027 года, то есть с 00:00 29 марта 2027 года привлечение к уголовной ответственности исключено — при условии, что подозреваемое лицо не уклонялось от следствия или суда. А если, например, в январе 2026 года будет погашен долг, уплачены пени и штрафы, то уголовное дело вообще может быть прекращено.

Условия освобождения от уголовной ответственности за неуплату или неполную уплату налога из-за невключения прибыли КИК в налоговую базу контролирующего лица предусмотрены Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации от 24.11.2014 № 376-ФЗ [5].

В заключении исследования следует подчеркнуть, что «налоговые преступления — это деяния, умышленно совершаемые лицами в области законодательства о налогах и сборах, место которых определено в уголовном законодательстве в структуре УК РФ в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Отличительной чертой налоговых преступлений является их высокая сложность, требующая не только юридических, но и глубоких знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства. Налоговые преступления совершаются только умышленно. При этом, если обязательный платеж верно рассчитан, но вовремя не уплачен, то уголовной ответственности не будет. То есть во избежание преследования по налоговой статье необходимо оплатить все налоги.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм. от 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.10.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (редакция от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699(дата обращения: 01.10.2025).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (редакция от 29.11.2024) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/(дата обращения: 01.10.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (редакция от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501792>(дата обращения: 25.09.2025).
5. Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (редакция от 12.11.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/(дата обращения: 02.10.2025).
6. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442355/(дата обращения: 02.10.2025).
7. Федеральный закон от 06 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.klerk.ru/doc/605629/>(дата обращения: 02.10.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (редакция от 29.11.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/(дата обращения: 02.10.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.klerk.ru/doc/493030/>(дата обращения: 02.10.2025).
10. Указание Генеральной Прокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_483902/(дата обращения: 02.10.2025).
11. Александров, И. В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров / И. В. Александров. — Москва: Юрайт, 2022. — 405 с.
12. Быкова, Е. Г. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров / Е. Г. Быкова, Н. В. Вахмянина, П. В. Вдовцев, А. А. Казаков, В. Н. Карагодин, С. А. Яшков. — Москва: НИЦ ИНФА-М, 2025. — 322 с.
13. Дубровин, В. В. Налоговые преступления. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты: учебное пособие, дополн. и изм. / В. В. Дубровин, Е. Г. Дубровина. — Москва: МГИМО-Пресс, 2024. — 240 с.
14. Колесниченко, О. В. Налоговое право: учебное пособие / О. В. Колесниченко. — Москва: РИОР, 2025. — 206 с.
15. Петросян, О. Ш. Налоговые преступления: учебное пособие / О. Ш. Петросян, Ю. А. Артемьева. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. — 191 с.
16. Сводные отчеты Министерства внутренних дел России // [Электронный ресурс] URL: [https://mvd.ru.](https://mvd.ru/) (дата обращения: 02.10.2025).

Актуальные проблемы при осуществлении государственных закупок в условиях национального режима

Санджи-Гаряев Владимир Романович, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В данной научной статье рассматривается как объект исследования — осуществление государственных закупок в условиях, подвергнувшегося значительным изменениям за прошедшие годы национального режима. На основе информации из законодательства Российской Федерации о полном или частичном запрете иностранных товаров, работ, услуг и преимуществе для российских в статье проводится глубокий анализ работоспособности законодательных нововведений. Соответственно, результат анализа приближает к достижению цели научной статьи — выявление актуальных возможных проблем в закупках в условиях национального режима. Для настоящего научного исследования используется, преимущественно, теоретический метод анализа нормативно-правовых актов, подкрепляя эмпирическим

методом на основе дополнительного анализа фактических данных о правовой реальности, взятые из судебной практики, практики антимонопольной службы.

Ключевые слова: юриспруденция, государственные закупки, национальный режим.

Государственные закупки в Российской Федерации — это способ обеспечения государственных и муниципальных нужд товарами, услугами и работами. Государство серьезно взялось за контроль и регулирование данной сферы в 2013 году, когда вступил в силу Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе). И в 2025 году не только в Законе о контрактной системе, но и во всем правовом поле, регулирующем национальный режим, произошли значимые изменения вместе вступившим в силу Постановлении Правительства от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Постановление № 1875).

Как было и ранее, национальный режим при осуществлении государственных закупок проявлялся в применении мер, устанавливающих запрет или ограничение закупок товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами, преимуществ в отношении российских товаров, работ, услуг, соответственно выполняемых российскими лицами. Однако исчерпывающий список товаров, работ, услуг (далее — ТРУ), к которым применяются соответствующие меры национального режима, до всех изменений был разрознен по различным постановлениям Правительства, приказам Министерств и т. д. На данный момент же основная масса информации о мерах предоставления национального режима включена в содержание Постановления № 1875.

Так, основным изменением в национальном режиме стало переформирование природы предоставления преимуществ для российских ТРУ. Если до вступления в силу Постановления № 1875 такие преимущества устанавливались для конкретного списка ТРУ, определяемого, к примеру, Приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н, то начиная с 2025 года преимущества для российских ТРУ заказчики обязаны устанавливать при осуществлении всех возможных государственных закупок, и выражается это в снижении ценового предложения участника закупки, предложившего исключительно российские ТРУ, на 15 % среди иных участников, предложивших иностранные ТРУ, при этом заключение государственного контракта производится без учета упомянутого снижения. Важное уточнение, что подтверждением российского происхождения ТРУ в условиях предоставленных преимуществ является только лишь указание в заявке на участие наименования страны происхождения, иными словами, никаких документарных подтверждений, добавляя к описанному,

указание товарного знака, который мог частично или косвенно проинформировать об истинной стране происхождения ТРУ, вовсе не является обязательным для внесения в заявку участника государственных закупок.

Что касается запрета и ограничение для иностранным ТРУ, то Постановлением № 1875 ведется исчерпывающие списки ТРУ, к которым обязательно применение данных мер. Указанные списки ТРУ систематически пополняются, заставляя заказчиков закупать российские ТРУ, однако так ли много товаров производится в России? Запрет для иностранных ТРУ, как и ясно из формулировки, является полностью запрещающей мерой для закупки ТРУ не являющихся российскими, в то же время ограничение предусматривает предложение иностранных ТРУ, однако в случае подачи заявки с предложением о российских ТРУ все иностранные предложения заказчик обязан отклонить. В условиях запрета и ограничения подтвердить страну происхождения уже несколько сложнее, нежели в условии предоставления преимуществ для российских ТРУ. Так, основанием для подтверждения страны происхождения в условиях запрета и ограничения может быть исключительно ТРУ, включенные в соответствующий реестр. Важно упомянуть, что в таких случаях к российскому происхождению приравнивается также происхождение из государств-членов Евразийского экономического союза. Таким образом, перечень реестров выглядит следующим образом:

- реестр российской промышленной продукции;
- реестр российского программного обеспечения;
- евразийский реестр промышленных товаров;
- реестр евразийского программного обеспечения.

Итак, для достижения цели настоящей статьи, а именно выявление актуальных проблем при осуществлении государственных закупок в условиях национального режима, автором изложена теоретическая база в минимальном необходимом объеме для анализа и составления каких-либо результатов исследования. Во-первых, предоставление преимуществ для российских ТРУ, данная мера является неплохим подспорьем в торгах среди участников, так как участник с предложением российских ТРУ имеет возможность снизить ценовое предложение еще больше на 15 %, заключая при этом, в случае определения его победителем, государственный контракт без учета этих 15 %. Однако, так как для того, чтобы указать страну происхождения, участнику необходимо только лишь выбрать страну из списка, не обосновывая это никак и не прикладывая ни одного документа о предлагаемом товаре и его истинном происхождении, а также учитывая, что преимущества для российских товаров предоставляются всегда, когда не используются запрет и ограничение, участники имеют возможность обмануть о стране происхождения.

К примеру, заказчик проводит закупку тумбы офисной, участник предложил подходящую по характеристикам и указал страну происхождения «Россия», однако ни товарного знака, ни одного документа о происхождении тумбы. Согласно Постановлению № 1875 одного указания страны в заявке уже достаточно, соответственно, нет повода отклонять по национальному режиму, доказать что-либо о происхождении предлагаемого товара невозможно. Истинно ли происхождение такой тумбы — неизвестно, однако в торгах такой участник имел преимущество перед другими участниками, предлагавшие иностранные тумбы.

Во-вторых, запрет и ограничение, это довольно серьезные меры национального режима, особенно запрет, при котором предложение иностранных ТРУ вовсе не предусмотрено. Как было ранее описано в настоящей статье, для участия в таких закупках для подтверждения российского происхождения необходимо указать в заявке реестровые номера предлагаемых ТРУ из соответствующих реестров.

Для целей настоящего исследования был взят реестр российской промышленной продукции и поставлен вопрос существует ли способ ввести в заблуждение заказчика о стране происхождения предлагаемого товара. К примеру, государственный заказчик проводит закупку блокнотов размером А4 и количеством листов в 40 штук, к такой закупке устанавливается мера ограничения к поставке иностранных товаров, то есть при наличии предложения российского товара все заявки с предложениями об иностранных товарах отклоняются. На закупку было подано три заявки, два участника предложили китайские блокноты, третий предложил российский, указав реестровый номер из реестра российской промышленной продукции «10401534». Заказчик отклоняет заявки участников с предложениями об иностранных товарах, победителем признает оставшегося, однако, реестровая запись по указанному номеру отсылает на товар с следующим наименованием «Блокноты А4 40 листов», безусловно, исходя из названия товар подходит под описание объекта закупки,

но сможет ли заказчик при приемке данного товара идентифицировать его как товар, зарегистрированный в установленном реестре? Ответ — нет, помимо наименования товара и его производителя, в целом, в реестре отсутствует какая-либо идентифицирующая информация, к примеру, такая как товарный знак, артикул и т. п.

Реестр российской промышленной продукции имеет связь с Государственной информационной системой промышленности (ГИСП), все те товары, которые перечислены в реестре также есть с более подробным описанием в каталоге ГИСП. Может показаться, будто это и есть то, на что можно обратить внимание при приемке, сравнить товар по фото, характеристикам. Однако, вопреки логике, организация, ответственная за работу реестра российской промышленной продукции и ГИСП, Минпромторг России в письме от 04.10.2023 № 106238/12 подчеркнул, что каталог ГИСП носит ознакомительный характер и сведения в нем могут отличаться от информации, внесенной в реестр промышленной продукции, произведенной на территории РФ.

Таким образом, преимущество, запрет и ограничение, как меры стимулирования к производству отечественной продукции, это отличные инструменты, сквозь годы разработок, налаживания процессов, существует вероятность промышленного развития в России, между тем в государственных закупках не стоит забывать, что участниками могут быть, а зачастую ими и являются, лица-посредники между производителем и конечным потребителем. Таким лицам характерна направленность на получение выгоды, ни о каком национальном промышленном развитии и речи быть не может, соответственно, получить преимущества среди других участников закупок при помощи различных ухищрений не является чем-то сверхъестественным в закупочной деятельности, в связи с этим инструменты, введенные государством для стимулирования отечественного производства, используются не так, как задумывалось государством.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
3. Приказ Минфина России от 04.06.2018 № 126н «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
4. «Письмо» Минпромторга России от 04.10.2023 № 106238/12 «О применении Постановлений Правительства РФ от 30.04.2020 № 616 и № 617».

Актуальные правовые проблемы адвокатской деятельности при защите прав потерпевших

Саркисов Геворг Ашотович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются особенности уголовного судопроизводства с акцентом на процессуальный статус адвоката и потерпевшего. Анализируются права потерпевшего и роль адвоката в обеспечении их реализации, а также проблемы и ограничения, возникающие на практике в ходе предварительного следствия. Особое внимание уделяется адвокатскому расследованию как форме защиты прав и интересов участников уголовного процесса. Предлагаются законодательные изменения, направленные на укрепление гарантий прав потерпевших и повышение эффективности их защиты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, адвокат потерпевшего, адвокат, формы адвокатской деятельности, предварительное следствие, проблема удовлетворения ходатайств

Topical legal problems of advocacy in the protection of victims' rights

Sarkisov Gevorg Ashotovich, master's student
Kuban State University (Krasnodar)

This article examines the peculiarities of criminal proceedings with a focus on the procedural status of the attorney and the victim. It analyzes the rights of the victim and the attorney's role in ensuring their enforcement, as well as the challenges and limitations encountered in practice during the preliminary investigation. Special attention is given to attorney-led investigations as a form of protecting the rights and interests of participants in criminal proceedings. Legislative amendments aimed at strengthening the guarantees of victims' rights and enhancing the effectiveness of their protection are proposed. The study highlights the importance of a systemic approach to ensuring justice and increasing public trust in the criminal justice system.

Keywords: criminal proceedings, victim's attorney, attorney, forms of advocacy, preliminary investigation, issue of petition fulfillment.

Уголовное судопроизводство — это сложный и многосторонний механизм, решающий судьбы людей и предопределяющий порой вектор направления всей дальнейшей жизни человека. В ходе уголовного процесса участвует довольно широкий круг субъектов, каждый из которых обладает своим уникальным процессуальным статусом, включающий строго определенные Уголовно-процессуальным Кодексом РФ (далее по тексту — УПК РФ) права и обязанности, очерчивающие роль субъекта в этом механизме и определяющий его действия в ходе осуществления правосудия.

Одним из ключевых участников уголовного судопроизводства является адвокат — лицо, получившее в установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» порядок статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, а также являющееся независимым профессиональным советником по правовым вопросам [1].

Однако стоит отметить и особый статус лица, которое фактически больше всего нуждается в помощи, — потерпевшего. Так согласно положениям УПК РФ, потерпевший — это физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Председатель Следственного Комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отметил, что более 1 тысячи детей погибли от преступлений в 2024 году в России, а почти 17 тысяч человек признаны потерпевшими, при этом криминальные деяния против несовершеннолетних становятся более безнравственными [2].

Исходя из вышеизложенного, мы считаем крайне важной задачей — анализ процессуального статуса адвоката лица, призванного потерпевшим.

Одним из ключевых аспектов работы адвоката является обеспечение реализации процессуальных прав потерпевшего, предусмотренных частью 2 статьи 42 УПК РФ. Эти права включают в себя:

- знать о предъявленном обвиняемому обвинении;
- давать показания;
- отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний;
- представлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;

- пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- иметь представителя;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;
- осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ [3].

Адвокат обязан не только разъяснить потерпевшему его права, но и обеспечить их практическую реализацию на всех стадиях уголовного процесса. Однако именно в данной сфере на практике существует реальная проблема, значительно ограничивающая права потерпевшего и его адвоката.

Особое место среди форм адвокатской деятельности в уголовном процессе занимает адвокатское расследование. Это комплексная форма адвокатской деятельности, включающая в себя собирание, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, имеющих значение для защиты прав и законных интересов потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также других участников уголовного процесса.

На стадии предварительного следствия главную роль играет следователь или дознаватель, который фактически направляет ход расследования уголовного дела в силу полномочий, представленных ему статьями 38 (41) УПК РФ: решает какие следственные и иные процессуальные действия произвести, какие экспертизы будут назначены и какие вопросы для них будут поставлены и т. д. Но самое главное — что будет признано доказательствами по делу, а что нет. И именно в данном аспекте адвокат сталкивается с трудностями, ведь согласно статьям 86 и 119 УПК РФ, потерпевший и его представитель имеют право заявлять ходатайства, а также собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Если рассматривать данный вопрос исходя исключительно с теоретической точки зрения, то никаких проблем в данном механизме не существует: потерпевший и его адвокат собирают доказательства, могут опросить лиц с их согласия, после чего заявляют ходатайство следователю или дознавателю, который справедливо решает удовлетворить данное ходатайство или отказать в удовлетворении. Казалось бы, законодательство четко регулирует данную процедуру, предоставляя каждому участнику обоснованный и разумный круг прав и обязанностей.

Однако фактически на практике большинство ходатайств остаются без удовлетворения, ведь для органов предварительного следствия зачастую просто не вписываются в концепцию следствия и являются «неудобными» сведениями, в следствие чего следователь/дознаватель отказывают в удовлетворении ходатайств по основаниям,

предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, а в первую очередь закрепленным в статьей 38 (41) УПК РФ, которые буквально звучат как «Я следователь (дознаватель), и я так решил». Конечно же, данные решения абсолютно законны и лицо, осуществляющее предварительное следствие имеет полное право на данные действия. Но подобные решения значительно ограничивают и ущемляют права потерпевшего и его адвоката, а также подозреваемых, обвиняемых и иных субъектов.

В соответствии со статьей 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Так при анализе аспектов, изложенных ранее, следует отметить, что необходимо приобщать к материалам уголовного дела любые сведения, которые имеют непосредственное отношение к расследуемому делу, а не только «обвинительного» характера.

Для решения поднятой проблемы следует внести изменения в действующее законодательство. Мы предлагаем два пути решения сложившейся на практике ситуации:

1) Внесение изменений в статьи УПК РФ, в том числе в статью 122 УПК РФ, а именно добавить требование в удовлетворении следователем/дознавателем ходатайств, заявленных потерпевшим или лицом в его интересах. Именно подобное требование позволит потерпевшему в полной мере реализовать свои права и законные интересы, которые были нарушены вследствие совершения преступления.

2) Усиление ответственности за неправомерный и фактически необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства. Так следует усилить прокурорский надзор в данной сфере, а также добавить соответствующий квалифицирующий признак как неправомерный и необоснованный отказ должностного лица в удовлетворении ходатайств и заявлений, повлекший существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, признанных в установленном законом порядке потерпевшими.

Адвокатская деятельность в сфере защиты прав потерпевших является важнейшим элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающим реализацию конституционных прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Несмотря на предусмотренные УПК РФ процессуальные гарантии, на практике существует значительное ограничение прав потерпевших и их представителей вследствие произвольных отказов следователей и дознавателей в удовлетворении ходатайств, что подрывает принципы справедливости и равенства участников процесса.

Институт адвокатского расследования обладает потенциалом для более эффективной защиты интересов потер-

певших, однако его реализация зависит от устранения существующих правовых и организационных препятствий. В связи с этим необходимы изменения в УПК РФ, в том числе совершенствование статей 38, 41 и 122, которые обязали бы следователей и дознавателей мотивированно рассматривать ходатайства потерпевших и их адвокатов, а также введение ответственности за необоснованные от-

казы, что усилит прокурорский надзор и защиту прав потерпевших.

Реализация предложенных мер укрепит доверие к уголовному правосудию, обеспечит полноценное расследование, защиту прав и восстановление справедливости, что имеет важное значение как для теории, так и для практики российского уголовного процесса.

Литература:

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
2. Бастрыкин: в России в 2024 году от преступлений погибли более 1 тыс. детей. ТАСС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/23593397> (дата обращения 10.10.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

К вопросу о понимании сущности и содержания санкций в гражданском праве

Сидорова Мария Федоровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шагвалиев Рустем Минзагитович, доцент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимиряева (КИУ) (г. Казань)

В статье автор исследует сущность и содержание санкций в гражданском праве. Сравнивает такие смежные категории как «санкция» и «ответственность» в гражданском праве и проводит между ними различие. Выявляется значение санкций для гражданского права, а также его характерные признаки. В исследовании автор приходит к своим собственным обоснованным выводам, которые могут быть полезны для дальнейших исследований в области права.

Ключевые слова: гражданское право, гражданско-правовые санкции, гражданская ответственность.

В доктрине права достаточно часто поднимается вопрос о сущности и содержании санкций в гражданском праве. В научной среде до сих пор нет единства, а потому существует плюрализм мнений на этот счет.

По мнению А. А. Дебошева, под санкциями понимается элемент правовой нормы [1, с. 51]. В то время как Ю. Ю. Устиненко трактует санкцию как меру ответственности, разрешение и способ обеспечения [6, с. 135]. Д. В. Зуева определяет санкцию как карательную меру по отношению к лицу, нарушившему установленные правила поведения. Такая мера гарантируется силой государственного принуждения [3, с. 176].

Вышеприведенные позиции видятся нами не совсем корректными. Нами по гражданско-правовой санкцией предлагается понимать правовое средство, в результате применения которого сторона правоотношений имеет возможность защитить свои нарушенные (оспариваемые) права, которые предусмотрены либо законом, либо договором.

То есть такое понимание сводится к тому, что санкции в гражданском праве — это сумма мер ответственности и мер защиты гражданских прав, которые могут быть применены субъектом права.

На наш взгляд, представляется не убедительной позиция авторов, ставящих знак равенства между санкцией

и гражданско-правовой ответственностью. Несмотря на то, что они схожи, но не тождественны.

Дело в том, что на практике лишь часть санкций имеет отношение к ответственности, в то время как другие санкции могут выражать последствия, не связанные с наказанием, такие как восстановление нарушенных прав, возмещение ущерба или другие меры.

Кроме того, необходимо различать санкции, которые выступают в качестве мер ответственности, и те санкции, которые могут быть применены к лицам, не являющимся правонарушителями. Например, различные санкции в гражданском праве могут касаться сторон, не совершивших правонарушений, а направлены на исправление определенных правовых ситуаций.

Значение гражданско-правовой санкции заключается в том, что ее простое наличие уже пресекает совершение противоправных действий и направлено на стимуляцию правопослушного поведения, границы которого очерчены либо в законе, либо в договоре. В таком случае санкция обладает колоссальным значением в правовом регулировании общественных отношений, хотя и не является главным способом правового воздействия на правоотношения [2, с. 226].

С. Г. Кабанов считает, что санкция в гражданском праве обладает сразу несколькими значениям [4, с. 49]:

- она служит способом восстановления в правах потерпевших лиц;
- она призвана компенсировать понесенные потерпевшей стороной неудобства;
- она обеспечивает соблюдение баланса интересов субъектов гражданских правоотношений.

Санкции в гражданском праве могут быть предусмотрены либо в санкции нормы права, которую нарушили, либо в отдельной специальной охранительной норме права. Еще более интересным является возможность сторон гражданско-правового договора закреплять дополнительную ответственность по сравнению с предусмотренной законом, при условии, что она не противоречит закону [7, с. 5]. К примеру, в договоре может быть предусмотрена неустойка за несвоевременную передачу товара, даже если лицо невиновно в несвоевременной передаче. Данное положение направлено на стимулирование сторон к исполнению обязательств в быстрые сроки.

То есть если санкции в уголовном праве в императивном порядке закреплены в тексте закона, то в гражданском праве стороны могут предусмотреть такие санкции, которые не предусмотрены в законодательстве.

Если санкция закрепляется договором, то она имеет ненормативный характер, а необходимость такой возможности обусловлена тем, что законодатель фактически не в силах предусмотреть ответственность во всех возможных случаях. То есть законодатель не может предусмотреть все возможные последствия для нарушения тех или иных правил поведения, а потому предоставляет субъектам права самостоятельно определять последствия в таком случае.

Возможность корректировки норм обусловлена диспозитивной направленностью норм гражданского права. То есть такие нормы не создают никаких препятствий для того, чтобы участники правоотношений регламентировали их отношения «собственными» условиями, в том числе вопросы санкций.

Стоит также отметить, что в гражданском праве санкция не является элементом административного

управления обществом. То есть активация санкций за правонарушения происходит именно тем лицом, чьи права и интересы были нарушены таким поведением. Следовательно, потерпевшая сторона самостоятельно решает нужно ли ему прибегать к средствам защиты своего права и если да, то к каким именно.

По причине того, что гражданское право преимущественно регулирует имущественные отношения, то, соответственно, и санкции носят имущественный характер. Именно в этой связи в научной литературе утверждают, что гражданско-правовые санкции выполняют функцию экономического (имущественного) воздействия на правонарушителя, являясь одним из методов экономического регулирования общественных отношений [5, с. 15].

Анализ гражданского законодательства свидетельствует о том, что в основном нормы права, предусматривающие санкции, не содержат указание на их размер. В основном все ограничивается формулировкой, что «вред подлежит возмещению в полном объеме, если иное не предусмотрено законом или договором». Это положение наиболее ярко отличает гражданско-правовые санкции от санкций уголовного или же административного права, где санкции строго определены, указаны их пределы (либо верхние, либо и верхние, и нижние). Следовательно, в этом и проявляется особенность санкций в гражданском праве: она носит диспозитивный и относительный характер.

Стоит согласиться, что такой подход для гражданского права является более убедительным, так как невозможно себе представить перечень всевозможных правонарушений в гражданском праве с точным определением размера санкций, в противном бы случае текст ГК РФ выдался бы достаточно громоздким, что привело к сложности в ориентировании в данном нормативном акте. Ее конкретизация может осуществляться в тексте договора, а если же этого не произошло, то устанавливается в судебном порядке на основе имеющихся обстоятельств дела с учетом принципов разумности, справедливости и добросовестности.

Литература:

1. Дебошева А. А. Основания гражданско-правовой ответственности за злоупотребление правом // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2020. — № 17. — С. 50–55.
2. Зарипов А. М., Курысь Н. В. Санкции в гражданском праве // Современное право России: проблемы и перспективы. — 2020. — № 2. — С. 226–228.
3. Зуева Д. В. Особенности санкций в гражданском праве // Научные революции: сущность и роль в развитии науки и техники: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 20 января 2022 года. Том Часть 2. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2022. — С. 175–182.
4. Кабанов С. Г. Сущность гражданско-правовых санкций // Новое право. — 2022. — № 1. — С. 48–55.
5. Кархалев Д. Н. Санкции в гражданском праве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2023. — № 2 (60). — С. 14–18.
6. Устиненко Ю. Ю. Понятие и признаки гражданско-правовой санкции // Проблемы Науки. — 2020. — № 7 (37). — С. 135–138.
7. Яковлев В. Ф. О понятии гражданско-правовой санкции // Журнал российского права. — 2024. — № 1 (205). — С. 3–7.

Коррупция в системе государственных закупок: криминологические аспекты и методы противодействия

Сирица Андрей Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Баглай Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

В статье автор исследует криминалистические причины, условия совершения коррупционных преступлений в системе государственных закупок, а также проводит анализ криминалистической характеристики личности преступника. Особое внимание в статье уделено исследованию методов противодействия коррупции в системе государственных закупок.

Ключевые слова: коррупция, государственные закупки, криминологическая характеристика, причины, условия, противодействие.

Преступность как социальное явление включает комплекс детерминант, формирующих траектории противоправного поведения, и коррупционные преступления в системе государственных закупок не исключение.

К условиям, способствующим преступлениям данной группы, относятся обстоятельства экономического и финансового характера, под влиянием которых механизм эффективного распределения и контроля за расходованием бюджетных средств еще не сложился. При наличии огромного числа заключенных государственных контрактов становится возможным безнаказанное совершение преступлений коррупционной направленности, своевременному выявлению которых препятствуют сложившиеся стереотипы правоприменения, связанные с неиспользованием существующих правовых инструментов контроля в сфере закупок. Рассмотрим причины ниже.

1) В первую очередь, экономические причины таких преступлений коренятся в нестабильности национальной экономики, кризисных тенденциях и недостаточной зрелости рыночных институтов, что стимулирует как экономическую, так и коррупционную преступность, включая злоупотребления со стороны чиновников исполнительных органов и надзорных структур.

Итак, среди экономических причин преступлений коррупционной направленности в сфере закупок приоритет заявленной цены над качеством, ограниченные возможности прозрачной проверки товаров, работ и услуг, а также потенциально многосубъектный состав исполнителей играют ключевую роль, стимулируя должностных лиц заказчиков к противоправному извлечению выгоды с использованием служебного положения.

2) Социальные причины. Так, рассматривая социальные причины преступлений коррупционной направленности в сфере закупок, с учетом проявлений, приведенных в корреляционном анализе детерминации коррупционной преступности, можно выделить общие характеристики (порочная система распределения доходов, значительный разрыв в уровне жизни различных социальных групп) и специфические (слабое развитие гражданского общества и низкая востребованность общественного контроля, инструменты кото-

рого подробно урегулированы в Федеральном законе № 44-ФЗ [1]).

3) Что касается политических причин преступлений коррупционной направленности в сфере закупок, стоит отметить, что ряд коррупционных проявлений (фаворитизм, лоббизм, непотизм и др.) не признаны российским уголовным законодательством как самостоятельные формы противоправного поведения. Политическая коррупция уже стала объектом некоторых научных исследований. Можно предположить, что эти проявления затрагивают сферу закупок, поскольку она носит публичный характер, а государственные органы выступают как участниками закупок (уполномоченными выбирать контрагента — коммерческую организацию), так и конечными потребителями их результатов (при закупках для собственных нужд товаров, работ и услуг).

4) Правовые причины. Так, рассматривая правовые причины преступлений коррупционной направленности в сфере закупок, в первую очередь стоит отметить наличие правовой неопределенности, пробелов и несовершенной юридической техники в регулировании конкурсных процедур. Нормы Федерального закона № 44-ФЗ сложны для восприятия и систематизированы в статьях с множеством частей. Подзаконные акты, принятые в их развитие, часто дублируют их, не обеспечивая адекватного понимания правоприменителями. При этом многие положения закона могут быть встроены в противоправные схемы, включая коррупционные. Например, требование детально описывать предмет закупки позволяет представителю заказчика заранее адаптировать техническое задание, чтобы на контракт мог претендовать только определенный поставщик.

Система условий экономического и финансового характера преобладает в правоотношениях, возникающих при распределении бюджетных средств, включая сферу закупок. Эти условия способствуют формированию корыстной мотивации преступного поведения.

Изучение личности преступника является ключевым элементом анализа особенностей противоправного поведения. Проблемы девиантного поведения и формирования личности преступника имеют свою специфику, характеризующую вид преступной деятельности, включая преступления в сфере закупок.

Криминологическая характеристика личности преступника включает в себя следующие личностные особенности [3, с. 116]:

- гендерных и демографических данных (пол, возраст, семейное положение);
- сведений об уровне образования, финансовом статусе (уровне дохода), роде деятельности;
- информации о мотивационных особенностях и основных ценностно-нравственных установках;
- сведений о наличии предыдущих судимостей, об отношении к содеянному (раскаянию) и назначенному наказанию, а также о количестве выявленных эпизодов преступной деятельности.

В целом, криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления коррупционной направленности в сфере закупок, может быть сведена к следующим основным чертам:

1) Преобладание мужчин (84,1 %), с высоким уровнем образования (97,9 % имеют высшее образование), средним возрастом 46,6 лет, семейным положением (75,1 % состоят в браке) и стабильным социальным статусом (должностные лица или руководители коммерческих структур).

2) Мотивационная основа рассматриваемых преступлений — это доминирование корыстных побуждений, гипертрофированных материальных потребностей и толерантности к коррупционным практикам, часто маскируемых под «интересы службы» или «обычную деловую практику».

3) Поведенческие особенности: низкий уровень правосознания, отсутствие предыдущих судимостей (98,6 %), склонность к групповым действиям (27,6 % случаев) и отрицание вины на начальных этапах (48,1 %).

Эти характеристики подчеркивают, что преступники данной категории не являются маргиналами, а представляют собой представителей элиты общества, чье поведение обусловлено системными деформациями в экономике и праве.

Эффективная профилактика нарушений закона в области государственных закупок предполагает внедрение многоуровневых инициатив, ориентированных на своевременное обнаружение и блокирование потенциальных преступлений, предотвращение новых угроз общественной безопасности и сведение к минимуму негативных последствий от уже совершенных актов. Такой подход отражает системный взгляд на проблему, где профилактика выступает как «щит общества» против коррупционных рисков, интегрируя меры на ранних этапах для минимизации ущерба бюджетной системе.

Анализируя криминологические основы профилактики в сфере закупок, отметим, что концепция «профилактического права» в современном контексте достигает зрелости, а антикоррупционное законодательство завершило фазу формирования. В соответствии с частью 2 статьи 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Закон № 182-ФЗ) [2], в России

реализуются общие и индивидуальные направления профилактики. Индивидуальное направление включает специализированные меры в компетенции правоохранительных структур.

Согласно части 1 статьи 15 Закона № 182-ФЗ, общая профилактика направлена на выявление и ликвидацию причин нарушений, а также условий, способствующих или облегчающих их, с акцентом на повышение юридической грамотности населения и развитие правосознания. На основе частей 1 статьи 17 и статьи 18 того же закона, выделяются направления, такие как правовое просвещение и информирование, осуществляемые через образовательные, воспитательные, информационные, организационные и методические инструменты. Общая профилактика фокусируется на устранении причин преступлений и благоприятных условий, способствуя общему благополучию общества.

Общая профилактика традиционно ассоциируется с комплексом мер социального, экономического, политического, правового и культурного характера, направленных на формирование нетерпимости к преступности в обществе и повышение благосостояния. Это реализует антикриминогенный потенциал, способствуя нравственному оздоровлению и сдвигам в моральных ценностях. Положительные изменения возможны только при масштабности, всеобъемлемости, непрерывности, комплексности и взаимосвязи этих мер.

«Репрессивные меры», такие как уголовная или административная ответственность, не обеспечивают полноценного противодействия коррупции в закупках. Вместе с тем, обеспечение компенсации ущерба бюджету от коррупционных преступлений служит эффективной профилактической мерой.

Меры по возмещению ущерба имеют профилактический эффект, снижая негативные воздействия и способствуя общей превенции, поскольку публичное освещение подобных случаев отпугивает от незаконного обогащения. Гражданский контроль в закупках, как криминологический инструмент, доказал эффективность: общественная активность выявляет завышение цен, предпочтения аффилированным лицам, отсутствие реальной необходимости. Даже без уголовных дел, отмена закупок или ответственность заказчиков предотвращают преступления.

Предупреждение преступлений проводится на общесоциальном и специальном уровнях. Специально-криминологические меры воздействуют на криминогенные факторы, применяются адресно к группам лиц или ситуациям, контролируют поведение. Узкий подход ограничивает их устраниением причин и условий.

В специально-криминологическом предупреждении выделяют этапы: выявление причин, лиц, оперативные мероприятия, предотвращение. Но для латентных преступлений нужен адаптированный подход.

Исследовав вопросы предупреждения коррупции в системе государственных закупок, можно определить наиболее оптимальную структуру профилактики в закупках.

— меры против коррупции должностными лицами заказчиков, работниками, менеджерами участников: фото-видеофиксация исполнения; раскрытие конфликтов интересов; просвещение и обучение;

— оптимизация контрактной системы включает в себя: унификацию нормирования; электронные процедуры; устранение избыточных требований; минимизация субъективных критериев; баланс способов определения поставщиков; предквалификацию; дифференциацию эффективности; «электронный магазин».

— усиление контроля и стимулирование добросовестности: расширение субъектов (включая банки); оптимизация проверок; контроль исполнения; реестр добросовестных поставщиков.

— меры по мониторингу коррупции и эффективности, включают в себя: социологические опросы бизнес-сообщества и населения; оценка мер; анализ рисков с публикацией; индикаторы уровня коррупции; изменения в статистике.

Реализация перечисленных мер требует Программы противодействия коррупции. Предложенные меры скратят привилегированных поставщиков; обеспечат экономию бюджета; запретят ненужные закупки (например, аренду премиум-транспорта вместо покупки).

Таким образом, для профилактики таких преступлений необходимы меры по повышению прозрачности закупочных процедур, усилию контроля и формированию антикоррупционной культуры в государственных учреждениях.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 26. — Ст. 3851.
3. Тищенко, Е. В. Криминальная личность и ее основные характеристики в сфере государственных и муниципальных нужд / Е. В. Тищенко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 10. — С. 115–118.

Недействительность сделок в контексте защиты прав потребителей: правовые механизмы и их эффективность

Соколова Алина Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боер Виктор Матвеевич, доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Данная работа посвящена исследованию вопросов, связанных с недействительностью сделок и их влиянием на защиту прав потребителей. В условиях современного рынка, где потребители часто сталкиваются с некачественными товарами и услугами, а также с недобросовестными практиками со стороны продавцов и поставщиков, важность правовой защиты становится особенно актуальной.

В рамках исследования рассматриваются основные правовые механизмы, направленные на защиту потребителей от недействительных сделок, включая нормы гражданского законодательства, а также специальные законы, регулирующие защиту прав потребителей. Анализируются условия, при которых сделки могут быть признаны недействительными, а также процедуры, связанные с оспариванием таких сделок.

Особое внимание уделяется эффективности существующих правовых механизмов, включая судебную практику и роль государственных органов в защите прав потребителей. Исследуются примеры из практики, выявляются основные проблемы и недостатки действующего законодательства, а также предлагаются рекомендации по его совершенствованию.

Работа направлена на формирование более глубокого понимания взаимодействия между правом и защитой потребительских интересов, а также на выявление путей повышения эффективности правовых инструментов в данной сфере.

Ключевые слова: недействительность сделок, защита прав потребителей, правовые механизмы, эффективность правовых механизмов, законодательство о защите прав потребителей, условия недействительности, оспаривание сделок, неправомерные действия, права потребителей, защита интересов потребителей, судебная практика, договорные отношения, возмещение убытков, принципы добросовестности и разумности, классовые иски, административные меры, консультации и правовая помощь, гарантии прав потребителей, информированность потребителей, рекомендации по улучшению законодательства.

В современном обществе, где рынок товаров и услуг постоянно растет и развивается, защита прав потребителей становится одной из ключевых задач правового регулирования. Недействительность сделок представляет собой важный инструмент, позволяющий защитить интересы потребителей, которые могут оказаться в уязвимом положении в результате мошенничества, обмана или неосведомленности о своих правах. Однако, несмотря на существование правовых механизмов, направленных на признание сделок недействительными, эффективность их применения в реальной практике вызывает серьезные вопросы.

Проблема недействительности сделок, предусмотренного статьёй 166–168 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте защиты прав потребителей заключается в том, что многие потребители не обладают достаточными знаниями о своих правах и возможностях, что делает их уязвимыми для недобросовестных практик со стороны продавцов и поставщиков услуг [1]. Часто потребители не осознают, что заключенные ими сделки могут быть признаны недействительными из-за нарушения норм законодательства или условий, ограничивающих их право на защиту.

Недействительные сделки классифицируются на оспоримые и ничтожные [2, с.155]. Оспоримые сделки обретают статус недействительных исключительно на основании судебного решения. В случае, если сделка не была реализована, признание её недействительной является безусловным. Однако, при полном или частичном исполнении сделки, ситуация становится более сложной, что может повлечь за собой имущественные последствия [3, с. 185].

В правоприменительной практике России существует множество примеров, когда сделки признавались недействительными в контексте защиты прав потребителей. Один из ярких примеров — дело, связанное с некачественным оказанием услуг.

В ходе судебного разбирательства между истцом и ответчиком был заключён дистанционный спорный договор займа. Существенных доказательств со стороны ответчика, подтверждающих заключение такого договора, суду представлено не было. Договор, составленный без согласия сторон, может повлечь за собой признание его недействительным, поскольку он заключён без законных оснований, что может служить основанием для оспаривания действительности данной сделки [4]. Благодаря нашему развитому информационному ресурсу мы можем оформлять сделки дистанционно, однако при этом возрастают риски для потребителей, связанные с оформлением сделки, такие как: неточность условий, мошенничество, некорректное заполнение документов и проблемы с безопасностью данных.

В юридической практике существует множество случаев, связанных с признанием сделок недействительными или незаключёнными, однако только суд обладает полномочиями определять данный статус и выносить соответствующее решение [5, с. 11].

В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Пресненским районным судом общей юрисдикции города Москвы по экономическим спорам.

Истец обратилась в суд с иском к ООО МКК «Озон Банк» с просьбой признать договор займа от 07.01.2024 года недействительным и незаключённым.

В поддержку своих требований истец заявила, что не выражала желания заключать данный договор, не подписывала его, не получала денежные средства по этому договору и не распоряжалась ими.

Исследовав письменные доказательства, суд приходит к следующему, руководствуясь п. 1 ст. 807, п. 1 и п. 3 ст. 812, ст. 808. Согласно материалам дела, 7 января 2024 года истец подписал договор займа с ООО МКК «Озон Банк» на определенную сумму.

ООО МКК «Озон Банк» — это микрофинансовая организация, которая выдает займы через специальную электронную систему, где заемщики могут работать в своем личном кабинете.

Заключение и выполнение договора займа, а также действия заемщика в личном кабинете подтверждаются его электронной подписью. Для этого заемщик вводит свои данные и коды, которые получает в SMS на номер телефона, который он указал при получении займа.

Информация о создании и подписании документов электронной подписью, а также данные о заемщике и его телефоне хранятся в специальном файле, где фиксируется его активность в системе.

По словам истца, она не давала согласие на сделку, не оформляла заявки на займы, не подтверждала и не подписывала договор, а также не получала деньги. Для того, чтобы отношения можно было считать заемными, в договоре займа или расписке заемщика должно быть четко указано, что заимодавец передает заемщику определенную сумму денег. Чтобы решить спор до суда, истец отправил претензию в ООО МКК «Озон Банк» с просьбой отменить спорный договор займа. Однако в ответе от 28 февраля 2024 года № 385/10 ответчик отказался удовлетворить эту претензию.

В ответе на запрос суда сказано, что Федеральная налоговая служба (ФНС) не имеет информации о наличии у истца карты № 2200300135205118.

Согласно постановлению о начале уголовного дела, с 6 по 7 января 2024 года неизвестный человек в неизвестном месте получил несанкционированный доступ к защищенной информации на сайте «Госуслуги», принадлежащей истцу, из-за чего доступ к этой информации был заблокирован.

Ответчик не предоставил доказательства того, что идентификация истца была проведена правильно, а также не представил никаких приемлемых доказательств того, что был заключен договор займа в письменной форме, подписанный обеими сторонами. Также нет доказательств того, что истцу были переданы деньги по этому договору.

Согласно требованиям закона и разъяснениям Верховного Суда, можно сделать вывод, что ответчик действовал

недобросовестно, оформляя заем на имя истца и переводя деньги. Действия ответчика не соответствуют разумным и добросовестным стандартам, и у истца не было желания заключать этот договор [6].

В связи с этим, договор займа от имени истца с ООО МКК «Озон Банк» следует считать незаключенным, поэтому требования истца в этом вопросе являются обоснованными и должны быть удовлетворены.

Правовые механизмы недействительности сделок являются важным инструментом защиты прав потребителей. Однако их эффективность зависит от ряда факторов, включая доступность правовой помощи, оперативность судебных разбирательств и готовность участников рынка соблюдать закон. Улучшение этих аспектов может значительно повысить защиту прав потребителей и доверие к рыночным отношениям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что недействительность сделок представляет собой важный правовой инструмент, который играет ключевую роль в защите прав потребителей. В условиях современного рынка, где потребители сталкиваются с разнообразными рисками и угрозами, связанными с недобросовестными практиками со стороны продавцов и поставщиков услуг, механизмы признания сделок недействительными становятся необходимым элементом правовой системы.

Признание сделки недействительной может быть основано на различных юридических основаниях, таких как нарушение законодательства, отсутствие согласия сторон или несоответствие форме сделки. Эти основания служат защитным барьером для потребителей, позволяя им оспаривать невыгодные или незаконные соглашения. Однако, несмотря на наличие этих механизмов, их реальная эффективность зависит от множества факторов.

Во-первых, доступность правовой помощи является критически важным аспектом. Потребители должны иметь возможность получить квалифицированную юридическую консультацию и поддержку для успешного оспаривания сделок. Без такой правовой осведомленности и ресурсов многие потребители могут оказаться в безвыходной ситуации, не зная о своих правах или способах их защиты.

Во-вторых, оперативность судебных разбирательств играет значительную роль в эффективности правовых механизмов. Затяжные процессы могут не только усугубить

финансовые потери потребителей, но и снизить их доверие к правосудию. Поэтому важно, чтобы судебная система была настроена на быстрое и справедливое разрешение споров [7].

В-третьих, готовность участников рынка соблюдать законодательство также влияет на защиту прав потребителей. Необходимо создание эффективного контроля со стороны государственных органов, а также повышение ответственности за нарушения. Это поможет создать более безопасную рыночную среду и снизить количество случаев недобросовестных практик.

Для улучшения правовых механизмов недействительности сделок можно рассмотреть внедрение образовательных программ для потребителей, упрощение процедур подачи исков и развитие альтернативных методов разрешения споров, таких как медиация. Эти меры помогут повысить уровень правовой осведомленности и доступности защиты прав потребителей.

Таким образом, недействительность сделок как правовой механизм имеет огромный потенциал для защиты прав потребителей. Однако для его эффективного функционирования необходимо комплексное взаимодействие всех участников — государства, юридических структур и самих потребителей. Только совместными усилиями можно создать справедливую и безопасную рыночную среду, в которой права потребителей будут надежно защищены.

Для улучшения защиты прав потребителей в рамках гражданского законодательства можно предложить ряд изменений и внедрений новых нормативно-правовых актов, регламентирующих упрощение процедуры признания сделок недействительными, изменение мер уже-сточения ответственности за нарушение прав потребителей и расширение оснований для признания сделок недействительными. Также предлагается внести изменения в статью 178 Гражданского кодекса, добавив упрощение процедуры оспаривания сделки, уточнение понятия «существенное заблуждение» и увеличение срока для оспаривания сделки. Внедрение предложенных улучшений в статью 178 Гражданского кодекса РФ позволит повысить уровень защиты прав сторон при совершении сделок и снизить количество случаев злоупотребления со стороны более сильной стороны. Это создаст более справедливую и прозрачную рыночную среду.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
- Андреев И. А. Гражданское право: учебник / [И. А. Андреев и др.]; под общ. ред. И. А. Степанова; Ин-т частного права. Т. 2. — Москва // Проспект. — 2014. — С. 150–160.
- Киселёв А. А. Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий. Монография / под ред. В. А. Рыбакова. М.: Юрист. — 2004. — С. 180–195.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 17 «О применении судами законодательства о защите прав потребителей»: [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, 16.10.2025.

5. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Н. В. Рабинович. Л., ЛГУ. — 1960. — С. 11–12.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2010 года № 91 «О некоторых вопросах практики применения судами законодательства о защите прав потребителей»: [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>, 16.10.2025.
7. Былинкина Е. Е. Признание сделки недействительной и (или) применение последствий недействительности сделки как способы защиты гражданских // Вестник научных конференций. — 2017. — № 10–4 (26). — С. 19–20.

К вопросу об учёте некоторых смягчающих обстоятельств при назначении уголовного наказания

Соколовская Екатерина Федоровна, студент

Научный руководитель: Писаревская Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье исследуются некоторые обстоятельства, которые смягчают уголовное наказание, анализируются их перечень и содержание.

Ключевые слова: ответственность, смягчающее обстоятельство, уголовное наказание, назначение наказания

На сегодняшний день уголовное право в Российской Федерации построено на индивидуальном подходе назначения наказания виновному. Если вина подсудимого установлена, суд назначает наказание в рамках санкций, предусмотренных УК РФ. Санкция назначается с учетом индивидуальных особенностей каждого совершенного деяния и личности субъекта преступления.

Смягчающие обстоятельства в российском уголовном праве можно определить, как обстоятельства, относящиеся к преступлению и (или) к личности виновного, существенно смягчающие уголовно-правовое обременение лица, совершившего преступление. Рассмотрим некоторые обстоятельства, которые смягчают назначенное наказание и связаны с личностью виновного и его мотивацией.

На момент совершения преступления обвиняемое лицо является несовершеннолетним (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Несовершеннолетнее лицо, как правило, из-за особенностей физического и психического развития де-факто не обладает твердыми убеждениями и взглядами, а также способно «попасть» под влияние более агрессивно настроенных третьих лиц или взрослых участников преступной группы. Законодатель, предвидя возможные противоречия в судебной практике, закрепил данное смягчающее обстоятельство, независимо от тяжести совершённого преступления.

Беременность виновной (регулируется п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Названное обстоятельство признается смягчающим из-за того, что виновная во время беременности имеет особенности эмоционального и физического состояния, такие как повышенная восприимчивость к стрессу (неуравновешенность и так далее), физический дискомфорт, который может заключаться в постоянной усталости и других симптомов беременности, и частом изменение настроения женщины. Необходимо также, чтобы назначенное наказание не создавало угрозы для нормаль-

ного протекания беременности и будущего материнства виновной.

Отмечается, что суд праве учитывать данное обстоятельство как смягчающее, только при наличии совершения преступления непосредственно во время беременности, полагая, что в других случаях, например, как наступление беременности после совершения преступления лишает суд возможности учесть п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ при назначении наказания [1, С.17]. По нашему мнению, позиция автора противоречит действующему законодательству. Прежде всего, обстоятельство признано смягчающим, исходя из принципов гуманизма, что продиктовано заботой о ребенке и самой виновной, являющейся будущей матерью. В этой связи данное обстоятельство подлежит учету независимо от наличия причинной связи между беременностью и преступлением, вида совершенного преступления, срока беременности.

Наличие у виновного малолетних детей (регулируется п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В соответствии с законодательством Российской Федерации малолетним ребенком признается лицо, которое не достигло четырнадцатилетнего возраста. Наличие малолетних детей у виновного не свидетельствует об автоматическом признании данного обстоятельства смягчающим и не может быть признано судом по умолчанию, поскольку виновный должен не только юридически, но и фактически выполнять обязанности родителя (участвовать в материальном содержании и воспитании ребёнка), а также реализовывать социально-нравственную и воспитательную функцию в отношении своих малолетних детей. Так, например, несмотря на то, что в данном случае виновный имел одного малолетнего ребёнка, суд не имел возможности учесть и применить смягчающее обстоятельство при назначении наказания, поскольку виновный подтверждает, что участия в матери-

альном содержании и воспитании ребёнка не принимает, общение с ребёнком не поддерживает, а также уклоняется от выплаты алиментов — на момент вынесения приговора задолженность по алиментам составила 800 000 рублей [2].

Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания (регулируется п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Данное обстоятельство может быть признано смягчающим, при совершении общественно-опасного деяния вызванное указанным обстоятельством. Например, в случае кражи чужого имущества ст. 158 УК РФ в силу тяжёлых жизненных обстоятельств (к примеру, сокращения на работе и острой нехватки денежных средств на существование, а также отсутствия средств на приобретения продуктов питания для поддержания жизнедеятельности). Кроме того, судебная практика учета мотива сострадания предполагает объективную причину совершения преступления из жалости к жертве, а также сочувствия к потерпевшему. К примеру, эвтаназия (введение в виде несовместимой с жизнью нормы лекарства) тяжелобольного человека по его просьбе, то есть заранее предполагаемый исход событий для обвиняемого — убийство больного. Однако следует отметить, что до сих пор не выработана единая практика

применения и учёта смягчающего обстоятельства при совершении преступления по мотиву сострадания.

Следует отметить, что наказание является одним из ключевых инструментов в борьбе с преступностью, и его применение должно быть обоснованным и ограниченным рамками, необходимыми для достижения целей и задач правосудия. Однако, анализ судебной практики позволил выявить ряд проблемных вопросов, связанных с применением обстоятельств, смягчающих наказание. В частности, необходимо определить, как суд должен учитывать смягчающие обстоятельства при выборе срока или размера наказания. Важно установить, какое из обстоятельств играет решающую роль в определении вида и размера наказания, и какие факторы следует учитывать в первую очередь.

Таким образом, считаем необходимым оптимизировать систему назначения уголовного наказания, чтобы суды в своей практике единообразно учитывали смягчающие обстоятельства, предусмотренные законом. В связи с этим необходимо разработать и внедрить рейтинговую таблицу, в которой каждое смягчающее обстоятельство будет иметь свой вес, основанный на статистических данных о его влиянии на рецидив преступлений, социальную реабилитацию виновного и другие аспекты.

Литература:

1. Серков П. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства как средства обеспечения индивидуализации наказания: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). — Москва, 2003. — 27 с.
2. Приговор Калининского районного суда Тверской области от 19.02.2021 по делу № 1-19/2021 (1-208/2020;). URL: <https://actofact.ru/case-69RS0037-1-19-2021-1-208-2020-2020-10-15-2-0/> (дата обращения 10.01.2025).

Институт подсудности в цивилистическом процессе: современные вызовы и тенденции развития

Солодовникова София Владимировна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается ряд актуальных вопросов о подсудности в цивилистическом процессе. На примере некоторых актуальных постановлений Верховного суда РФ показано, что некоторые нюансы в определении территориальной подсудности, подведомственности и исключительной подсудности приобретают важный характер, и ошибки в них могут приводить к отмене судебных актов.

Ключевые слова: подсудность, территориальная подсудность, исключительная подсудность, подведомственность, гражданский процесс, арбитражный процесс.

The institution of jurisdiction in the civil procedure: modern challenges and development trends

Solodovnikova Sofia Vladimirovna, master's student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article examines a number of pressing issues of jurisdiction in civil procedure. Using recent rulings of the Supreme Court of the Russian Federation as examples, it is shown that certain nuances in determining territorial jurisdiction, subject-matter jurisdiction, and exclusive jurisdiction acquire significant importance, and mistakes in this area may lead to the annulment of judicial acts.

Keywords: jurisdiction, territorial jurisdiction, exclusive jurisdiction, subject-matter jurisdiction, civil procedure, arbitration procedure.

Институт подсудности в настоящее время занимает ключевое место в системе гражданского процессуального права, он определяет компетенцию конкретного суда по отношению к спору и порядок распределения дел между органами судебной власти [1, с. 268]. Верное установление подсудности значимо для эффективной защиты нарушенных прав и обеспечения доступа к правосудию с соблюдением баланса прав сторон [2, с. 96].

Подсудность как один из самых значимых институтов процессуального права находит свое отражение в современной судебной практике и свидетельствует о роли института подсудности [3, с. 176]. Цифровизация правосудия, расширение практики рассмотрения дел в форме онлайн-заседание, интеграция систем ГАС «Правосудие» и Мой Арбитр на нынешнем этапе развития судопроизводства на всех его стадиях после пандемии COVID-19 вновь поднимают вопросы привязки рассмотрения дел [4, с. 95]. Наряду с этим сохраняются и традиционные проблемы как коллизии в определении компетенции судами и злоупотребления правом при выборе договорной подсудности [5, с. 110].

В мае 2025 Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов по делу № 18-КГ25-72-К4 о защите чести, достоинства и деловой репутации между двумя известными предпринимателями, указав на существенное нарушение правил территориальной подсудности. Постановление Верховного суда по этому делу не касается существа спора как такового, а концентрируется в основном только на процессуальных нарушениях [6, с. 104]. Спор в первой инстанции рассматривался в Усть-Лабинском районном суде Краснодарского края, но Верховный Суд подчеркнул, что иск должен был быть подан по месту жительства ответчика в Реутовском городском суде Московской области. Таким образом кассационная жалоба ответчика была удовлетворена, решения нижестоящих инстанций отменены, а дело направлено на новое рассмотрение. Важно отметить, что в судебной практике нарушения правил подсудности встречаются достаточно часто, при этом разрешение таких вопросов не всегда однозначны. Нередко стороны оспаривают не сколько территориальную подсудность, сколько саму компетенцию конкретного суда на рассмотрение спора, отказываясь признавать его полномочия на рассмотрение дела вплоть до стадии кассационного пересмотра. В этом деле ответчик еще на стадии первой инстанции указывал на нарушение правил подсудности, но приведенные им доводы остались без внимания суда. Подобные ситуации становятся возможными вследствие недостаточного внимания к определению компетенции конкретного суда на рассмотрение спора [6, с. 108]. Вышеуказанное дело примечательно также из-за высокого общественного внимания к нему из-за публичного статуса лиц, участвующих

в нем, что не могло не привлечь внимания профессионального сообщества к проблемам правильного определения подсудности. В конечном итоге нарушение правил подсудности привело к отмене решений и новому витку пересмотра, а Верховный суд показал, что вопросы подсудности не должны рассматриваться формально и такие ошибки подлежат устраниению как существенные.

Однако само по себе нарушение правил подсудности не относится к безусловным основаниям для отмены судебных актов по ст. 330 ГПК. Именно по этой причине не в каждом конкретном случае жалобу передадут на рассмотрение коллегии Верховного суда, так как судья при разрешении вопроса о передаче обращает внимание на существенные нарушения, а не любые. Этим решением Верховный суд напоминает, что правила территориальной подсудности имеют императивный характер и не могут быть проигнорированы. Нарушение территориальной подсудности означает, что дело рассматривал суд, не обладающий надлежащими полномочиями для его рассмотрения, а значит, нарушено право ответчика на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, так фактически предупреждается практика *forum shopping*, то есть ситуации, когда истец намеренно избирает удобный для себя суд при подаче искового заявления, намеренно игнорируя императивные правила территориальной подсудности.

Внимание в современном понимании подсудности привлекло дело А65-37995/2023 по исковому заявлению общества «Полимертранс» к органам исполнительной власти в сфере автодорожного надзора, которое рассматривалось арбитражными судами и пересмотренное Верховным Судом РФ в 2025 году. Суть спора заключалась в привлечении организации к административной ответственности за перевозку с превышением допустимой массы и важно, что иск был направлен в арбитражный суд. Арбитражные суды первой и апелляционной признали факт нарушения и смягчили административную санкцию, а первая кассационная инстанция засилила решения. При этом суды всех нижестоящих инстанций исходили из предположения об обладании компетенцией рассматривать этот спор. Верховный суд не поддержал данное предположение и указал, что дело не подведомственно арбитражным судам в целом, а должно рассматриваться судом общей юрисдикции в том порядке, который установлен КоАП РФ.

Таким образом, арбитражные суды трех инстанций вовсе не обладали компетенцией рассматривать спор и принятые ими решения не могут считаться законными и обоснованными вследствие нарушения правил подведомственности [7, с. 42]. Верховный Суд подчеркнул, что такое нарушение правил подведомственности является существенным процессуальным нарушением, которое

влечет отмену судебных актов, хоть и не безусловную, даже если по существу спор был разрешен правильно. Примечательность состоит в том, что ошибка была допущена не только на стадии рассмотрения дела в первой инстанции, но и воспроизведена судами апелляционной и кассационной инстанций, что свидетельствует о системности. Верховный суд фактически указал на важность строгого подхода к разграничению компетенций между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, игнорирование этих вопросов подрывает процессуальные принципы [8, с. 12].

Вышеуказанное дело иллюстрирует, что ошибки при определении подведомственности могут иметь далеко идущие последствия, вплоть до отмены судебных решений во второй кассации. Здесь важно подчеркнуть логику, которая исходит из того, что институт подведомственности является основополагающим и выполняет функцию разграничения судебной власти и служит гарантией правильного применения материального и процессуального права. Если дело рассматривается неуполномоченным судом, то нарушается принцип законности и его решение не может считаться правосудным.

Примечательность дела заключается еще и в том, что ошибка была далее воспроизведена вышестоящими инстанциями. Даже суды иногда допускают подмену категорий, то есть подменяют вопрос подведомственности и вместо ответа на вопрос к какой системе судов подлежит рассмотрению спор, подменяют его вопросом территориальной подсудности, то есть каким именно судом внутри определенной системы судов должен рассматриваться этот спор. Верховный суд фактически провел коррекцию практики, подчеркнув, что разграничение компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции должно быть четким и определенным.

Обращает на себя внимание также дело № А32-64821/2023 по иску ООО «Ставропольский пляжный корпус» к Министерству имущественных отношений Ставропольского края. Арендатор оспаривал отказ министерства заключить договор купли-продажи здания, которое располагается в г. Сочи, Краснодарский край. В первой инстанции дело рассматривалось в Арбитражном суде Краснодарского края по месту нахождения этого имущества. Нижестоящие суды признали требования обоснованными, и при этом указали на применение исключительной подсудности дела по месту нахождения недвижимости.

Коллегия Верховного Суда по экономическим спорам обратила особое внимание, что предметом спора является не само право на недвижимое имущество. Истцом было подано исковое заявление об оспаривании акта органа государственной власти, поэтому исключительная подсудность никак не может применяться к данному спору. Дело же должно быть рассмотрено по месту нахождения ответчика в Арбитражном суде Ставропольского края, и именно этот факт повлек за собой отмену решений нижестоящих судов и направление дела на новое рассмотрение, так спор был рассмотрен неуполномоченным на

это судом. Более того, абзацем 4 пункта 9 Постановления Пленума Верховного суда № 46 от 23.12.2021 уже было ранее разъяснено, что правила исключительной подсудности не применяются к делам об оспаривании актов, решений, действий государственных органов и учреждений, принимаемых в связи с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество. Доводы заявителя истцом искового заявления к исключительной подсудности не относятся, и их должен рассматривать арбитражный суд иного субъекта РФ.

Под исключительной подсудностью понимается правило императивного отклонения от общего правила подсудности, при котором спор подлежит рассмотрению строго определенным судом в независимости от других обстоятельств. В цивилистическом процессе она закреплена для исковых требований о правах на недвижимое имущество, ведь такие иски предъявляются по месту нахождения этого имущества. Исключительная подсудность обеспечивает предсказуемость и понятность выбора суда, а еще концентрирует доказательства там, где находится объект недвижимости. Ключом к корректному применению этих норм является квалификация предмета иска. Верховный суд последовательно исходит из того, что правила об исключительной подсудности к недвижимому имуществу применимы, когда спор является именно вещно-правовым и затрагивает возникновение, признание, изменение, прекращение вещного права на объект либо прямо влечет внесение, изменение и исключение записи в реестре недвижимости. Когда же спор имеет публично-правовую природу и не направлен непосредственно на разрешение вещно-правового спора, то расширительно толковать правила исключительной подсудности нельзя. Тем самым Верховный суд подтвердил, что исключительная подсудность носит строго специальный характер и не подлежит расширительному толкованию, а квалификация спора определяется не фактом упоминания недвижимости, но юридической природой требований и прямыми процессуальными последствиями для вещных прав.

Анализ судебной практики о подсудности демонстрирует некоторые нюансы этого правового института и его значение для цивилистического процесса. Эти примеры показывают, что подсудность не выступает вспомогательным инструментом, а является гарантейным механизмом, который обеспечивает реализацию прав сторон.

Каждое дело иллюстрирует отдельные аспекты проблемы. Будь то нарушение правил территориальной подсудности, которое может стать существенной процессуальной ошибкой и повлечь отмену вынесенных судебных постановлений. Или ошибка в разграничении подведомственности, которая носит еще более тяжелый характер, так как охватывает основополагающий институт процессуального права и ставит под вопрос саму юрисдикцию. Наконец, третий спор выявляет границы правил исключительной подсудности, которые не могут распространяться на все дела, связанные с недвижимостью, а требуют четкой привязки к вещно-правовому характеру спора.

Сопоставление этих дел позволяет выявить общую тенденцию в современной правоприменительной практике [9, с. 60]. Институт подсудности не подлежит формальному или расширительному толкованию, а должен применяться строго в соответствии с законом о разграничении компетенций между судами. Именно в этом заключается системообразующее значение этого правового института для цивилистического процесса и отклонение от этих границ повлекут за собой основополагающие угрозы [2, с. 100].

Правоприменительная практика сегодня последовательно исходит из того, что нарушения правил подсудности обладают существенным характером и неизбежно влекут пропорциональные последствия в виде отмены судебных актов и пересмотра дел вне зависимости от правильности разрешения содержащихся споров по существу. Институт подсудности сохраняет статус ключевого элемента, требующего внимания со стороны как судов, так и сторон, участвующих в деле, и в будущем этот институт также сохранит свое процессуальное значение в системе права.

Литература:

1. Ефимова Ю. В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве // Вестник СГЮА. — 2019. — № 4 (129). — С. 268. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-podsudnosti-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 03.12.2023).
2. Голованов Н. М. К вопросу о соотношении понятий «подведомственность», «подсудность», «компетенция» в регламентации гражданского и арбитражного процессов / Н. М. Голованов // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 20 ноября 2023 года. — Москва: Алеф, 2023. — С. 95–102. — EDN OWVSMS.
3. Коршакова К. В., Шкурай Т. А. Институт подсудности гражданских дел: современное состояние и проблемы. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-podsudnosti-grazhdanskih-del-sovremennoe-sostoyanie-i-problemy/viewer> (дата обращения: 16.06.2023).
4. Кузнецов Д. А. Порядок разрешения вопросов о родовой подсудности и последствия несоблюдения правил о подсудности с учетом правоприменительной практики / Д. А. Кузнецов // Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 мая 2024 года. — Москва: Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, 2024. — С. 94–98. — EDN DXJBAE.
5. Тимофеев В. В. Арбитражная подсудность: вопросы определения подсудности / В. В. Тимофеев // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей XI Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 20 января 2018 года. Ч. 2. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. — С. 109–113. — EDN YQMRUN.
6. Хлюстов П. В. Спор о правах на недвижимое имущество: проблемы территориальной подсудности // Закон. — 2014. — № 1. — С. 104–109.
7. Анохин В. С. Подсудность и подведомственность судебных дел судам Российской Федерации // Российская юстиция. — 2014. — № 4. — С. 42–44.
8. Мещерякова А. Ф., Сизов В. А. Актуальные вопросы отнесения дел к подведомственности и подсудности арбитражных судов // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 11. — С. 12.
9. Краузе А. В. Проблемы определения родовой подсудности в гражданском процессе между мировыми судьями и районными судами // Студенческий вестник. — 2020. — № 7–1 (105). — С. 60. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42525686> (дата обращения: 03.12.2023). — Режим доступа: по подписке.

К вопросу о новых правовых механизмах охраны и обеспечения рационального использования земельных участков из состава земель населенных пунктов

Стародубцев Евгений Эдуардович, студент;

Генин Владислав Николаевич, студент

Научный руководитель: Плотникова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной работе рассматривается правовой механизм охраны и обеспечения рационального использования земельных участков из состава земель населенных пунктов, установленный положениями статьи 85.1 ЗК РФ, анализируется необходимость и эффективность наличия данных механизмов в системе земельных и природоохранительных правоотношений.

Ключевые слова: охрана и рациональное использование земли, земельные участки из состава земель населенных пунктов, освоение земельного участка, признаки неиспользования земельного участка.

Анализ последних изменений земельного законодательства позволяет выявить особенности охраны и обеспечения рационального использования земель не только сельскохозяйственного назначения, но и населенных пунктов. Об этом свидетельствует введение с «01» марта 2025 года в действие ст. 85.1 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), устанавливающей систему императивных предписаний для правообладателей по обязательному освоению земельных участков из земель населенных пунктов в трехгодичный срок [1]. Первостепенной целью данных норм, следует из анализа пояснительной записки к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], выступает законодательное обеспечение приоритета рационального использования и сохранения земель населенных пунктов [2].

Первого сентября 2025 года вступило в силу Постановление Правительства РФ от 31 мая 2025 года № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков» (далее — Постановление Правительства РФ № 826), принятое во исполнение положений п. 5 ст. 85.1 ЗК РФ [3]. Данный подзаконный акт установил правовые положения, определяющие признаки неиспользования отдельных земельных участков из состава земель населенных пунктов. На информационно-правовых порталах отмечается, что неисполнение установленных Постановлением Правительства РФ № 826 «требований послужит основанием для штрафа по ч. 3 ст. 8.8 КоАП, а также для принудительного изъятия участка (ст. 284 Гражданского кодекса Российской Федерации [7] (далее — ГК РФ), ст. 45 ЗК РФ)» [4]. Представляется необходимым доктринальное осмысление установленных данным нормативными актами системы правовых положений как в системе отраслевого института охраны земли, так и в контексте эффективности обеспечения рационального использования земли и ее сохранения как важнейшего компонента окружающей среды и природного ресурса.

Очевидно, что правовые положения, установленные ст. 85.1 ЗК РФ и Постановлением Правительства РФ № 826, должны были стать неотъемлемым и органичным элементом правовой базы организации охраны земель, первостепенно включающей в себя:

- нормативные положения Конституции Российской Федерации, определяющие охрану земли и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов России основой конституционного строя [5];

- отдельные положения ЗК РФ, устанавливающие одним из принципов организации земельных отношений

в Российской Федерации приоритет охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды перед ее использованием в качестве недвижимого имущества (пп. 2 п. 1 ст. 1 ЗК РФ), природоохранительные обязанности и земельно-правовую ответственность собственников земли, землепользователей и других участников земельных отношений (ст. 42, отдельные положения главы VII ЗК РФ); ключевые направления природоохранительной и контрольной деятельности органов публичной власти (ст. ст. 9, 10, 11 ЗК РФ); систему предотвращающих и ликвидирующих деградацию земель мероприятий (ст. 13 ЗК РФ) и др.;

- частные положения гражданского законодательства, устанавливающие отдельные меры ответственности участников земельно-правовых отношений за нарушений требований земельного законодательства о законном пользовании землей как природным ресурсом — изъятие земельного участка, не используемого по целевому назначению либо используемого с нарушением законодательства РФ (ст. ст. 284–287 ГК РФ));

- положения иных законодательных и подзаконный нормативных актов.

Так, ст. 85.1 ЗК РФ устанавливает положения, обязывающие правообладателей земельных участков из земель населенных пунктов приступить со дня приобретения права на данный земельный участок к его использованию либо же при необходимости приступить к выполнению одного или нескольких мероприятий по приведению земельного участка в состояние, пригодное для его использования в соответствии с его целевым назначением — т. е. освоить земельный участок в течение трех лет по общему правилу. Признаками неисполнения правообладателями земельных участков из земель населенных пунктов в соответствии с ч. 5 ст. 85.1 ЗК РФ установлены Постановлением Правительства РФ № 826.

К таковым вышеуказанный подзаконный акт относит:

- захламление более чем 50 процентов площади земельного участка предметами, не связанными с его использованием в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, или загрязнение указанной площади земельного участка отходами производства и потребления, в том числе твердыми коммунальными отходами;

- отсутствие на земельном участке, предназначенном для индивидуального жилищного строительства, в течение 7 и более лет индивидуального жилого дома, право на который зарегистрировано в соответствии с законом, за исключением случаев, если судом установлено, что правообладатель земельного участка не смог завершить строительство индивидуального жилого дома в связи с действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления или лиц, осуществляя-

ющих эксплуатацию сетей инженерно-технического обеспечения, к которым должен быть подключен (технологически присоединен) индивидуальный жилой дом;

— наличие на земельном участке не являющихся самовольными постройками зданий, сооружений, у которых в совокупности разрушены крыша, стены, отсутствуют окна или стекла на окнах, при условии что правообладатель земельного участка не приступил к выполнению работ по устранению указанных обстоятельств в течение одного года и более со дня их выявления, за исключением случаев, когда такие объекты капитального строительства признаны аварийными и подлежащими сносу или реконструкции [6].

По смыслу взаимосвязанных положений ст. 85.1 ЗК РФ и Постановления Правительства РФ № 826, невыполнение правообладателями требований по освоению и обеспечению рационального использования земельных участков из земель населенных пунктов, образующее соответствующие признаки неиспользования, должно стать основанием применения к соответствующим субъектам земельных отношений различных мер ответственности как административной (по ч. 3 ст. 8.8 Кодекса об административных нарушениях РФ (далее — КоАП РФ)), так и иных негативных последствий, состоящих в принудительном прекращении прав (в том числе и права собственности) на данные земельные участки (ст. 45 ЗК РФ, ст. 284 ГК РФ) [7]. Вопрос эффективности данной правовой «конструкции» требует особо внимательного формально-юридического анализа с точки зрения обеспечения рационального использования и охраны земель из состава населенных пунктов как объекта окружающей среды.

Следует отметить о том, что установленные ст. 85.1 ЗК РФ положения являются эффективным и крайне необходимым механизмом разрешения отдельных природоохранных задач земельного и экологического за-

конодательства. Правовая конструкция, определенная взаимосвязанными положениями частей 1–4 ст. 85.1 ЗК РФ, предусматривающая обязанность по незамедлительному началу использования земельного участка из земель населенных пунктов, а при необходимости — по приведению земельного участка в состояние, пригодное для его использования в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием (т. е. его освоению) в краткие, но объективно достаточные для того сроки, несомненно, позитивным образом должна обеспечить рациональное использования земли как природного ресурса. Данные нормы впервые конкретизировали действия правообладателей относительно земель из состава населенных пунктов по их своевременному и оперативному приведению в надлежащее состояние.

Кроме этого правовая норма ч. 5 ст. 85.1 ЗК РФ учреждает охранный механизм, который во взаимосвязи с положениями Постановления Правительства РФ № 826, ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ, ст. 42 ЗК РФ и ст. 284 ГК РФ позволяет определить неправомерность поведения правообладателя земельного участка из состава земель населенных пунктов в части несоблюдения требований по его рациональному использованию, оперативно применить к нему соответствующие меры административной ответственности и изъять из него индивидуального, противоправного использования.

Таким образом, в настоящее время земельное законодательство Российской Федерации содержит в системе правового регулирования нормативные конструкции и механизмы, действительно способные при их адекватном применении и реализации правоприменителем обеспечить рациональное использование земельных участков из состава земель населенных пунктов как важнейшего природного ресурса от дляящихся негативно влияющих действий и бездействий правообладателей.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, N 44, ст. 4147.
2. Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 23 Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/634000-8#bh_note (дата обращения: 21.09.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 826 «Об установлении признаков неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506947/ (дата обращения: 21.09.2025).
4. Критерии неиспользуемых земельных участков установило Правительство РФ | Новости: ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1820470/> (дата обращения: 21.09.2025).
5. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012 02007040001> (дата обращения: 21.09.2025).
6. «С 1 сентября 2025 г. устанавливаются признаки неиспользования земельных участков из состава земель населенных пунктов, садовых земельных участков и огородных земельных участков». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/89538.html> (дата обращения: 21.09.2025).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 42 (593) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 29.10.2025. Дата выхода в свет: 05.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.